

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

11
'97

Фото В.НИКОЛАЙЧУКА

10 ноября —
День
милиции

НА БОЕВОМ ПОСТУ

11'97

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России.

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное
командование
внутренних войск.
111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректор
БОГДАНОВА Е.А.

На 1-й странице
обложки фото
А. ФЕДОРОВА.

В номере:

Актуальное интервью

МАКСИН Б. Такими будут войска завтра 2

Назовем поименно

НАЙДЕНОВ В. Слово о брате 7

По страницам Книги памяти 12

Эхо Чечни

КАРПОВ Б. Бамут 16

КИРИЛЕНКО А. История одного пленения 24

Служба

МАКАРОВ А. Трагедия "Золотого Рембо", или
Саперы в поединке со смертью 27

ТКАЧУК Н. Главный критерий 34

КУДРЯШОВ В. Книга о локальных войнах 40

Ретроспектива

СЕРБА А. Казачество и российское офицерство . 42

Проза. Поэзия

ПОДНЕСЕНСКИЙ А. Охота на коменданта
(повесть) 48

КАСМИНИН Г. Когда обрывается маятник
сердца... (стихи) 70

Калейдоскоп

ЗАХАРЧУК М. Владимир Конкин: "Каждая роль —
главная" 73

Шахматный клуб 78

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1997

Сдано в набор 28.09.1997 г. Подписано к печати 30.10.1997 г. Формат бумаги 70x108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 1603. Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 11000 руб. (индекс 70610), для предприятий и организаций — 13500 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена "Знак почета" типография "Красная звезда",
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский
проезд, 8.
Телефон для справок:
361-81-71.

ТАКИМИ БУДУТ ВОЙСКА ЗАВТРА

*На вопросы нашего корреспондента отвечает
первый заместитель главнокомандующего —
начальник штаба внутренних войск МВД России
генерал-лейтенант Борис МАКСИН.*

— Жизнь продиктовала новые приоритеты в служебно-боевой деятельности войск, а стало быть, и необходимость их реформирования. Как сегодня развивается этот процесс, товарищ генерал-лейтенант?

— Реформирование внутренних войск началось в 1993 году и рассчитано на три этапа: с 1993 по 1996, с 1997 по 2000 и с 2001 по 2005 годы. Эта проблема была поднята, когда войсками командовал нынешний министр внутренних дел России генерал армии Анатолий Сергеевич Куликов. Разработанная концепция преобразований утверждена в МВД и одобрена Президентом Российской Федерации. Она предусматривает, если говорить кратко, оптимизацию управленческого аппарата, устранение параллельных и дублирующих звеньев, сокращение численности внутренних войск.

Первый этап реформы завершен, результаты рассмотрены на коллегии

Министерства внутренних дел и признаны удовлетворительными. Сейчас войска находятся на второй стадии реформирования. По сути, решается вопрос, какими они будут: стационарными, то есть выполняющими задачи, как правило, в пунктах постоянной дислокации, или мобильными — способными быстро перебрасывать свои силы и средства, концентрировать их там, где это необходимо, решительно и умело действовать в любом регионе России. Понятно, что мы склоняемся ко второму варианту. И не в угоду ведомственным интересам, а исходя из требований нынешнего беспокойного времени, учитывая сложную криминогенную обстановку в стране, реальную и потенциальную угрозу общественной и государственной безопасности.

Другая важная задача — оптимальная организация войск в масштабах оперативно-стратегических объединений. Вопрос уже проработан совместно с Министерством обороны, найдены подходы к его решению.

Словом, реформирование войск правопорядка — это целый комплекс мероприятий, включающий в себя все аспекты подготовки, обеспечения и деятельности объединений, соединений и частей, военно-учебных заведений, органов управления.

— А что конкретно уже сделано на нынешнем этапе реформ, как совершенствуется в ходе перестройки система взаимодействия внутренних войск с другими силовыми структурами государства?

— Первое. Признано целесообразным иметь военное командование на всех направлениях, которые считаются основными на территории России. В связи с этим возникает необходимость реорганизации наших округов, но, я думаю, региональная перестройка объединений пройдет безболезненно. В итоге будет обеспечен единый подход к созданию группировок сил на любом оперативно-стратегическом направлении или театре военных действий, в любом регионе страны.

Второе. Согласованы вопросы создания эффективной системы управления на случай решения задач в сложной обстановке. К примеру, при возникновении чрезвычайных обстоятельств, угрожающих внутренней безопасности, главным будет МВД, остальные структуры ему помогают. Возникла критическая ситуация, вызванная стихийным бедствием, крупной аварией или катастрофой, — силовые ведомства будут помогать МЧС. Случился захват заложников или совершен террористический акт — все работают на ФСБ. Что касается обеспечения внешней безопасности государства — тут ведущую роль в обойме силовиков играет Минобороны.

Для того чтобы уверенно и согласованно действовать, объединяя усилия различных структур, будем накапливать необходимый опыт в ходе совместного обучения. Формы здесь

могут быть самые разнообразные: от штабных тренировок до учений на местности. Одно министерство выступает головным, остальные представлены оперативными группами, они будут по мере возможности оказывать содействие ведущему управленческому звену на своих участках ответственности.

Третье. Выработан единый подход к подготовке кадров. В чем его суть? На первом этапе — в военных институтах и училищах — Вооруженные Силы и внутренние войска готовят офицеров дифференцированно, по своим программам, с учетом специфики выполняемых задач. Разумеется, в наших вузах будущие командиры и специалисты в необходимом объеме проходят курс общевоинской подготовки. На второй ступени обучения — в оперативно-тактическом звене — программа общевоинской подготовки единая, различия только в специальных предметах. Подготовка на третьей ступени (оперативно-стратегический уровень) должна осуществляться по единой программе. Так же, по единой программе, готовятся в военно-учебных заведениях связисты, тыловики, автомобилисты, инженеры, специалисты других профилей.

Поскольку высшее военное образование обходится недешево, а в бюджете полно незалатанных дыр, принято решение перейти на двухгодичный срок обучения в военных академиях.

— Не отразится ли это “секвестирование” на качестве подготовки офицеров?

— Отсеченный год планируем компенсировать за счет интенсификации учебного процесса, широко внедряя компьютерную технику, нестандартные методы обучения, повышая роль самостоятельной работы слушателей.

Четвертое. Идем по пути взаимо-

Визитная карточка

МАКСИН Борис Павлович родился в 1945 г. Окончил Саратовское военное училище МВД СССР, Военную академию имени М.В.Фрунзе (с отличием) и Высшие академические курсы при Академии Генерального штаба. Был курсовым офицером в училище, командовал батальоном, полком, дивизией, прошел ряд штабных должностей, возглавлял Приволжский округ внутренних войск. В феврале 1997 г. назначен первым заместителем главнокомандующего — начальником штаба внутренних войск МВД России. Женат, имеет сына.

понимания с армейцами в разрешении проблемы технического снабжения войск, выступая за создание системы единого заказа. Наши взгляды здесь таковы. Объединенная группа представителей министерств и ведомств, заинтересованных в размещении заказов на изготовление тех или иных образцов техники и вооружения, четко формулирует, каким требованиям они должны отвечать. Над проектами в соответствии с этими требованиями начинают работать несколько институтов. Из выставленных проектов на конкурсной основе выбирается один — тот, который устроит всех. Затем дается задание на изготовление опытного образца. Завод его выпустил, он проходит испытания, по результатам которых каждое министерство и ведомство дает свое заключение. И только после того как все придут к единому мнению, образец запускается в серийное производство.

Министерство обороны предложило, чтобы весь этот цикл проходил под его эгидой. Мы придерживаемся иного мнения. Получать заказы, составлять соответствующие программы и выходить в правительство с предложениями, что дать, сколько и какому ведомству, должно Министерство экономики, больше всех заинтересованное в производстве. Именно такой подход, на наш взгляд, ориентирован на общую пользу, эффективность и качество. В конечном итоге он продвигает вперед научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, даст новый импульс военному производству.

Пятое. Продолжается процесс оптимизации объема и перечня задач, выполняемых внутренними войсками, что, естественно, влияет на их штатную численность. Так, уже завершена передача охраны исправительно-трудовых учреждений органам уголовно-исполнительной системы. В ближайшее время освободятся и от задач конвоирования осужденных на железнодорожном транспорте.

Следующим шагом будет, очевидно, практическое рассмотрение вопроса о целесообразности охраны ряда сооружений на коммуникациях, а также оборонных предприятий, изменивших форму собственности. Как показывает проведенный штабом

анализ, под крышей 50 таких предприятий, которые постановлением правительства включены в перечень важных государственных объектов и находятся под охраной внутренних войск, свили уютные гнездышки 340 коммерческих структур. Некоторые из них привлекают даже иностранный капитал. Скажем, на единой территории с НПО "Луч" (г. Подольск) расположены акционерное общество "Опытный завод "Луч" и шведская фирма "Тетрапак", АО "Химпром" (г. Новочебоксарск) связано контрактом с фирмой из Люксембурга "Эспанко".

Еще один красноречивый пример. Производственное объединение "Полимер" Министерства экономики России приютило у себя аж четыре коммерческих предприятия: "Словер" — по производству лапши, "Кранлак" — красок, "Мис" — мебели, "Химик" — формалина. А госзаказ на "Полимере" составляет... около двух процентов.

— И это важный государственный объект?!

— Да, для кого-то очень важный. Здесь уместен вопрос: в чьих интересах охраняют такие объекты внутренние войска, кому облегчают жизнь, затрачивая бюджетные средства на обеспечение и снабжение подразделений, караулов и комендатур? К слову, охрана одного только "Полимера" обходится государству в 21,6 миллиарда рублей в год...

Но проблема заключается не только в разбазаривании государственных средств. Дело в том, что администрация важных объектов оформляет фирмам пропуски на право прохода на территорию предприятий без досмотра. То же самое и с их машинами: провози любой запрещенный груз, "корочка" дает часовым сигнал "стоп!". А кое-где нам даже не сообщают, какое производство в цехах ВГО разворачивают новоиспеченные фирмы: дескать, коммерческая тайна, военным знать не положено. Ну и можно ли, скажите на милость, в таких условиях организовать надежную охрану предприятий, обеспечить режим их безопасного функционирования? Вопрос риторический. Даже наивному ясно, что льготы и послабления, которые выбивают себе "новые русские", качающие прибыль с "оборонки", повышают угрозу соверше-

ния диверсий и террористических актов, дают зеленый свет несунам и жуликам всех мастей.

Конечно, с таким положением дальше мириться нельзя. Изучив ситуацию, мы представили на рассмотрение правительства реестр предприятий, фактически утративших в силу вышеуказанных причин статус важных государственных объектов. Попросили исключить их из перечня ВГО, подлежащих войсковой охране, поскольку самостоятельно снять свои караулы не имеем права. И что же!? Сразу встретили серьезное сопротивление ведомств, в подчинении которых эти предприятия находятся. Впрочем, удивляться тут нечему: разве плохо — наваривать капиталы, имея даровую стражу? Собственная-то служба “секьюрити” в круглую копеечку влетит. Однако здесь командование не отступит ни на шаг, отстаивая государственные интересы. Хватит военным батрачить на “новых русских” и иностранных бизнесменов — стеречь их “свечные заводики”!

Перечисленные меры позволят в ближайшее время уменьшить численность внутренних войск примерно на 20 процентов. При этом надо учесть, что за последние пять лет мы расформировали 34 соединения и части, сократив войска почти в два раза. Ныне их численность составляет 257 тысяч человек.

— Борис Павлович, а сколько военнослужащих находится непосредственно на боевой службе?

— Ежедневно несут службу с оружием более 90 тысяч солдат, прапорщиков и офицеров. Да приплюсуйте еще личный состав специальных моторизованных частей общей численностью 30 тысяч человек, их войсковые наряды патрулируют улицы в ста крупных городах России, помогая органам внутренних дел поддерживать общественный порядок. Это к сведению тех, кто считает, что внутренние войска раздуты сверх меры и впустую проедают государственный хлеб, кто забывает, сколько сил пришлось затратить в борьбе с дудаевским режимом и сколько еще недобитых бандформирований угрожают хрупкому миру на Северном Кавказе.

— В связи с этим вопрос: как отразилась на процессе реформи-

рования войск чеченская кампания?

— Война обнажила серьезные недостатки в системе подготовки соединений, частей и подразделений. Проанализировав горькие, подчас трагические уроки, внесли изменения в программу обучения младших командиров. Значительно изменили программы в военных вузах. Ныне содержание занятий по тактике, другим дисциплинам тесно увязано с практикой боевого применения войск. Недавно, к примеру, был представлен хороший аналитический материал на научно-практической конференции в Академии имени Фрунзе. Слушатели нашего факультета, обсуждая проблемы использования сил правопорядка в локальных конфликтах, опирались не на учебники, а на собственный опыт, добытый в боях и походах.

— А теперь о том, что волнует многих офицеров. Повлияют ли грядущие реформы на роль и место внутренних войск в правоохранительной системе и военной организации государства, на характер выполняемых личным составом задач?

— Войска остаются в составе МВД. Что касается задач... Скажу так: вряд ли завтра нам будет легче, чем сегодня. Пока сохраняется угроза внутренней безопасности России, нет оснований думать иначе.

— Когда ведут речь об источниках угрозы безопасности страны, в первую очередь имеют в виду нестабильную обстановку на Северном Кавказе. Кстати, теперь уже не секрет, что в непосредственной близости от административной границы с Чеченской республикой — в Дагестане, в Ингушетии, в Ставропольском и Краснодарском краях — дислоцируются многие наши воинские части...

— На Северном Кавказе находится двадцатитысячная совместная группировка сил внутренних войск, Министерства обороны, Федеральной пограничной службы. Это основная оперативная единица, которая прикрывает границу с беспокойной Чечней. Она создана для того, чтобы по Северо-Кавказскому региону не расползались метастазы бандитизма с территории мятежной республики. Президент Ичкерии Аслан Масхадов

принимает все меры, вплоть до показательных расстрелов, стремясь остановить вал преступности, но он пока не в состоянии контролировать обстановку в районах, где хозяйничают вооруженные банды. Поговорите с беженцами, они расскажут, какой беспредел там творится. Поговорите с людьми, живущими рядом с административной границей. Они благодарны военным и уверены в том, что войска их защитят.

Присутствие внутренних войск невыгодно только преступникам. Только им это неудобно, потому что все ограничения, которые введены здесь, осуществляются в отношении тех, кто занимается черным бизнесом — распространением наркотиков, похищением людей, торговлей оружием.

— Не могли бы вы рассказать о результатах служебно-боевой деятельности оперативной группировки?

— За восемь месяцев текущего года на административной границе с Чеченской республикой силами внутренних войск изъято 668 единиц огнестрельного оружия, досмотрено 632 тысячи автомобилей, найдено 400 угнанных машин. За различные правонарушения задержано 11667 человек, в том числе 1500 — за преступления и 200 — находившихся в розыске. За этот же период войсковые наряды, контрольно-пропускные пункты и заставы 31 раз обстреливались вооруженными бандитами. В ряде случаев для пресечения бандитских действий наши военнослужащие были вынуждены открывать ответный огонь. Каждому такому факту дается правовая оценка. До сегодняшнего дня во всех случаях оружие применялось правомерно.

— Борис Павлович, делается ли что-нибудь главным командованием, штабом внутренних войск для оказания помощи чеченским лидерам в борьбе с разгулом бандитизма?

— Между МВД России и МВД Чечни подписан договор, в нем есть место и внутренним войскам. На сегодняшний день мы уже взаимодействуем с ичкерийским министерством внутренних дел. Когда силы правопорядка Чечни проводят операцию по разоружению какой-то банды, федеральные войска блокируют грани-

цу, чтобы эта банда не проникла на территорию Ставропольского или Краснодарского края, в Дагестан или Ингушетию.

В МВД Чечни есть наше представительство. Мы обмениваемся информацией о том, что происходит на административной границе. Если где-то совершено убийство, похищен скот или угнана машина, то об этом по линии наших войск обязательно информируем МВД Чечни. Если что-то случается на чеченской территории и МВД Ичкерии просит какое-то направление или район административной границы плотно прикрыть, идем навстречу.

Как в дальнейшем будет развиваться процесс взаимодействия, зависит от доброй воли правительства Чечни, от позиции руководства правоохранительных органов республики.

— Давайте, товарищ генерал-лейтенант, вернемся к тому, с чего начали, — к проблемам реформирования войск. Какое место в этой работе вы отводите штабу, который возглавляете?

— Тому, кто носит на плечах погоны, понятно, что штаб является мозгом всего военного организма, будь это полк, дивизия, объединение или вооруженные силы в целом. Львиная доля работы по реформированию войск лежит на офицерах штаба. Штаб главного командования — центр, который по крайней мере на ближайшие 2-3 года не имеет права на передышку. Он должен постоянно стимулировать работу по воплощению в жизнь концепции развития внутренних войск, искать оптимальные варианты преобразований.

— Вы сами-то, Борис Павлович, удовлетворены своей работой?

— Если человек полностью удовлетворен результатами своего труда, значит, он себя исчерпал. Нельзя допускать, чтобы чувство удовлетворения порождало самоуспокоенность, гасило инициативу, тормозило рост профессионализма. Чего не успел или не смог сделать, как выполнить порученное дело лучше, качественнее — вот что прежде всего должно беспокоить. Тогда и результаты будут радовать.

Беседу вел

подполковник В. ПАНЧЕНКОВ.

Фото С. НАУМОВА.

Мужество

СЛОВО О БРАТЕ

Не сразу решился написать вам, потому что хочу рассказать о моем родном брате. Капитан Игорь Найденов погиб во время вооруженного конфликта в Чеченской республике. Каждый новый день отдаляет от нас эти кровавые события. Но не уходит, не притупляется боль от безвозвратных потерь в сердцах родных и близких. Очень трудно изложить на бумаге чувства и мысли, которые не перестают волновать и тревожить после трагической гибели Игоря нашу семью: отца, подполковника запаса, ветерана внутренних войск Найденова Анатолия Ильича, маму, Людмилу Михайловну, и нас, его братьев. Но к этому побуждает чувство долга перед памятью брата и его боевых товарищей.

Игорь родился 31 мая 1961 года в семье лейтенанта внутренних войск в далеком таежном поселке Лесной Верхнекамского района Кировской области. Он был в семье первенцем, и родители не чаяли души в нем. Всю ласку и любовь, нежность и доброту отдавали ему, растили сына настоящим мужчиной, честным человеком. Несмотря на чрезмерное внимание со стороны родителей, он был необычайно самостоятельным ребенком. Среди сверстников стремился всегда быть первым, редко плакал, даже если перепадало в дворовых

потасовках и было очень больно. По словам мамы, Игорек всегда болезненно реагировал на излишнюю опеку со стороны взрослых.

Шло время, у Игоря появилось два брата. Семья была дружной и крепкой. Наш отец в то время уже был майором и командовал батальоном в далеком таежном краю. Родители делали все, чтобы мы росли здоровыми, сильными и дружными. Часто отец брал Игоря и меня на охоту. В тайге мы учились метко стрелять, быть внимательными и осторожными, изучали повадки диких зверей. Брат к тому времени заканчивал 8-й класс и был для меня не только наставником и воспитателем, но нередко попросту заменял мне родителей, которые с утра до ночи пропадали на службе. Вся работа по дому и хозяйству распределялась между нами, братьями, в соответствии с нашими силами и способностями.

После окончания восьмилетки для дальнейшего продолжения учебы Игорю пришлось переехать к бабушке в г. Орджоникидзе. Поначалу я очень сильно переживал разлуку, да и в школе чувствовал себя неуютно. Но уроки жизни, которые преподавал мне Игорь, не прошли даром. Очень

Лейтенант И. Найденов с отцом. 1982 г.

скоро я уже мог дать отпор обидчикам и защитить себя и младшего брата.

В 1978 году Игорь успешно окончил орджоникидзевскую школу № 11, где, как способный ученик, верный и добрый товарищ, оставил о себе хорошую память. В этот же год поступил в Орджоникидзевское зенитно-ракетное училище ПВО, которое успешно окончил в 1982 году. Я помню тот торжественный день, день выпуска офицеров. Как сейчас, вижу перед глазами радостные лица молодых лейтенантов, сияют золотом погоны на новеньких мундирах. Видимо, в тот день я и решил для себя вопрос о будущей профессии.

У Игоря было много друзей, он хорошо играл на гитаре, пел, был душой любого коллектива. Дальнейшая его служба проходила в Забайкалье, на одной из дальних ракетных точек. Через год лейтенант Найденов уже был назначен командиром стартовой батареи, которую вскоре сумел вывести в число образцовых.

Как-то отец рассказал о таком случае. Ракетный дивизион, где служил Игорь, располагался вдалеке от населенного пункта, в котором нахо-

дилась школа. Детей офицеров и прапорщиков каждый день возили туда на автомашине. Однажды лейтенант Игорь Найденов был назначен старшим школьной автомашины. Дело было зимой, и автомобиль должен был переехать через замерзшую речку по зимней дороге. Этот путь никогда не вызывал опасений, но неожиданно лед треснул, и машина провалилась. К счастью, глубина оказалась небольшой. Но детей необходимо было срочно вытаскивать из автомобиля и эвакуировать в безопасное место. Тогда брат, сняв с себя тулуп, вошел по пояс в холодную воду и одного за другим вынес детей на сушу. Ледяная купель сказалась на здоровье, он застудил почки и после этого долго болел.

Зимой 1984 года Игоря, как передового офицера, перевели в Орджоникидзевское училище ПВО на должность командира взвода курсантов. Я к тому времени уже учился на первом курсе этого училища, наши жизненные пути снова сошлись. Игорь был настоящим офицером, и я стремился походить на него. Под сенью его авторитета было легче учиться и мне.

Наташа, жена Игоря, жаловалась мне тогда, что у него совершенно не остается времени для семьи. В шутку говорила, что я бываю в увольнении чаще, чем он дома. Игорь действительно много времени уделял курсантам, они, в свою очередь, отвечали ему любовью и уважением, часто просто по-дружески гостили у него.

Годы моей учебы пролетели быстро, и военные пути-дорожки развели нас в разные стороны. Но мы не прерывали связь, постоянно переписывались, помогали друг другу советами, поддерживали добрым словом.

Все было бы ничего, да затеяли в стране перестройку. Хотели сделать как лучше, получилось — как всегда: анархия, развал экономики, безработица. Оказались выброшенными за ворота и многие офицеры.

Училище ПВО расформировали, и Игорь был уволен в запас в связи с

организационно-штатными мероприятиями. К этому времени у него уже была большая семья, в которой росли три дочери. Финансовые трудности и на их основе семейные неурядицы, потеря любимого дела сильно потрясли моего брата. Мы с родителями за него очень переживали, помогали его семье чем могли. Вскоре он устроился работать инженером по эксплуатации радиотехнических средств в аэропорту Беслан, где и трудился около двух лет. Но мечта о военной службе не покидала его.

Посчастливилось, в сентябре 93-го он снова надел офицерскую форму и был назначен на должность старшего помощника начальника службы артиллерийского и технического вооружения Владикавказского военного училища внутренних войск МВД России. Дело для него было новое, интересное, а потому специальность изучил быстро. Качественно, со знанием дела исполнял свои функциональные обязанности. Должность была невысокой, и не из-за нее с таким искренним уважением относились к Игорю командование училища,

офицеры подразделений, преподаватели. Уважали его за порядочность, добросовестность и профессионализм, которые он проявил во время службы в этом коллективе.

В феврале 1994 года и я, по призыву брата, перешел из войск ПВО в одну из частей внутренних войск.

Наступил роковой 1995 год. Оперативные подразделения и части, которые выполняли боевые задачи в Чеченской республике, выдыхались, несли потери. Командованием внутренних войск было принято решение привлечь офицеров военных училищ для усиления и замены офицеров подразделений. В одну из первых таких групп попал и мой брат. Из рассказов отца я знаю, что Игорь перед отъездом очень переживал. Его волновало одно: как он проявит себя, сможет ли зарекомендовать себя как настоящий офицер, не потеряет ли завоеванный ранее авторитет?

Несмотря на одолевавшие его чувства, Игорь упорно готовился к боевым действиям, готовил офицеров своей группы. Он понимал, что война

Семья Найденовых. Игорь — первый справа во втором ряду. 1988 г.

предстоит серьезная и что с врагом придется встретиться не на экранах радаров ПВО, а лицом к лицу. Лучше Игоря никто не знал материальную часть оружия. К нему шли за советом не только курсанты, но и преподаватели кафедры огневой подготовки. В училище помнят случай, когда перед самым отъездом в Чечню к Игорю на работу забежала старшая дочь Иришка и все с ног сбились в поисках Найденова. Оказалось, он сидел в одной из аудиторий и штудировал тактику внутренних войск. В училище, которое он заканчивал, учили вести бой с самолетами противника, но не учили бороться с бандформированиями. В долгих вечерних беседах отец делился с Игорем многолетним опытом по минно-взрывному и инженерному делу, который он накопил за время прохождения службы в должности инженера полка. Советы отца здорово помогали Игорю в критических ситуациях в Чеченской республике.

Перед отъездом у мамы с Игорем состоялся такой разговор. Мать, зная, что у сына больные почки, предложила ему лечь в госпиталь. На что Игорь ответил: "Мама, а как ребята на это посмотрят, ведь они мне верят".

28 февраля 1995 года Игорь был назначен временно исполнять должность начальника инженерной службы одного из полков ОДОНа. За время командировки на войну он со своим подразделением и подразделениями разведки не единожды обеспечивал успешное выполнение боевых задач. Без капитана Найденова не обходилась ни одна специальная операция, рейд, разведка тылов противника, ни одна колонна не отправлялась в дорогу без детального инженерного и технического обеспечения. По словам его боевых товарищей, он проявлял неординарные способности, смекалку и мужество, вселял надежду в своих друзей и подчиненных, личным примером побуждал их к решительным действиям при выполнении задач, связанных с риском для жизни.

В то время, когда Игорь был в командировке, в училище пришел приказ о назначении капитана Найденова на вышестоящую должность — начальником службы артиллерийского и технического вооружения дивизии. За военные заслуги он был досрочно представлен к очередному воинскому званию. Время командировки подходило к концу, впереди ждала новая интересная работа. Но командир полка обратился к Игорю с просьбой задержаться на несколько дней, пока не прибудет офицер для его замены. Зная, что значит для полка в боевой обстановке остаться без инженерного обеспечения, он согласился. Прощаясь с друзьями, улетавшими домой, он крикнул: "Ничего, мы еще выпьем за нашу встречу". Но ни он, ни его товарищи не знали, что готовила Игорю судьба.

22 апреля 1995 года разведдозор оперативной бригады внутренних войск попал в засаду. В ходе боя боевики уничтожили разведчиков. Основные силы бригады, застряв на одной из высот недалеко от населенного пункта Центорой, оказались в тяжелом положении. Личный состав попал под непрерывный шквальный огонь боевиков.

23 апреля полку ОДОНа была поставлена задача провести операцию по разблокированию бригады. Головной походной заставе, в составе которой были командир роты разведки капитан Ефимов, инженер полка капитан Найденов, предстояло на двух БТРах выдвинуться в район гибели разведгруппы бригады, провести разведку местности и подходов, попытаться вывезти погибших военнослужащих. Выполнив приказ, ГПЗ развернулась для обратного следования, но неожиданно попала под ураганный перекрестный огонь. "Духи" стреляли из зарослей "зеленки", видимо, с заранее подготовленных позиций. Сколько времени нужно для того, чтобы из засады расстрелять небольшую группу военнослужащих? В первые минуты боя подбит головной БТР, тяжело ранены коман-

дир роты разведки капитан Евгений Ефимов и заместитель командира инженерного взвода старший сержант Сергей Шарков. Капитан Игорь Найденов и старший сержант Сергей Шарков, который несмотря на тяжелое ранение не оставил поля боя, стали поливать свинцом придорожные кусты, прикрывая своих товарищей. Они сковали действия боевиков, те ослабили огонь, что дало возможность уцелевшим военнослужащим добраться до ближайших зарослей и там укрыться. Даже получив тяжелое ранение, Игорь до тех пор, пока был в сознании, продолжал отстреливаться. Он не мог оставить раненных в бою друзей, не этому учили его отец и старшие товарищи. Неравный бой продолжался около двух часов. Вскоре подоспели на помощь основные силы полка ОДОНа. После вступления их в бой удалось уничтожить засаду и выполнить главную задачу. Бригада, оказавшаяся в западне, была разблокирована. В ходе операции с поля боя удалось вытащить смертельно раненных капитана Найденова и старшего сержанта Шаркова. Их сразу же доставили в госпиталь аэропорта Северный. Но спасти мужественных воинов внутренних войск не удалось. Старший сержант Сергей Шарков умер от потери крови. Сердце Игоря билось еще четыре часа.

23 апреля, в день святой Пасхи, в возрасте Иисуса Христа ушел из жизни красивый человек, смотревший на мир необычайно большими голубыми глазами, мой брат Игорь Найденов. В его бронезилете товарищи обнаружили несколько застрявших пуль.

Весть о смерти брата застала меня в Кизляре, где я находился в составе специального моторизованного батальона...

Приблизительно месяца через три я ехал в поезде Владикавказ—Москва и встретил там лейтенанта Евгения Брайко, офицера того самого полка ОДОНа, в котором воевал мой брат. Он-то мне и рассказал о подробностях последнего боя Игоря.

Женя поведал мне о БТРе, который носит на броне имя моего брата, передал мне маленькую цветную фотографию, на которой запечатлены два молодых офицера полка ОДОНа на фоне БТРа. На башне боевой машины белой краской нанесена надпись: "Смерть вонючим духам за капитана Найденова".

Позже я узнал, что лейтенант Евгений Брайко пал смертью храбрых 14 декабря 1995 года, выполняя специальное задание в городе Гудермес...

Ровно через год после гибели Игоря Президентом России был подписан указ о награждении капитана Найденова Игоря Анатольевича орденом Мужества, посмертно. Боевую награду погибшего офицера вручил родителям Президент Республики Северная Осетия — Алания Ахсарбек Галазов.

Прошло совсем немного времени. Еще продолжает звучать эхо недавней войны, и тлеющие угольки все еще грозят вспыхнуть новым пожаром. А в средствах массовой информации уже раздаются голоса о бессмысленных и напрасных жертвах. Но я никогда не соглашусь с тем, что гибель моего брата Игоря и многих тех, кто пал в этом вооруженном конфликте, была бессмысленной. Я надеюсь, что в нашем Отечестве найдутся люди, которые смогут оградить честное имя настоящих офицеров, всех солдат Отечества. Они до конца выполнили свой воинский долг, защищая интересы своей страны, отдали жизнь за други своя.

Я хочу, чтобы таким запомнили Игоря Найденова его боевые друзья, родители, братья. Таким должны его запомнить дочери Ирина, Оля, Алена и сын Марик.

Вечная тебе память, дорогой брат, светлая память твоим боевым товарищам!

Капитан В. НАЙДЕНОВ.

Владикавказ.

Продолжаем публикацию материалов о воинах, погибших при исполнении служебного долга в Чечне.

*Вместо ласковых рук любимой
Ветер грозных Кавказских гор
Обнимает за плечи с силой
И ведет о войне разговор.*

*Грязь окопная лижет ноги,
Как заблудший бездомный пес,
А война бережет немногих
От беды и седых волос...*

*Старший лейтенант
Андрей ВОЛОШЕНКО.*

По страницам Книги памяти

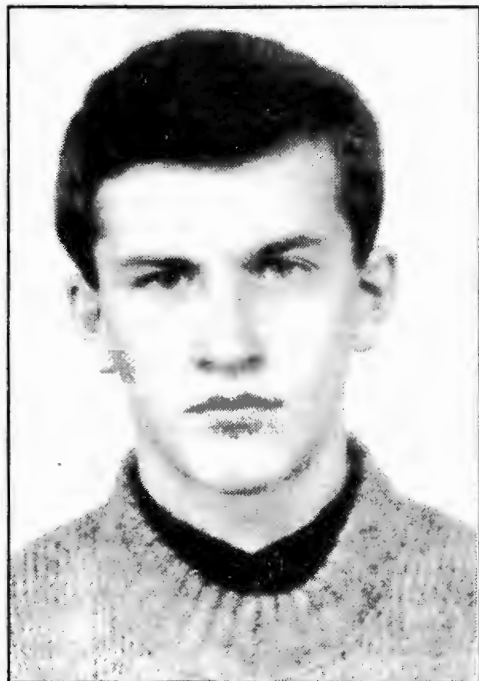
ГЛУШКОВ Алексей Николаевич

Наш Алеша родился 21 апреля 1976 года. Погиб 14 декабря 1995 года. До увольнения оставалась неделя...

Наше горе безмерно, и я до сих пор не могу понять, кто и по какому праву так нелепо распорядился жизнью нашего сына. Два Алешиных деда — ветераны Великой Отечественной. Они воевали за Родину. За что воевал их внук?

Я разделяю горе всех, чьи близкие погибли в этой страшной, ненужной войне, сочувствую тем парням, которые пришли оттуда потерянными. Они не могут устроиться на работу, доучиться, сыграть свадьбу — нет денег. Они даже спать спокойно не могут — им снятся страшные сны о той войне...

Мой сын погиб, попав в составе колонны в засаду у Гудермеса. В свидетельстве о смерти записано: "Наружное кровотечение. Огневое пулевое ранение шеи с повреждением сонной артерии..." Сопровождающий

говорил, что смерть наступила мгновенно. Кто-то утверждает, что он еще жил 5—6 часов, мог ходить... Как все было на самом деле, кто должен от-

В минуты отдыха.
Алексей Глушков слева.

ветить за смерть сына — вопросов много, вот только задать их некому.

Алешин командир написал нам:

“Я, именно я являюсь виновником гибели вашего сына, поэтому теперь вы знаете, на кого можно спустить всех собак... Любой командир на ответственную задачу, в бой берет самых подготовленных, проверенных, надежных людей, на которых он может положиться. Поэтому в бою со мной оказался ваш сын...”

Поверьте: в этом бою все были равны. Пуля настигла Алексея. Вот так я потерял такого мужика, а вы своего сына. Я знаю, что мне нет прощения, но если сможете, попытайтесь понять меня: там был ад...”

А наши дети верили, что вернутся домой и все будет нормально. Так писал наш сын. Это строки из его последних писем:

“Пока идут переговоры, у нас затишье... Спим, загораем, осталось меньше 100 дней службы...”

“В воздухе запахло осенью. Ходит много слухов о льготах при увольнении. Хочется верить, но на примере прошлой демобилизации приходит сомнение...”

“Сейчас мы живем неплохо, лопаем чеченские яблоки, арбузы, загораем

под лучами жаркого, хоть и осеннего солнышка. Кругом, куда ни глянь, — горы. До дома осталось 74 дня!”

Не дожил Алеша до этого долгожданного дня неделю...

*Глушкова Надежда Лаврентьевна,
Кемеровская обл.*

ВЫШЛОВ Василий Владимирович

Спасибо вам, за то святое дело, которым вы занимаетесь. Пусть живут наши дети в памяти людей. Вы просили рассказать о сыне, что вспомнится... Да не забывается ничего!

Ходить Вася начал рано, говорить тоже. В детском саду был в группе старше своего возраста, врач говорила, что ему со сверстниками уже неинтересно. Вообще он был умным, веселым и в то же время серьезным. Помню, расшалился (лет пять ему было), никак уснуть не мог, и я стала сердиться. А он успокоил: “Чтобы маме не сердиться, надо Васе спать ложиться!”

...Как-то летом (это уж в восемь лет) играя в догонялки, столкнулся с другим мальчиком и сильно разбил губу. И пока ему в травмпункте ее за-

шивали, ни разу не пискнул. Даже врачи удивлялись. А потом рассказывал, как было ему больно и страшно, но терпел: боялся, что врачи скажут, что он трус и плакса. «А я же буду солдатом, да, мам?»

...В школе за то, что он носил очки, ребята прозвали его профессором. Он увлекался шахматами, математикой, участвовал в олимпиадах. В одиннадцатом классе в день самоуправления он был директором школы. Пришел такой гордый — еще бы, сам подписывал настоящий серьезный документ (приходили представители санэпидстанции).

В армию пошел сразу после одиннадцатого класса. Было ему интересно узнать, почем фунт лиха.

Писал редко, и хоть рассказывал о трудностях службы, но всегда выходило так, что все вроде нормально. В декабре 94-го он должен был в отпуск уезжать, а тут его подразделение направили в Чечню, и он попросил перенести отпуск. Потом уж я узнала, что он принимал участие в проведении нескольких колонн с продовольствием и гуманитарной помощью от Моздока до Грозного. Дважды их обстреливали бандиты, но все обошлось.

А потом в боях за Грозный 3 января 1995 года его подразделение должно было овладеть заводом около президентского дворца. «Вытесняя противника с завода и прикрывая своей броней товарищей, — писала пресс-служба ВВ МВД России, — экипаж, в состав которого входил Василий Вышлов, смело пошел вперед, но попал под сильный артобстрел. От прямого попадания снаряда бронетранспортер сгорел. Вместе с Василием погибли командир роты и механик-водитель...

А мне и до сих пор не верится, что его нет и никогда не будет. В памяти моей и в моем сердце он со мной.

Мама Васи — Вышлова Т.Л.

СИВЕРИН Юрий Алексеевич

Пишет вам директор школы, в которой учился Юра Сиверин. Дело в том, что семье сейчас тяжело говорить о Юре. Мама его очень больна и практически прикована к постели. Мы, его учителя и одноклассники, постараемся рассказать о нем.

26 мая 1996 года, когда родителям вручали медаль «За отвагу», в школе состоялся вечер его памяти, и мы вспоминали, каким человеком был Юра.

Он был простым русским парнем с широко распахнутыми красивыми синими глазами. Людям с такими глазами, наверное, от природы дано что-то необычное, что отличает от других простых смертных. Он никогда не лгал. Если мальчишки от природы шалуны, то Юра... Учителя школы не могли вспомнить ни одного случая, когда бы он бранился или дебоширил. Скромный, застенчивый паренек, для друзей — просто Юрик. Ему бы с таким характером девчонкой родиться. Но сказать про него «маменькин сынок» — нельзя! Юра был совестью класса. Участник практически всех туристских слетов, спортивных соревнований, учился только на 4 и 5. Увлекался коллекционированием монет, значков. А еще Юра играл на

гитаре и пел. Вокруг него постоянно были люди. Их словно магнитом тянуло к парню. В школе хранится кассета с песнями в исполнении Юры. Их он записал в свой последний отпуск. Эти песни особые — об афганской войне, о Родине, о любимой девушке, маме... Не знаю, кому принадлежат слова этой песни, но это и о нем:

Лучшие ребята из ребят

Раньше всех уходят.

Это странно.

Что ж, не будем плакать

непрестанно —

Мертвые нам это не просят.

Мы видали в жизни их не раз —

И святых, и грешных, и усталых.

Будем же их помнить неустанно,

Как они бы помнили про нас.

Юра погиб, не дожив двух месяцев до своего двадцатилетия. Колонна бензовозов напоролась на засаду боевиков. Головная машина, в которой находился Юрий Сиверин, была расстреляна.

Тело Юрия сопровождал в Большую Романовку его друг Дима Лямцев. Они вместе еще в детский сад ходили, учились в одном классе, потом в один день ушли в армию, служили в одной воинской части — в Отдельной дивизии оперативного назначения. Представляете, насколько тяжело было Диме вести домой погибшего друга...

Пуля пробила документы Юры — военный билет, водительское удостоверение, письма... Сейчас многие его вещи хранятся в краеведческом музее города Барнаула. Есть стенд Юры и в школьном музее. По нашему ходатайству 29 мая 1997 года боль-

шеромановской средней школе присвоено имя Юрия Сиверина. Были различные мнения — нужно это или нет?.. Нам видней, мы больше других знали Юру. Вот за такими ребятами будущее России. Мы до сих пор не знаем правды об этой войне и вряд ли узнаем. Но уверен, что никто и никогда не сможет осудить тех мальчишек, что шагнули в бессмертие, выполнив свой долг.

С уважением —

*Николай Владимирович ЧАЙКА,
директор большеромановской средней школы имени Юрия Сиверина.
Алтайский край.*

**Подготовили к печати
капитан С. КОЛЕСНИКОВ,
А. ЯНКОВСКАЯ.**

Редакция журнала "На боевом посту", газета "Ситуация" продолжают работу по созданию Книги памяти военнослужащих внутренних войск, погибших в Чечне. Мы просим откликнуться всех, кто мог бы рассказать о своих боевых товарищах. Пришлите нам свои воспоминания о них, фотографии. Наш адрес: 107120, Москва, Сыромятнинский проезд, 8. "Ситуация" — "Книга памяти".

При фонде помощи военнослужащим внутренних войск "Чужого горя не бывает" открыт счет на издание Книги памяти. Всем, кто мог бы помочь в этом деле, сообщаем реквизиты:

Москва, АКБ "ТРАНСКРЕДИТ", расч. счет 700701, корр. счет 1161880, БИК 044585575, ИНН 7722012343, фонд "Чужого горя не бывает" — на издание Книги памяти.

*Когда же на стеклах отгорит закат,
Я вижу вновь:*

*предчувствуя поживу,
Летят вороны, третий день летят.
В Чечню или к Персидскому заливу?*

Александр МОСИНЦЕВ
(из книги стихов
"У света на краю").

**Героическая
трагедия**

Глава 3

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Полковник Гаврилов стоял на бруствере окопа, вырытого по краю опушки на Лысой горе. Бывшие "духовские" позиции стали опорным пунктом для двух десятков ребят из оперативного полка внутренних войск. Кривые серые останки бывших зеленых красавцев деревьев смотрятся сейчас декорацией к фильму-сказке про злого дракона. Здесь, похоже, он и жил — среди этих безжизненных стволов и сучьев, еще недавно бывших раскидистыми орехами, дубами и кленами. Гаврилов поднес к воспаленным от бессонницы глазам бинокль: впереди внизу серая с змеиным чешуйчатым блеском на перекатах Фортанга, горная речка, расплетающаяся в несколько грязных прядей, вырвавшись из каменных теснин на равнину. На том берегу — Бамут. В

бинокль видны разбитая мечеть, разрушенная школа, перед ней сгоревший в давнем бою танк. Гаврилов долго водил "восьмеркой" окуляров по панораме Бамута, но не нашел ни одной целой крыши. Чеченское село, которое в последние полтора года упоминалось в газетах и в телеящике, пожалуй, чаще, чем Париж, Пекин или, скажем, Рио-де-Жанейро, казалось вымершим...

Лысую гору обошел в сопровождении сержанта-сапера (иначе здесь нельзя: растяжек и "монок" в густой "зеленке" повешено-понатыкано — прорва целая). Полковник поднялся на верхнюю заставу, где ему показали "духовские" блиндажи в три наката и подземные ходы, уцелевшие после многих "Градов" и "Ураганов".

Теперь здесь обосновались наши. Держат печально знаменитую Лысую, почти каждую ночь отбивая вылазки "духов". Вчера был бой, в котором единственный на опорном пункте офицер капитан Николаенко был тяжело ранен, и старшим по званию военным человеком до утра оставалась фельдшер прапорщик Людмила Михайловна Стегленко. Удержали высоту. Остались на высоте...

Что-то будет сегодня?

Вместе с Гавриловым на замену раненого начштаба прибыл штатный

Бамут. Бывшая школа. Бывший танк...

комбат. Привезли миномет, починенные и отлаженные АГС и пулемет, боеприпасы, воду. Гаврилов, привыкший заглядывать чуть наперед, невольно думал о том, что рано или поздно, но придется сдать и эту высоту, стоившую большой крови. Отвоевали Лысую у душманов, взяли злополучный Бамут, но "чеченские игры" продолжают далеко отсюда, где не видно этих развороченных взрывами домов и горных склонов, куда не доносят ветры трупного запаха и гари с пожарищ. Так же год назад брали с боями высоты по Гудермесскому хребту, чтобы через месяц-другой оставить их "духам"...

Разговоры о странностях этой войны сильно утомляли и раздражали Гаврилова. Но стоило ему появиться в какой-то части, его, как "очень информированного, как очень приближенного к вышестоящему командованию", непременно пытали и офицеры, и солдаты... Им хотелось знать, что будет через месяц-другой и когда закончится война. Ему же, хоть и обязан по должности и опыту стать прозорливым аналитиком, больше хотелось знать, что случится нынешней ночью и доживем ли до рассвета...

До рассвета дожили. Слава Богу, все. Только двое пацанов были поранены осколками за десять часов ночного боя. Гаврилов ходил по кольцу окопов, то останавливаясь у миномета, у расчета АГС, то спускаясь в землянку к раненым. Направленец, куратор, он не был лишним человеком на этой заставе. Кое-что подсказывал комбату, как человек опытный, изрядно уже повоевавший. Комбат — тоже не мальчик, все понимал с полуслова, они с Гавриловым стали в этом бою хорошим дуэтом, красиво и уверенно управляли боем. Гаврилов успевал во время затишья пометать кое-что в блокноте, который был для него собственным журналом боевых действий в Чечне. Иногда помогал ребятам огнем из своего "калаша", когда видел, что бойцы уставали, когда на каком-то участке обороны чувствовал напряг или когда слышал совсем рядом, в двадцати метрах, из густой "зеленки" обреченно-отчаянное "духовское" "Аллах акбар!". Тогда стрелял на голос. Голос умолкал в сухом треске автоматной очереди. Аллахакбаровцы истаяли в гуще леса на рассвете, и бой завершился.

...Едва отдышались, как внизу заурчали бэтры, залязгали бээмпэш-

ки, и Гаврилов с какой-то стыдноватой радостью подумал: "За нами!" Совестно было уезжать всего-то через сутки, как туристу-наблюдателю, вкусившему порцию военной экзотики, как залетному штабисту, хватившему чуток адреналина для кайфа. Приедет сейчас в Ачхой-Мартан, вымоется в душе, выстирает свой изгвазданный за эту ночь тонкий летний камуфляж-"зебру", сытно пообедает с командиром полка и ляжет почивать на белую простынку, на лавры если и не победителя, то уж никак не побежденного... А вот Михайловна остается, может быть, еще для одного нешутейного боя. Остается на горушке со своей неделю невымытой рыжей копной красивых волос, одна среди мужиков и пацанов, которым еще отбиваться от волков...

Через сутки (душ, обед с холодной "соточкой" под жареного карпа, сон-тренаж в полтыщи минут) он был уже в самом Бамуте, в боевых порядках другого полка оперативного назначения. Весь день дотошно вникал в обстановку, в систему обороны, в настроения бойцов и командиров. Ходил по селу, разглядывая нарытые "духами" ходы сообщения между домами, здание местной школы. Надписи на ее стенах свидетельствовали о том, что Бамут несколько раз переходил из рук в руки. Первыми за малярную кисть взялись "душманы", приписавшие к привычному "Добро пожаловать!" свое — "... в ад". Федералы, выбившие бандитов из села, оставили свое мнение тоже — "Духи говнюки", "Конец Бамуту"...

Разбитое вдрызг село показалось Гаврилову символом непонятной, бестолковой, страшной, кровавой драмы под названием "Чеченская война". Конец ли Бамуту, конец ли этой войне? На солнцепеке, на окраине заросшего бурьяном огорода он увидел танк "семьдесятдвойку" с четырьмя русскими буквами "ОМСК" на башне и раненой пушкой — ствол из крепкого металла рвано укорочен едва ли не на треть. Здесь же на костреке коптился-грелся чайник.

— Чайком угостите? — обратился полковник к вышедшему из полуразрушенного дома мужику в тельнике и хэбэ-"песчанке".

— Это запросто.— Невысокий жилистый мужичок подошел не спеша, взглядывая в Гаврилова, пытаясь по одежке определить, что за чин пожаловал. Полковник по случаю жары и пыли позволил себе спецназовско-развездной вариант формы: поверх футболки с короткими рукавами на нем был жилет-разгрузчик, на голове — зеленая косынка. Назвался первым, зная, что окопники не очень-то жалуют незнакомых чистеньких штабных из Ханкалы.

Выяснилось, что у приданных оперативному полку братков-танкистов настроение не самое лучшее: мало того, что во вчерашнем бою лишились пушки, так еще и денег не дают.

Дожидаюсь, пока закипит чайник, закурили, познакомились, разговорились.

Механик-водитель сержант-контрактник Владимир Антонов оказался не то чтобы слишком словоохотливым мужиком, но сразу уловил, что Гаврилов не лясы-балясы пришел поточить, что интерес у него не праздный. Стал рассказывать без утайки, живо:

— Вчера ранним утром, где-то часов в пять — начале шестого; поступила команда, я в шлемофон услышал, выехать на дорогу в помощь заставе, там "духи" БТР обложили. Чтобы времени не терять, рванули напрямки. Успели один выстрел сделать, прикрыв БТР, башню развернули, потому что с домов, с флангов "духи" поливали огнем. Оттуда вспышка — и нам в ствол, хорошо хоть не в башню...

— А чем это?

— Что-то противотанковое — РПГ или ПТУР. Полстола оборвало, прямо туда попали, где ресивер стоит.

— А откуда этот танк?

— Мы из Ханкалы, 205-я мотострелковая бригада, танковый батальон.

— А почему танк называется "Омск"?

— Так экипаж весь омский, все контрактники. Здесь два месяца. Вон наш командир. Командир, айда сюда! Пошел разговор "на троих".

— Служите давно? — Гаврилов видел, что перед ним не восемнадцатилетние пацаны.

— По контракту только два месяца,— ответил командир, — а срочную проходил в Западной группе войск.

На гражданке совсем чуть-чуть пробыл.

— А почему решил на контракт идти?

— У каждого свои причины на это...

— Ну вот у тебя лично какие?

— Причин много. Во-первых, безработица.

— В Омске?

— Да. Ее везде хватает... Во-вторых, деньги везде не выплачивают, ну как обычно, задержка с деньгами, как у нас сейчас принято.

— А на гражданке кем работал?

— В таксопарке.

— Ну и что, плохо там?

— Да ничего хорошего.

— Зарботка нет?

— Там заработную плату не платят: сдаешь план, а все остальное — себе. Как сейчас, все частное... Сам себе делаешь получку. А в армию в основном что подаются — здесь все стабильно, все вовремя.

— Ну уж до стабильности и здесь нынче далеко!

— Без этого куда сейчас.

— Этот бой, вчерашний, у вас первый такой крутой?

— Да это, можно сказать, не совсем крутая переделка была. Может быть и хуже.

— А вы как решились на контракт?

— Гаврилов обратился к Антонову на "вы", тот был явно старше своего командира.

Ответ Гаврилова поразил.

— Первое — заменил сына. — Антонов выждал паузу и, будто прочитав в глазах заезжего полковника немой вопрос, пояснил: — У меня 19 мая был призван в армию сын. Чтобы он сюда не попал, я договорился его отправить на Дальний Восток служить, а сам — сюда. Второе, то же самое — деньги, два с половиной года без работы...

— Погоди-ка, дружище, — Гаврилов незаметно сразу же перешел на "ты", — вот это интересно, как "договорился", в военкомате, что ли?

— Нет, уже на "пересыльном" пункте, где его отправляли. Понимаете, я два с половиной года безработный. Попросили, чтобы от военкомата сопровождал новобранцев.

— Почему безработный, прежде-то где работал?

Сержант Владимир Антонов на своем танке "Омск". "Прощайте..."

— Работал везде: трактористом, водителем, плотником, штукатуром, монтажником — на все соглашался.

— И тут призывают сына?

— Да. И тут чисто случайно узнаю, что есть теперь такая служба — по контракту. А я сына привел. Расспрашиваю у старшего их команды: что, куда, как, почему? А он: "Сначала в Свердловск, в учебку, а потом в Чечню". Я его спрашиваю, как все родители делают, как сына от этого "отмазать". Он говорит: "Если кто-то из семьи будет в горячей точке, значит, больше никого туда не пошлют".

Поехал в облвоенкомат договариваться о контракте. Там сразу предложили мне в Омске служить, но я отказался, так как слово уже дал, что поеду в Чечню. А для меня слово — это закон. Ну и все — оформил все документы, потом очередную партию новобранцев привез на "пересыльный" пункт. В списках читаю фамилию сына — отправлен на Дальний Восток служить, в ВВС...

— Здесь-то зарплатой доволен? — поинтересовался Гаврилов.

— Пока ни разу не получал. Но обещали платить нормально, говорили, не обидят, все, мол, тройное. Наводчик вчера поехал за получкой, но денег нам не привез. Если будет так, как нам обещали, — все в тройном размере, мы согласны. А что сюда попал — просто счастливый случай. Мне-то и годы уже не позволяют, мне уже тридцать восемь, а берут до тридцати пяти по приказу. И во-вторых, я многодетный, у меня четверо детей.

— А жена как отпустила?

— С женой договорился.

Она сначала: “Нет!” — “А мне приятно жить два с половиной года на твою зарплату?” А у нее зарплата была 67 тысяч до Нового года, сейчас стала 120 тысяч получать.

— Кем она работает?

— Служащей в банке.

— Ну в банке даже уборщицы нормально должны получать.

— Да! Смотря в каких.

— Она в Сбербанке?

— Нет, Агропромбанк. Получают обычно руководители хорошо, а мелкие...

— Ну не сто двадцать же?!

— Сто двадцать у нее ставка! Премиальные — раз в квартал, это не в счет. По ваучеру доходы получала как-то раз... Эх, система...

— Значит, четверо детей? В армию-то старший ушел?

— Да, старший, Евгений. Еще один школьник и двое дошкольного возраста. Дочке пять лет и сыну четыре года. В жизни надо что успеть: построить дом, посадить дерево и вырастить четыре подпорки. Вообще-то надо пять подпорок, но мне пятая не удалась — жена на операцию попала. Так что четыре подпорки я себе обеспечил, что со мной случится, замена экипажу сто-процентная есть — три сына. А дочка, если что, пойдет санитаркой. Это все, конечно, шутка — лучше бы им сюда не попадать.

— Это рассуждения простого русского мужика?

— А кого же? Я — из деревни... И еще я против того, что по контракту можно принимать до тридцати пяти лет. Надо, наоборот, брать мужиков, кому и за тридцать пять, кто побывал в Афганистане. Я там был, хоть маленько, но был.

— А где?

— Под Кабулом. Танковый батальон специального назначения. Сопровождение колонн. Я начинал в Германии служить, а перед дембелем закинули в Афган. Без малого два месяца там пробыл. У меня там контузия была и осколочное ранение в голову. А бумага о том — никаких, когда стал об этом вспоминать, меня даже самозванцем называли. Сначала обидно было, а потом прикинул — руки-ноги целы, голова соображает, ну и ладно. Правда, когда через девять лет контузия аукнулась, покаялся маленько. Боялся не столько за себя, сколько за семью — потому что я начал “воевать”, а когда в бреду “воюешь”, семье покоя нет.

— А в Омске последнее место работы какое?

— Я из деревни, в Омске, как иногда говорят, калымил. Официально два с половиной года — безработный. А так подрабатывал тем летом на нефтезаводе. Туда очень тяжело устроиться, попал по хорошему знакомству в одну частную фирму, работал на свой страх и риск: подписал с ними договор, если, мол, со мной что случится, ответственности они не несут. Работал монтажником, хотя высоты страшно боюсь. На свой страх и риск работал, чтобы обеспечить семью. Там не обижали, платили нормально — два-два с половиной миллиона. Но это я летом заработал, а зимой что?..

У меня двое в садик ходят. Где-то в апреле плату за садик увеличили, а я зиму просидел без работы и найти ничего не мог. Написали заявление, что дети в садик ходить не будут. Там плакали сердобольные няньки: “Зачем ты детей забираешь?” — “А кто за них платить будет?” Вшестером как прожить на одну зарплату жены? Тридцать тысяч за двоих я еще кое-как находил. А сейчас надо срок шесть. Где я эти шестнадцать тысяч еще возьму? Когда я не знаю, как взять булку хлеба... Мне и так на улицу стыдно выходить...

Гаврилов слушал этого русского мужика-горемыку, не перебивая. Володя Антонов был как обнаженный нерв — играл желваками, резал правду-матку незнакомому полковнику, облегчая изболевшуюся душу:

— Я пришел сюда, чтобы пацаны этого мрака не видали. Мою молодость мне угробило мое правитель-

ство, родное, советское, а им портит жизнь российское. Мальчишки, контуженные здесь, сейчас хорохорятся, а тут через десять-пятнадцать им аукнется. Как у меня получилось...

Закипел чайник. Они попили крутого черного любимого гавриловского напитка. Когда полковник стал прощаться с танкистами, Антонов был уже на броне, что-то там налаживая. Уже сверху протянул крепкую жилистую руку: "Бывайте здоровы, товарищ полковник! Может, свидимся еще!"

Его убили... через два дня после той встречи в Бамуте. Там снова был ночной бой. Танк стоял без орудия, и сержант Антонов пошел в окоп бойцам, чтобы помочь сынкам. "Духовской" гранатой ему оторвало ногу.

Об этом Гаврилов узнает спустя месяц. И напишет Володиной жене письмо. Он пошлет ей несколько фоток, сделанных тогда просто на память, для дембельского альбома. Память остается горькой. Альбом — черным. Наталья Антонова, вдова с четырьмя детьми, получит сто двадцать месячных окладов механика-водителя танка — бешеные деньги. С ума сойти! У нее осталось письмо, которое Владимир написал на следующий день после встречи с Гавриловым, буквально за сутки до своей смерти.

Гаврилов почувствовал мурашки, пробежавшие по спине, — его знакомый танкист описывал два ночных боя, те самые: первый, когда полковник был на Лысой горе над Бамутом, и второй, в котором они с сержантом Антоновым были в какой-то сотне метров друг от друга.

"Пишу не для того, чтобы ты переживала, а чтобы очистить свою душу от недомолвок. Думаю, что лучше горькая правда, чем сладкая ложь. 22.07 всю ночь до утра шел бой. Наш танк пострадал: прямым попаданием оторвало ствол. Было жарковато. А на следующий день стало совсем жарко. Наш экипаж воевал с пехотой, бой длился с 11 вечера и до 8 утра. Если б еще полчаса, они бы нас смяли: патроны на исходе, гранаты кончились. Мой автомат стал синий — два с половиной цинка расстрелял. Теперь ждем, когда опять пойдут. Но боеприпасов нам подкинули, должно хватить. Лично у меня сейчас два цинка и семь гранат. Ут-

ром рассказали, что на то место, где я сидел с пулеметчиком, навалилось слишком много, а ушло мало. У меня, наверное, волосы поседелели, когда задним числом представил себе эту картину. Ты, моя родная, и вы, маленькие, не переживайте за меня — тогда мне будет спокойней. Я знаю, как вы меня любите и ждете, так что благодаря вашей любви и живу. Сейчас буду перечитывать ваши два письма, глядя на фотокарточки. Пиши, я очень жду..."

У Гаврилова в памяти четко отложилось сказанное танкистом Антоновым, вчерашним безработным из Омска: "А что сюда попал — просто счастливый случай!..."

В ночь на 24 июля в Бамуте погибли четверо наших. ... Уже утром Гаврилов узнал, что погиб спецназовец майор Александр Микитанов. "Росичи" пришли на помощь полку, выставили засаду на самом опасном направлении. Здесь и прозвучал последний выстрел "Фишера", так прозвали Сашу в отряде за его лыжную экипировку.

Эта потеря ударила особенно сильно. Летом, зимой и снова летом, когда Гаврилов встречался с Сашей в Чечне, неизменно заставлял его с винтовочкой-снайперкой. Раз наблюдал, как он чехол для своего ружья шил из камуфлированных лоскутов, сидя в парашютно-прохладной беседочке. А в декабре толковали с ним в Ханкале об одной удачной операции "росичей". Майор Микитанов вспоминал подробности горного похода, скоротечного выигранного боя, а ловкие руки его привычно чистили-ласкали вороненые детальки.

20 июля встретились мимолетно и разъехались. Майор Микитанов вернулся с задания, пропыленный, в брезентухе-"горке", в косынке, неизменная винтовочка в руках. Полковник Гаврилов отправился в Бамут, не зная, что через трое суток примут там войска суровый ночной бой, в котором Саша Микитанов будет в засаде в какой-то сотне метров. В начале того ночного боя в грохоте гранатных разрывов, в оглушающем треске автоматных и пулеметных очередей прозвучал и его последний выстрел...

Вроде бы истина: жизнь прекрасна и удивительна. На войне осознаешь и другое: страшная штука — эта

жизнь. Как-то Саша Микитанов рассказывал полковнику Гаврилову о погибшем своем друге — Сергее Петрушко, ставшем посмертно Героем России. Почти одновременно пришли они во внутренние войска, служили в одном полку дивизии оперативного назначения, даже квартиры получили в одном подъезде. Были фанатами каждый на своей кафедре: Петрушко — в разведке, Микитанов — в снайперском деле. Александр, окончивший институт физкультуры, был мастером спорта по биатлону — метко стреляющий лось — то, что нужно в спецназе. Физподготовкой и стрельбой не ограничивался. “Краповый берет” на боевой операции в горах Бамута или Грозном — не спортсмен на биатлонном стадионе в Холменколлене или Раубичах. Для Микитанова идеалом бойца были не Шварценеггер, не Сталлоне и их герои. Авторитетом для майора был Алексей Алексеевич Кадочников — “русский ниндзя”. К нему начфиз “росичей” ездил дважды. Говорили о многом: о способах выживания в экстремальных ситуациях, о рукопашной “один против четверых”, о стрельбе на шорох...

Майор Микитанов был и командиром группы, и начфизом отряда. В командировках обычно выполнял обязанности начальника штаба, как было и в этот раз, когда штатный НШ командовал отрядом. На “боевые” выезжали все — офицеров мало, а задачи отряду ставили сложные, продолжая считать его палочкой-выручалочкой. В самых крутых, почти безнадежных ситуациях. “Если спецназ не сделает — никто не делает”...

В ночь на 24 июля бандиты небольшими группами попытались вклиниться в стыках между подразделениями в наши порядки. Ночь — хоть глаз выколи. “Духи”, местные и пришлые, прекрасно знают местность. В двухметровом бурьяне, огородах, по развалинам домов пробрались на сельское кладбище, устроили снайперские лежанки среди надгробных камней.

Микитанов с напарником-снайпером облюбовал и себе крышу полуразбитого дома. Крыши, точнее ска-

Майор Александр Микитанов.
Чечня. Лето 1995-го.

зать, не было, ее давно сдуло в Бамутской свистопляске. Микитанов с бойцом залегли под черным небом за невысоким бортиком. Устраивался он, как всегда, уютно, чтобы ничто не мешало боевой работе. “Броник” установил щитом перед собой.

Что говорил перед боем? Солдаты позже вспомнили, как майор усмехнулся, узнав про “духовский” радиоперехват. Бандиты запустили уже в эфир: “Бамут взят!” — “Ну уж хрен вам!” — сказали враз несколько голосов.

В том бою он успел сделать один выстрел. Надо заметить, что Саша редко промахивался, работал профессионально, красиво и экономно. Но на войне стреляют не только с фронта. В ту ночь по нашим позициям били практически вкруговую. Бой в Бамуте стал последним для гавриловского доброго знакомого майора Саши Микитанова...

Пуля прошла его от поясницы до плеча. В несколько минут с кровью, с хрипом ушли остатки жизни. Даже бесстрашная Ольга, санинструктор спецназа, бывшая в боевых порядках и подоспевшая тут же, ничего не могла уже поделывать. Был бы на нем

бронезилет... Не помог бы, рассуждали уже после случившегося его товарищи — пуля крупнокалиберная, да и вошла коварно, сбоку...

Утром "духи" еще отплеивались из приглушенных насадками автоматов, уходили в пойму Фортанги, в сторону спасительной Ингушетии. Прапорщик, пробравшийся в окоп к полковнику Гаврилову уже на рассвете, сообщил горькую весть — погиб Микитанов.

Саша, Саша... Порыв ветра принес не выветрившийся еще запах пороховой гари. От него запершило в горле и защипало глаза...

В офицерской палатке на нарах Гаврилов увидел аккуратно застеленную синим одеялом постель. На подушке — краповый берет. Сашин. На дощатом полу — вычищенные до блеска его ботинки. Сумка с личными вещами, которые завтра отвезут вдове. Среди личных вещей есть и казенные: наставления по стрельбе, всякие щеточки, ершики, выколочники, масленочки для его винтовочки. У входа в палатку осталась банка с керосином — вчера вечером Саша готовил оружие к бою.

Поминали погибшего офицера здесь же, в палатке. Нарезали вкуснейшее, с чесночком, сало — Сашина жена прислала ему с оказией только вчера. Сослуживцы привезли гостинец из дому как раз в тот день, когда майор Микитанов уже ушел в свой последний бой...

Выпили по горькой чарке. Врио командира коротко объявил: "Тело поедет сопровождать майор Разин. Думаю, офицеры соберут по двести тысяч на похоронные дела". Гаврилов протянул свои две сотни...

Утром майор Разин подошел к ночевавшему у спецназовцев Гаврилову и как-то смущенно спросил: "Товарищ полковник, вы не будете возражать, если мы на ваши деньги купим конвертов — ни у солдат, ни в кассе ни гроша, а матери ведь письма от пацанов ждут..."

— Да, да, дружище, конечно... — Гаврилов малость опешил от такого поворота событий: "Похоронные деньги — солдатам... на конверты..." А потом решил, что так оно будет лучше: матери этих стриженных спецназовцев, девятнадцатилетних парнишек, вышедших из бамутского, из чеченского ада, ждут от них весточек

— жив, мол, я, мама... А Саша Микитанов не обидится, если на его могилу ляжет на несколько цветков меньше или на поминках будет победнее стол. Саша все понимал в этой жизни правильно...

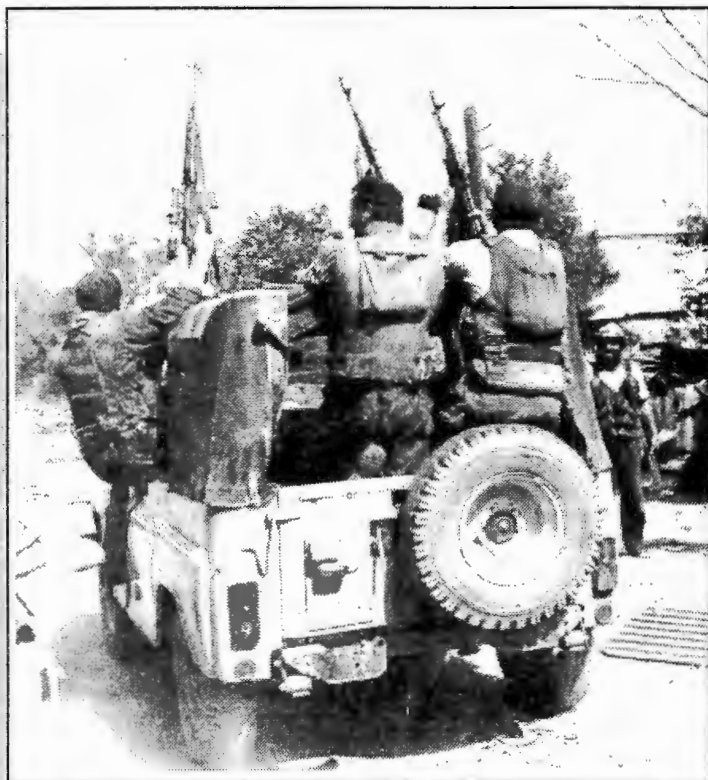
* * *

Гаврилов уезжал из Бамута утром. Оглянулся в последний раз на разбитое вдрызг село, считавшееся неприступной крепостью дудаевцев. Там оставался несгибаемый взвзанный полк. Влево и вправо расходились, выпуская бэтры на равнину, два хребта. С убитыми и ранеными на броне небольшая колонна выезжала из Бамутского треугольника. Было горько...

Гаврилов бросил прощальный взгляд на Лысую гору — корявые обугленные стволы драконовского леса прячут за собой пробитый пулями выцветший российский флаг — два дня назад Гаврилов насчитал в нем тридцать две раны. Там, за Фортангой, на высотке, начинается очередной боевой день. Бойцы почистят оружие после ночного боя, попьют чайку (если есть сегодня вода), сосчитают боеприпасы. День, хоть и летний, пролетит быстро. А ночи здесь приходят резво. И бывают очень темными...

Угрюмо-злой шум изношенных моторов вспугнул в придорожной чахлой посадке черное воронье. Закакали, полетели в сторону Бамута...

**Фото автора и
О. СМЕРНОВА.**

Точка зрения**ИСТОРИЯ ОДНОГО
ПЛЕНЕНИЯ**

С незапамятных времен сдача неприятелю обороняемого объекта, города или района, территории считалась тяжким преступлением. Виновных в этом, если они не становились жертвами победителей, нестигала кара соплеменников. Обычно рубили голову, редко — применяли пытки. Чтобы узнать почему, зачем, с кем в сговоре?

Из истории Великой Отечественной войны мы почти не знаем случаев позорной сдачи противнику своих позиций. Хотя они наверняка были, ведь подошли же фашисты к стенам первопрестольной. О таких случаях не распространялись, воспитывали на других примерах. Да и жесткие приказы Сталина требовали одного: ни пяди советской земли врагу! Неукоснительно соблюдалось и железное правило, по которому после вынужденного оставления своих позиций советские подразделения или части обязаны были вернуть, отбить этот клочок земли любой ценой. Иначе — военный

трибунал, штрафбат, лагеря, вечный, несмываемый позор. Наверное, такие указы и постановления правительства и способствовали стабилизации обстановки на фронте. На войне все понятно: есть оккупанты, нужно защитить свою землю от порабощения.

После развала "великого и могучего" Союза стали возникать и множиться "локальные конфликты", "национальные распри", "междоусобицы". Но "Словарь русского языка", изданный Академией наук СССР в 1981 году, состоянию вражды, борьбы с кем-либо дает однозначное толкование — война.

Самое интересное, что разведслужбы США прогнозируют вероятность возникновения таких вот локальных войн во многих точках на территории бывшего СССР. Хорошо бы только прогнозировали...

Будучи втянутыми в политические игры, Вооруженные Силы и внутренние войска теряли свой престиж. В одном случае они становились жандармами, если действовали решительно и правомерно применяли силу, в другом — объектом насмешек и нападок, своего рода козлами отпущения, если из гуманных соображений или из-за бездействия политиков проявляли нерешительность. А это вело к тому, что зачастую брошенный на произвол судьбы, без пищи, средств ведения боевых действий человек в форме терялся в сложных ситуациях, не совсем понимая свою задачу да и цель всей кампании. Словом, политики, стратеги и тактики, словно лебедь, рак да щука, решали каждый свои задачи, не взаимодействуя, а порой просто подставляя друг друга.

31 мая 1996 года возле поселка Шуани Чеченской республики боевиками был захвачен блокпост внутренних войск. Военнослужащие одного из полков Отдельной дивизии оперативного назначения попали в плен, не оказав, по оценке вышестоящего командования, достойного сопротивления противнику и не нанеся ему сколько-нибудь значимого урона.

На последний день мая военнослужащие "блока" имели по одному боекомплекту на каждого солдата, тысячу снарядов к ЗУ-23, один боекомплект для бронетранспортера, два ящика выстрелов к ручным противотанковым гранатометам и четыре "Шмеля".

Попытку штурма "духи" предприняли около девятнадцати, когда на горы уже опускалась темная кавказская ночь. Не успел командир блокпоста старший лейтенант Вячеслав Попов после проверки патрулей и дежурных огневых средств зайти в свою палатку, как раздался оглушительный взрыв. Выскочив на улицу, Вячеслав увидел, что в его сторону летит граната из РПГ. Упал, перекатился в сторону. Сразу же ПТУРОм был подожжен бронетранспортер. Укрывшись в непролазной "зеленке", вплотную примыкавшей к посту, боевики создали сплошную стену огня.

— Всем в укрытие! — скомандовал Попов, пытаясь оценить обстановку и принять решение.

Находившиеся на постах бойцы открыли ответный огонь. Но он оказался неэффективным. Боевики находились на господствующей высоте и были практически недосыгаемы.

В первые минуты боя получили тяжелые ранения сержанты Беляев и Гурин — они были посечены осколками. Был ранен и командир. Один осколок впился в ногу, второй навывлет прошил челюсть. Попов с недоумением посматривал в сторону огневой позиции расчета ЗУ-23 — почему они молчат? Позже станет известно, что спрятавшиеся в укрытие солдаты так и не смогли больше приблизиться к "зушке" — по ним плотно работала пара снайперов.

Только начался обстрел поста, наводчик пулемета рядовой Золотарев сразу же вышел на связь и доложил в полк: "Совершенно нападение на пост превосходящими силами. Отбиться не сможем. Ждем помощь". В это же время в открытый люк бронетранспортера влетела граната, а через миг бронированную машину настиг "Фагот". Тяжелораненый наводчик успел выбраться из черного смердного дыма.

Помощи из части так и не дождались. Начался проливной дождь. Осажденные со всех сторон защитники поста собирались возле сгоревшей командирской палатки, докладывая обстановку и о наличии боеприпасов.

— У меня ни одного патрона.

— Полмагазина...

— Два патрона.

Старший лейтенант Попов решил отправить группу во главе с пулеметчиком рядовым Григорием Дворецким на прорыв к соседнему батальону. Но ушедшие было в темноту солдаты вскоре вернулись обратно. Пройти незамеченными оказалось невозможно, везде были "духи".

Первый помощник Харбо Хаттаба полевой командир Али прокричал окруженным военнослужащим:

— Солдаты и офицеры! Мы знаем, что у вас патронов нет. Сдавайтесь!

Вячеслав Попов решил держать совет. Он собрал бойцов:

— Или мы остаемся здесь, тогда нас всех перережут. Или...

Офицер вышел на переговоры с Али. Он спросил у полевого командира:

— Мои солдаты будут жить?

— Клянусь аллахом, что солдаты останутся в живых.

— А гарантии? — продолжал Попов.

— Никаких, — честно ответил Али.

— Дайте мне пятнадцать минут, мне нужно переговорить с солдатами.

— Хорошо, но никаких предварительных условий с вашей стороны. Или вы сдаетесь, или мы начинаем штурм блокпоста.

Пятнадцать минут нужны были офицеру, чтобы уничтожить личное оружие. Солдаты закапывали подствольники, разбирали о камни автоматы. Попов лично разобрал снайперскую винтовку и ее части разобрал в округе.

Уже после захвата военнослужащих Али предложил старшему лейтенанту Попову выйти на связь с соседями и предложить им сдаться.

— Я не сделаю этого, — категорически ответил Попов.

— Ты что, коммунист? — ехидно ухмыльнулся полевой командир.

— Я офицер.

— Ладно, отвезем к Хаттабу. Он сам тебя зарежет...

О подробностях содержания наших военнослужащих в плену можно говорить много. Им угрожали пытками, несколько раз хаттабовцы имитировали расстрел "коммунистов". Старший лейтенант Вячеслав Попов и его заместитель лейтенант Иван Кабачкин несколько раз пытались бежать. Поэтому боевики держали офицеров под усиленной охраной, даже не выводили их на хозяйственные работы, не разрешали общаться со своими подчиненными.

Поодиночке и небольшими группами уже освободили многих солдат и сержантов. Спасение к офицерам пришло неожиданно. Из "лагеря смерти" их вытащил армейский полковник. Целый месяц довелось ему вести переговоры с Хаттабом. Однажды тот спросил:

— Ради чего, полковник, ты так стараешься? Они ведь не твои.

— Пойми ты, они русские, как и я. Мы одной веры, одной крови, одной присяги. Это мои дети, мои парни!

Видя, что настырный командир 131-й майкопской бригады Вооруженных Сил России от своего не отступится, полевой командир-иорданец потребовал за освобождение военнопленных кучу боеприпасов. Но в итоге получил лишь разукомплектованный КамАЗ.

Поздно вечером мотрострелки доставили бывших пленников на феде-

ральную базу в Ханкалу.

Первая беседа офицеров состоялась с начальником разведки 59-й армии.

Вторая была потяжелее. Командующий Временной объединенной группировкой внутренних войск МВД России сказал коротко и предельно ясно:

— Нужно было до конца оставаться на блокпосту!..

Что означал в данной ситуации "конец", объяснять не нужно было.

Когда в лагерь Хаттаба приезжала мать рядового Ведерникова, она сказала плененным офицерам: "Спасибо, что сохранили жизнь сына"...

Я с самого начала не собирался давать какой-либо оценки случившемуся. Но на некоторые нюансы все же хотелось бы обратить внимание. С юридической точки зрения, сдача в плен состава преступления не образует. Даже в былые времена в уголовном порядке преследовалась только добровольная сдача в плен по трусости и малодушию, проявленным в ходе боевых действий. Добровольной она признавалась только тогда, когда у военнослужащего была возможность избежать плена. Если же он попал к врагу из-за ранения, контузии, при отсутствии средств и способов сопротивления, то он не привлекался к уголовной ответственности.

Скакой точки зрения ни смотри, вопросов больше, чем ответов. Войну в Чечне официально никто не объявлял. Поэтому не ясно, подпадают ли события в Чечне под понятие "боевые действия". Как не понятно, подпадают ли чеченские боевики под юридическое понятие "вооруженные силы", "неприятель". Судя по отношению к воевавшим там ребятам — не подпадают. А чеченская война, прочитал недавно в одной газете, больше похожа на разборку между двумя уголовными авторитетами. Без правил, законов и виновных. Есть только пострадавшие.

**Старший лейтенант
А. КИРИЛЕНКО.**

*Отдельная дивизия
оперативного назначения.*

В зоне особого внимания

ТРАГЕДИЯ “ЗОЛОТОГО РЭМБО”,

Тот, кто внимательно читает строчки газетных новостей, наверняка обратил внимание на ставшие обычными сообщения: “В Хасавюртовском районе Дагестана обезврежен управляемый фугас”. Впрочем, из-за частых повторений эти сообщения пресс-службы внутренних войск потихоньку сползают с первых полос, а то и вовсе игнорируются средствами массовой информации. Не удивительно. За последние месяцы наши саперы выезжали на разминирование едва ли не каждый день. Так что какая же это горячая новость, если идет обыкновенная будничная работа?

или Саперы в поединке со смертью

22 МАЯ 1997 года на шоссе Хасавюрт—Аксай около селения Османюрт неизвестные преступники подвесили радиоуправляемый фугас прямо на дереве рядом с шоссе. В 10.35 на дороге появился военный “Урал”. В грузовике находились восемнадцать омонцев, командированных в Дагестан из Липецка. Двое сидели в кабине, шестнадцать — в кузове. Милиционеры возвращались в Хасавюрт с дежурства. Как только машина приблизилась к фугасу, произошел взрыв. Тяжелый грузовик буквально подбросило в воздух. Но все же террористы просчитались. Укрывшись слишком далеко от места взрыва из-за боязни попасть под осколки, они не смогли точно уловить момент, когда автомобиль проезжал мимо дерева с фугасом. Все омонцы остались живы, четверо из них получили ранения.

С этого дня начался поединок между бандитами и саперами.

Неторопливо шагаем с главным сапером внутренних войск на Северном Кавказе подполковником Евгением Гусельниковым по железнодорожному полотну. Новенькие, еще не обкатанные поездами рельсы тускло блестя под солнечными лучами.

— МОН-200, “монка”, расшифровывается легко, — просвещает меня подполковник. — Мина осколочная направленная. Противопехотная. То есть против людей, если совсем уж

просто. Заглянем внутрь. Там ВВ — взрывчатое вещество, значит. Двенадцать килограммов. И шарики, маленькие такие — девятьсот штук. При взрыве разлетаются на четверть километра, убивая и калеча все живое. А если к ней радио- или электродетонатор приспособлен, да еще сбоку, чтобы рвануло посильней, какой-нибудь артиллерийский снаряд приспособлен или толовая шашка, то такую сборку называют уже фугасом... Стоп! Еще один мост! — неожиданной командой прерывает "лекцию" Гусельников. — За работу!

ПОСЛЕ теракта была резко усилена инженерная разведка местности, дорог, по которым проходили военные и милицейские машины. И 11 июня на трассе Хасавюрт—Махачкала, всего в пятидесяти метрах от поста ГАИ, обнаружили еще один смертоносный "сюрприз". Отошедшие на безопасное расстояние гаишники только руками разводили: что и говорить, профессионально сработано, и как только ухитрились дьяволы незаметно, буквально под носом у милиции установить свою адскую машинку.

В полуметре от дороги, лишь пристально взглядевшись, можно было обнаружить прикрытую землей и мусором "монку". Рядом, под дерном, лежал 122-миллиметровый осколочно-фугасный снаряд с прилепленным черным жучком детонатора. Провода управления змеились к опушке недалекого леса. Ефрейторы Евгений Сычев, Сергей Томин и рядовой Николай Денисов прошли вдоль проводов к деревьям, попетляли по траве и наткнулись на лежбище террориста. У оборванных проводов — смятые бычки, обломанные ветки деревьев на земле — аккуратной постелькой. Видно, не один час провел бандюга в засаде, пока его не спугнули военные.

Мину и снаряд осторожно положили на песчаную подушку и брезент в кузове и бережно, как невесту, по-

везли на уничтожение. А провод, смотав в бухту, прихватил хозяйственный старшина. В подразделении на что-нибудь полезное сгодится.

16 июня в семь часов вечера в Хасавюрте, в ста метрах от моста через реку Ярыксу, были обнаружены две радиоуправляемые мины МОН-200, коварно установленные там, где машины, подъезжая к мосту, начинают снижать скорость. Через час на оцепленном милицией месте закладки бандитских "гостинцев" уже работали саперы внутренних войск. В 20.30 мины обезвредили и сняли.

Сколько нервов стоила победа в поединке со смертью — только им, саперам, и ведомо. Хуже нет — работать в городе среди зевак, обступивших кольцо оцепления. А тут еще как назло небо стало хмуриться, обещая ливень.

Только не ведали саперы, что начавшийся в конце концов дождь за них инженерную разведку проведет.

18 июня в половине четвертого дня на восемнадцатом километре трассы Хасавюрт—Глох дорожные рабочие нашли на обочине два осколочно-фугасных снаряда калибра 152 миллиметра: дождь смыл маскировку, обнажив "сюрпризы". Четыре батарейки "Энерджайзер" продолжали питать приемник радиовзрывателя, капли воды стекали с залитой эпоксидной смолой платы. Самого террориста прибывшим по тревожному сигналу военным найти поблизости не удалось. Очевидно, заметив из своего укрытия суету у фугаса, он сразу же исчез, проклиная непогоду.

Очередной "привет" от преступников пришел через два дня. В 11.00 на Набережную улицу Хасавюрта выехала колонна машин дагестанского ОМОНа, и в этот момент рядом прогремел взрыв.

Два осколочно-фугасных 125-миллиметровых снаряда, обвешанные для большей мощности пластитом, спали под электродетонаторами. По сигналу, переданному по радио, взорвался лишь один из них. К счастью, никто из омовцев не пострадал. Вскоре несдетонировавший снаряд

обезвредили майор Сергей Макаренко, ефрейторы Александр Пилюгин, Евгений Сычев и Сергей Томин.

После этого случая террористы сделали паузу.

Закончился срок командировки майора Макаренко. На смену ему прибыл капитан Владимир Котов. Офицеры долго ползали по карте, отмечая опасные места, где могут быть установлены сюрпризы, несколько раз провели вместе инженерную разведку. Вроде бы все спокойно, никаких следов активности вражеских минеров. А сев последний раз вдвоем перекурить, задали друг другу вопрос: кончилась ли минная война в Дагестане или просто наступило затишье?

Солнце над долиной в зените. Мы с Гусельниковым прямо на крутом откосе железной дороги сооружаем нехитрый обед.

— Самый главный инструмент сапера — голова, — продолжает начатый разговор подполковник. — Ну и еще, может быть, вот это. — Он достает из нагрудного кармана под нашивкой за ранение обычную канцелярскую скрепку. Затем отгибает вверх кусочек стальной проволоочки. — Эту штуку сапер всегда носит с собой. Прекрасно заменяет чеку для гранаты или некоторых мин.

— Как же так?! — недоумеваю я. — Ведь есть же специальные роботы-манипуляторы. Противовзрывные костюмы, которые по телевизору так любят показывать. Или умное устройство — устанавливается на машине и всю дорогу сигналы посылает, чтобы радиопередатчик радиоуправляемой мины забить. А еще имеется...

И тут я перестаю размахивать руками, замечая, что мой собеседник, главный сапер внутренних войск на Северном Кавказе, улыбаясь, продолжает вертеть пальцами разогнутую канцелярскую скрепку.

— Пойдем дальше шпалы считать, — говорит он. — Только вначале трубу под полотном осмотрим.

ИТАК, после взрыва 20 июня, жертвой которого должны были стать ме-

стные омовцы, в Хасавюртовском районе установилось затишье. И казалось, что саперы одержали победу. Если бы не одно обстоятельство.

Сапер может победить только в поединке с миной или фугасом. А с террористом у него поединок заочный, и инициатива всегда на стороне преступника. Бандит, если его не задержит милиция или ФСБ, свою смертоносную закладку у дороги обязательно повторит, только сделает это еще тщательнее и изощреннее.

К сожалению, после майских и июньских взрывов ни милиция, ни ФСБ террористов не задержали.

7 июля в 8.20 "Урал" с семнадцатью сотрудниками сводного отряда милиции Костромской области приблизился к перекрестку у дороги Аксай—Новолакское. Когда водитель перед поворотом снизил скорость, справа от машины раздался сильный хлопок. Милиционеры изготовили оружие. Грузовик продолжал двигаться по шоссе. Оглушенный шофер потряс головой, машинально провел ладонью по щеке и увидел на пальцах кровь. О происшествии доложили по команде. Дело привычно и неспешно закрутилось в бумагах. Да и куда торопиться? Хлопок не взрыв, кровь из уха — не убийство. Дорога была пустая? А у всех милиционеров на автоматах подствольные гранатометы? Так, наверное, кто-нибудь из них и пальнул. Случайно, конечно. А вы говорите, хлопок. Хорошо, пусть это будет лишь версия. Приедет дознаватель. Всех опросим. Составим протокол. Потом следователь...

И шестеренки заржавевшего милицейского механизма все скрипели. А ответственные лица, успокаивая себя и подчиненных, не ведали, что промедление было смерти подобно. В прямом смысле этого слова.

8 июля в 10.20 "Урал" с надписью "Золотой Рэмбо" на бампере снизил скорость перед той же развилкой. До Хасавюрта оставалось совсем немного. У ехавших в грузовике пятнадцати милиционеров из Санкт-Петербурга и Московской области настроение

было, как говорится, на все сто. Еще неделька — и конец их трудной дагестанской командировке. Сегодняшняя поездка за продуктами — последняя.

Оживленный разговор в кузове, смех, музыка из магнитофона...

Взрыв!

Через несколько часов ветерок развеял тротилловую гарь. Лишь острый слегка пряный запах зелени упорно стоял в воздухе. Такой, словно растерли в ладони листок. Этих листьев, растертых по асфальту, — тысячи. Широкая зеленая полоса перечеркнула шоссе. На обочине небольшая воронка и срезанное взрывом дерево. Дорога густо усыпана битым стеклом, а в ста метрах от воронки — покореженный "Урал". Мощный грузовик весь исклеван осколками. Тент над кузовом превратился в дырявую тряпку. Вокруг машины темные густые пятна засохшей крови, ключья одежды, крышка от плеера. Усочки человеческой плоти.

Управляемый фугас был закреплен рядом с дорогой на дереве в полутора метрах над землей. Рядом, замаскированный под дорожный столбик, стоял закатанный в бетон артиллерийский снаряд, который не сработал 7 июля.

Свидетели рассказывают о происшедшей трагедии. Взрывной волной машину бросило вперед и влево. Но водитель сержант милиции Владимир Уролов, несмотря на ранение, сумел удержать тяжелый "Урал" на дороге. Осевший на правый бок грузовик, прокатившись немного, застыл на перекрестке. И тут прапорщик милиции Александр Скороход, потерявший при взрыве ногу, открыл дверь и сумел то ли спрыгнуть, то ли сползти на асфальт. Находясь в шоке, он водил стволом автомата, ища невидимого противника.

За "Золотым Рэмбо" на расстоянии прямой видимости шла машина с бойцами тверского ОМОНа. Им и пришлось вызывать "скорую", вытаскивать раненых товарищей. В кузове было двое погибших, по дороге в больницу скончались еще семеро.

Вечером в реанимации хасавюртовской больницы умер Скороход. В ночь с девятого на десятое скончался получивший ушиб головного мозга сержант милиции Александр Махлепов.

Четверо раненых, одиннадцать убитых — итог страшной трагедии. 9 июля было в Дагестане днем траура. Летели в Питер и Москву самолеты с "грузом 200", летели из Москвы и Питера в Дагестан лучшие сыскари и эксперты.

А саперы внутренних войск снова вступили в поединок со смертью.

Короткое затишье кончилось.

17 июля на восточной окраине Хасавюрта обнаружили взрывное устройство из двух мин МОН-100, залитых в бетонный блок с детонаторами и проводами, выведенными для подключения к радиоуправляемому устройству. Бетон еще не успел окаменеть, когда капитан Котов с группой саперов начал разминирование фугаса.

18 июля на дороге Хасавюрт—Новолакское в двухстах метрах от места, где одиннадцать дней назад погибли московские и питерские милиционеры, был обнаружен замаскированный 122-миллиметровый осколочный снаряд. Ночи террористам хватило, чтобы сделать новую закладку. И 19 июля группа Владимира Котова сняла рядом с беспокойным перекрестком мину МОН-200 с радиовзрывателем.

* * *

— Так кто же против нас воюет? — спрашиваю у Гусельникова.

Подполковник лишь пожимает плечами.

— Это уж не по нашей кафедре. У нас задачи другие — провести разведку, найти фугас и снять его.

— Так если каждый день инженерная разведка, разминирование да выезды по сигналам, когда же тогда спать и отдыхать?

— Хочешь, фокус покажу? — Подполковник протягивает мне серый,

напоминающий замазку комочек. — Спрячь в руке.

Я старательно перебрасываю комочек за спиной из ладони в ладонь, наконец, сжав кулаки, протягиваю их вперед.

— Здесь, — скользнув взглядом по моим рукам, уверенно определяет подполковник.

— Точно. А что это?

— Пластит. Его лепят к снарядам и минам, чтобы увеличить силу взрыва.

— А еще разок можно?

После третьей попытки, когда сапер безошибочно угадывает, где взрывчатка, я сдаюсь.

— Ничего, — утешает меня, — тысячу раз на разминирование сходишь, тоже будешь с лета угадывать.

— С таким умением прямая дорога на "Поле чудес", где две шкатулки или черный ящик с призом. Призов на миллионы можно получить.

— У нас приз один. До пяти тысяч рублей за разминирование. Если деньги в кассе есть. Потом делим эту пятерку на всю группу. А "Поле чудес"... Так если бы там спрашивали, в какой шкатулке толовая шашка. А то один сапер из нашего округа деньги за Чечню получил и решил на вокзале до поезда в наперсток сыграть, угадать, где шарик... Ладно. Вон виадук впереди, надо посмотреть.

* * *

И ВСЕ ЖЕ, КТО воюет против саперов? Кто оставляет смертоносные заряды на обочинах дагестанских дорог? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, придется вернуться к событиям весны нынешнего года.

Хасавюрт — город многонациональный. Из 72 тысяч жителей 24 тысячи чеченцев-акинцев и 20 тысяч кумыков. Так получилось, что в Хасавюрте эти народы держатся вместе, считая уступающих им в городе по численности аварцев чужаками. Господи! Да кто считал все эти тысячи и проценты раньше? А вот теперь счет ведется.

В апреле в республике прошли выборы. И по всем прогнозам политологов выходило, что верх одержит

представитель от чеченцев и кумыков. Однако излишняя уверенность в победе сыграла с фаворитами злую шутку! Четыре кандидата чеченца попросту растащили голоса избирателей, и 6 апреля главой администрации Хасавюрта стал Умаханов Сагидпаша, аварец, директор Сбербанка, человек уважаемый и небедный. Народ высказал свою волю, и казалось бы, страсти должны улегться. Но этого не произошло.

Сразу же после выборов ситуация в Хасавюртовском районе резко обострилась. Представители проигравших выборы кандидатов поставили их результаты под сомнение. В городе были организованы три штаба поддержки: аварский, чечено-акинский и кумыкский. 20 апреля в Хасавюрте прошел чрезвычайный съезд, а вслед за ним — массовые митинги чеченцев и кумыков в населенных пунктах района с требованием признать выборы несостоявшимися.

Не осталась в стороне и соседняя Чечня. В своем обращении к правительству Дагестана чеченский вице-премьер Ваха Арсанов заявил: конфликтная ситуация в Хасавюрте создана-де искусственно врагами двух республик и в случае ее обострения правительство Ичкерии не гарантирует, что чеченцы останутся безучастными к горячим событиям. Такое заявление правильнее назвать угрозой. В действиях чеченских сепаратистов просматривается стремление распространить свое влияние на Дагестан и осуществить маниакальную дудаевскую идею — выйти к Каспийскому морю и помыть там то ли сапоги, то ли берцы. Этим заявлением политические методы решения проблемы были исчерпаны. Однако в запасе у недовольных результатом выборов были и другие методы.

11 апреля взрывы прогремели у городской АТС, Главпочтамта и одного из административных зданий. 24 апреля должна была пройти встреча нового главы администрации Хасавюртовского района с жителями села Османюрт. После взрывов в городе саперов внутренних войск попросили

проверить место встречи. Подполковнику Тихонову и старшему лейтенанту Сергееву пришлось работать в ночь с 23 на 24 апреля. При свете фар офицеры разрядили приготовленные для народного избранника фугасный и осколочно-фугасный снаряды. Оба с электродетонаторами.

И снова Хасавюрт. 3 мая взрывное устройство сработало в частном домовладении депутата народного собрания Дагестана аварца А. Гамзатова. 12 мая взрыв раздался в ста метрах от средней школы № 13. На следующий день рвануло возле завода железобетонных изделий. Но обошлось без жертв и особых разрушений. Разбитые стекла и поврежденные дома не в счет.

Увидев, что демонстративные взрывы результатов не дают, террористы перенесли удар на тех, кто обеспечивает порядок в республике. И цель стала другой: уничтожить как можно больше милиционеров и военнослужащих внутренних войск. Тогда и пошли попытки подрывов 22 мая, 11, 16, 18, 20 июня. Трагедия 8 июля. Минирование дорог 17, 18, 19 июля. И везде один и тот же почерк, растущая от попытки к попытке квалификация, видимо, одних и тех же так и оставшихся неизвестными исполнителей.

Еще одна попытка подрыва была предпринята 26 июля, когда Дагестан отмечал День независимости. Праздник проходил во всех городах республики. Приехало много гостей. Только не было на гостевых трибунах военных саперов.

В 9 утра в РОВД города Хасавюрта поступил сигнал: обнаружено взрывное устройство на трассе в километре от Баташюрта. Через час здесь уже действовало саперное подразделение капитана Владимира Котова. На этот раз террористы разместили на обочине целых три заряда. Две мины и снаряд были присыпаны землей и располагались вдоль дороги на расстоянии двадцати метров друг от друга. Бандиты рассчитывали уничтожить целую колонну. Силами саперов смертоносную находку удалось обез-

вредить. Работа закончилась в самый разгар праздничных торжеств.

В начале августа менялся личный состав подразделения внутренних войск, несущего службу под Хасавюртом. Уезжая, капитан Владимир Котов сдал дела и пожелал удачи своим сменщикам капитанам Юрию Калинину и Владимиру Смирнову. И поначалу судьба немного побаловала саперов. Словно невидимый дирижер повелительно взмахнул своей палочкой, и вместо минирования и подрывов начались обстрелы войсковых постов и застав. А потом снова началась минная война на дагестанских дорогах.

Рано утром 27 августа группа во главе с капитаном Калининым на бронетранспортере выехала на обычную инженерную разведку. Прошли мимо Хасавюрта, осмотрели несколько километров дороги, осталось позади село Османюрт. Не доезжая до моста через реку Ямансу, водитель стал тормозить.

— Нет, давай еще метров тридцать проедем, — сказал Калинин солдату. — Здесь мы останавливались вчера. Не будем рисковать.

Это решение спасло саперам жизнь. Едва они вышли из бэтээра и сделали несколько шагов по направлению к мосту, в тридцати метрах от них прогремел взрыв. Радиоуправляемый фугас бандиты заложили на месте вчерашней остановки саперов. Капитан Юрий Калинин, младший сержант Сергей Тютнев и рядовой Сергей Кузьмин были ранены. Сегодня, слава Богу, их жизнь вне опасности.

И вновь началась смертельно опасная работа. 27 августа группа капитана Смирнова выехала на обезвреживание неуправляемого реактивного снаряда. 29 августа у селения Новомехельты Владимир Смирнов обезвредил приведенную в боевое положение выпрыгивающую осколочную мину направленного действия большой мощности. При ее взрыве две с половиной тысячи осколков должны были разлететься, образуя сплошную зону поражения с радиусом 25 мет-

ров. В часть саперы вернулись лишь к ночи, чтобы через несколько часов выехать на инженерную разведку.

* * *

— Как же работают террористы на дагестанских дорогах?

— Хорошо работают, — грустно вздыхает Евгений Гусельников, — квалифицированно. Поначалу с ходу минировали трассы, а мы их фугасы снимали. Потом они подучились, в Чечне, в школе Хаттаба, очередной выпуск злодеев-умельцев прошел. Стали снаряды закатывать в дорожные столбики, мины — в бетонные блоки. Мы находили, снимали и эти "подарки". Теперь новые фокусы: оставляют на обочине замаскированный снаряд, вещмешок, коробку и... ждут. Не обратили мы на них внимания, через несколько дней в коробку сунут мину или к снаряду подвесят детонатор.

— А что делает террорист, когда ему изо дня в день мешают?

— Пытается уничтожить сапера, взрывает фугас именно тогда, когда группа разминирования в нему приближится.

На железной дороге, по которой мы шагаем, нет еще ни семафоров, ни стрелочниц в желтых путевых жилетах. Правда, официально дорогу уже сдали 26 июля, в День независимости. Перерезали ленточку. Восьмидесятикилометровая дорога эта Карлаюрт—Кизляр прошла мимо Чечни, замкнув разорванные войной стальные магистрали. Ее в сжатые сроки построили железнодорожные войска.

Как относились к стройке в соседней Чечне? Ведь теперь транзитные поезда пойдут в обход мятежной республики. Относились обычно. То есть попросту крали желдорцев. 22 марта под дулами автоматов загнали в машину и вывезли в Чечню целое отделение — семерых военнослужащих железнодорожных войск. На сегодняшний день удалось вернуть лишь одного из них, младшего сержанта Александра Васекина. Остальные до сих пор незаконно удерживаются в Грозном.

Наконец завершается наше многодневное путешествие по новой железной дороге. Мой попутчик подводит итог: 80 километров путей, 80 объектов повышенной минной опасности — виадуков, мостов, проложенных под полотном труб. Минет ли их рука террориста, когда пойдут поезда?..

ВМЕСТО ЭПИЛОГА. Из газетных сообщений:

Сорвана попытка террористического акта в Дагестане. 4 сентября в 7.15 при проведении инженерной разведки группа саперов внутренних войск под командованием капитана Владимира Смирнова недалеко от селения Османюрт у моста через реку Ямансу обнаружила и обезвредила управляемый фугас. Смертоносная закладка состояла из двух мин МОН-100 и 120-миллиметрового артиллерийского снаряда, снабженных радиовзрывателями. Фугас был заложен в том месте, где 27 августа при взрыве получили ранения трое военнослужащих.

Утром 25 октября при проведении инженерной разведки на западной окраине Хасавюрта подорван бронетранспортер софринской бригады внутренних войск. От взрыва радиоуправляемого фугаса, состоящего из двух мин МОН-100 и артиллерийского снаряда, были ранены четверо и контужены трое военнослужащих.

Поединок со смертью продолжается. Похоже, осень и зима в Дагестане будут такими же беспокойными, как весна и лето...

Капитан А.МАКАРОВ.

Моздок—Хасавюрт—Москва.

Дисциплинарная практика

Подполковник Николай ТКАЧУК — заместитель командира части по работе с личным составом. Боевые задачи его подчиненные решают на значительном удалении от места постоянной дислокации — часть специализируется на охране важных государственных объектов и специальных грузов. Решают успешно. Готовность личного состава выполнить поставленную боевую задачу подполковник Ткачук считает главным критерием оценки положения дел в воинском коллективе.

ГЛАВНЫЙ КРИТЕРИЙ

— Николай Михайлович, как оценивается сегодня морально-психологическое состояние личного состава, эффективность работы офицеров-воспитателей?

— Есть официальная оценка и неофициальная. Вас какая интересует? — **Официальная.**

— По “палочкам”. Чем больше допущено в части правонарушений, тем хуже положение дел. Тем хуже справляются со своими обязанностями офицеры.

Считаю такой подход к оценке труда нашего брата воспитателя не совсем объективным. Люди работают не покладая рук, все, что намечено планами, — беседы с личным составом, информационные часы, дни правовых знаний и т. д. — выполняется. Но стоит кому-то из военнослужащих допустить дисциплинарный проступок, как все усилия идут насмарку. Тут же часть из хорошей превращается в плохую. Офицеры из великих труженников в бездельников. Справедливо ли это?

— Хорошо, а как оценивается ваша работа неофициально?

— После подведения итогов проверяющий может подбодрить: “Вижу, что стараетесь. Сделано вами немало. Не опускайте руки”.

— **Какой критерий избрали бы вы?**

— Общий уровень морально-психологического состояния личного состава, его готовность решать возложенные на часть задачи.

— **Как эту готовность можно “пощупать”?**

— Недавно была у нас инспекторская проверка. Подходит ко мне командир одного из подразделений с солдатом. Боец чуть не плачет. Что случилось? “Товарищ подполковник, у него двойка по физподготовке”.

Физподготовка — основной предмет. Получается, общая оценка “неудовлетворительно”.

Видели бы вы этого солдата! Чтобы не подвести товарищей, роту родную, часть, он был готов еще и еще раз пересдавать нормативы. До

успеха. А то, что не может их выполнить — пока не может, его ли в этом вина? Вы бы видели, в каком физическом состоянии пополнение приходит. Так что главное — состояние духа!

— **В военном училище, на занятиях по партийно-политической работе (помните, был такой предмет в свое время?) умудренные опытом преподаватели учили нас, будущих офицеров: нельзя заниматься сокрытием нарушений воинской дисциплины подчиненными. Обо всем честно докладывайте по команде. В то время в войсках делались попытки изжить случаи привлечения к ответственности бескомпромиссных командиров и политработников. Но... Прибыв к местам дальнейшего прохождения службы, мы, новопеченные лейтенанты, увидели — за каждое нарушение воинской дисциплины подчиненными офицер получает на полную катушку, независимо от его прежних заслуг. Взыскание. Его принимают на каждом служебном совещании, при каждом удобном случае. В академию собрался — забудь!**

Николай Михайлович, вы уверены, что ваши офицеры докладывают вам по каждому случаю нарушения воинской дисциплины?

— Командование части требует от всех командиров и начальников, чтобы каждое правонарушение предавалось огласке. Но давайте посмотрим правде в глаза: есть еще офицеры, которые докладывают не обо всех нарушениях. Во-первых, велика вероятность пострадать самому. Во-вторых, не так-то просто строго взыскать с нерадивого солдата, сержанта, прапорщика.

— ???

— Посадить провинившегося на гауптвахту? Там очередь. Легче солдата в отпуск отправить. Назначить вне очереди в наряд? А кто вместо провинившегося в караул заступит?

— **Так что, нет управы на разгильдяев, и собрания коллектива не дают какого-то воспитательного эффекта?**

— Сегодня дают. Раньше эффек-

тивность их была близка к нулю. Идет собрание по факту допущенного кем-то из военнослужащих правонарушения — командир подразделения говорит, его заместитель по работе с личным составом клеймит негодяя позором, подчиненные молчат. То есть участия в оценке происшедшего не принимают. Приходилось поднимать людей, заставлять делиться своим мнением по поводу происшедшего. Клещами тянуть из них слова осуждения.

Теперь сами встают и режут правду-матку. Даже в автомобильной роте, в роте материально-технического обеспечения, до недавнего времени наших самых неблагополучных подразделениях, собрания воинского коллектива проходят не для галочки.

— **Николай Михайлович, помимо обсуждения дисциплинарных проступков солдатская общественность еще к каким-либо делам привлекается?**

— А как же. К организации и проведению досуга. У нас такая установка действует — пускай люди сами решают, как им проводить свободное от службы время. Каждую пятницу собираю заместителей командиров подразделений по работе с личным составом, спрашиваю: какие есть предложения? Одна рота в театр собралась. Другая спортивные состязания хочет устроить. Здесь не столь важно, что за мероприятие они собираются провести. Чтобы инициатива от людей исходила — вот что главное! Дать людям почувствовать, что от них тоже что-то зависит.

— **Раз уж речь зашла о досуге, расскажите, пожалуйста, как отдыхают ваши подчиненные?**

— Два раза в неделю в клубе части демонстрируются художественные фильмы. Причем первым экраном.

— **Наверное, такое удовольствие сумасшедших денег стоит?**

— Нам кино не стоит ни копейки.

— ???

— За счет хороших отношений. Начальник клуба не сидит сложа руки.

Что еще? Есть у нас вокально-инструментальный ансамбль "Полигон". Старший прапорщик Заболотнов за-

правляет им. Ни один праздник без ансамбля не обходится. Слава о нем же за пределами части ходит.

Теплые отношения у нас с Театром имени Гоголя. Там нам всегда рады. И выступать на сцене солдатского клуба артисты за честь почитают. Спасибо им.

На городском стадионе наши солдаты желанные гости. Там у нас тоже завязки имеются. Провести соревнования спортивные, занятия по физической подготовке — нет проблем!

Есть у нас свое кабельное телевидение. В каждом подразделении — видеомагнитофон.

— **Интересно, какой репертуар предпочитают в ротах?**

— В основном боевики крутят. Где командир подразделения, его заместитель по работе с личным составом заинтересованы, чтобы солдаты не просто расслаблялись, а что-то еще и для души получали, там лучшие отечественные фильмы показывают.

— **А книги в части читают?**

— Читают. Но... Как-то специально по этому поводу заглянул в библиотеку. Из всех категорий личного состава части записаны в библиотеке процентов двадцать.

— **Это что, свидетельство низкого интеллекта большинства военнослужащих?**

— Я бы воздержался от столь категоричной оценки. Офицеры и прапорщики отдают предпочтение периодическим изданиям. На развалах книжных глаза разбегаются от обилия печатной продукции. Многие там покупают книги. Сами читают, потом товарищам дают.

Что касается солдат и сержантов срочной службы... Мы провели анкетирование молодых воинов — оно состоялось в рамках социологического исследования. Знакомясь с анкетами, отметил для себя — половина солдат делают такие грамматические ошибки, что просто сомнения берут — а не липовые ли у них аттестаты зрелости?

— **Это результат кризиса, который переживает наша общеобразовательная школа. Но служить-то хоть с желанием идут?**

— Двадцать процентов призывни-

ков пришли в часть с убеждением, что нормально служить в войсках невозможно, для них понятия "армия" и "дедовщина" были неразделимы.

Шестьдесят процентов призывников готовили себя к тому, что им придется встретиться с моральным, а то и физическим давлением со стороны старослужащих.

— **И что же они увидели в части?**

— Увидели, что здесь здоровая обстановка. Что можно и нужно служить нормально. Правда, некоторые воины своего отношения к исполнению почетной обязанности каждого российского гражданина не изменили.

Вот один пример. Рядовой Алексей Ш. допустил уход с поста. Стали разбираться, в чем причина проступка солдата. Оказалось, не ужился в коллективе. Все вокруг плохие, начиная с соседа в строю и кончая командиром. Этот военнослужащий успел и в отпуск съездить, и в госпитале поваляться. Сбежать из части собирался давно. Есть тут, конечно, и вина командиров. Хотя комплекс мероприятий по профилактике правонарушений они провели. Все с ним беседовали — и сержанты, и офицеры. Человек очень скрытный. Своими планами ни с кем не делился. Даже с друзьями. Хотел заехать домой, сказать матери, чтобы она его не искала.

— **Много в части потенциальных самовольщиков?**

— Семеро. Как правило, все они по складу характера люди замкнутые. Тяжело уживаются в коллективе. Беседуешь с ними, они говорят: дадите мне самостоятельный участок, чтобы я сам по себе был, тогда буду служить.

Мы всех потенциальных самовольщиков свели в одну группу и прикомандировали к сменному пункту. Там они под присмотром опытных офицеров и прапорщиков адаптацию проходят. Определенные результаты есть. Двух солдат вернули в подразделение. Служат. Один из неблагонадежных даже контракт подписал.

Есть задумка сделать на сменном пункте адаптационный центр для таких военнослужащих. А что делать?

Не все призывники психологически готовы к службе в армии. Это не значит, что все они неупорядоченные люди. Нет, нормальные ребята. Но не привыкли жить в коллективе. Для них коллектив — агрессивная среда. Им нужно время, чтобы притереться, прижиться. Практика показала — через 2-3 месяца солдаты приходят в себя. У них меняется отношение к службе, настроение.

— Николай Михайлович, как же вам удастся мобилизовать на решение служебно-боевых задач тех подчиненных, которые приходят с такими негативными установками?

— Мы немало делаем для того, чтобы воспитать у людей чувство гордости за службу во внутренних войсках, в частях по охране важных государственных объектов и сопровождению грузов. Задачи, которые выполняют наши военнослужащие, действительно очень ответственные. Имеют государственное значение.

У нас есть фирменный шеврон. На нем земной шар, белый медведь и надпись — “Части по охране ВГО, СГ и спецработ”. Сами эскиз делали, сами заказывали. Шевроны вручили военнослужащим в торжественной обстановке. Казалось бы, мелочь, но для солдата этот шеврон что краповый берет для спецназовца. Если солдат допускает серьезный дисциплинарный проступок и переводится в другую часть, он лишается права ношения шеврона.

— Кстати о переводах. Не кажется ли вам, что подобные методы воспитания не дают желаемого эффекта? Не думаю, что на новом месте у нерадивого солдата появится служебное рвение.

— Согласен. Я сам не сторонник переводов. Вот к нам перевели одного солдата. Допустил самовольное оставление части по старому месту службы. Но раз пустился в бег, наверняка еще какие-то грехи за ним водятся. И точно, интуиция не подвела. На следующий день по прибытии к нам солдат наглотался таблеток, у него начались галлюцинации. Хорошо, командир подразделения заметил, что с ним что-то неладное тво-

рится, глаза у парня какие-то сумасшедшие. Отвели в санчасть. Сейчас увольняют по состоянию здоровья. Не все у него с психикой в порядке.

И еще случай был: убежал солдат. Не прошло и суток — задержали. Приехала мама его. Разбираемся: ему здесь служить не нравится, просит — переведите. Что ж, идем навстречу, переводим. Через два дня солдат опять сбежал из части. До сих пор бегают. Не дают никакого результата переводы! С солдатом надо работать, создавать вокруг него обстановку доброжелательности. Он должен чувствовать, что не одинок. И такую атмосферу участия можно создать только совместными усилиями!

— Николай Михайлович, если правильно понял, в воспитании подчиненных вы делаете упор как на индивидуальную работу, так и на работу с общественностью.

— Правильно поняли.

— Скажите, а какие еще формы и методы воспитательной работы вы используете? Есть новые подходы?

— Говорят, новое — это хорошо забытое старое. Сейчас возвращаемся к испытанным формам работы, которые, на мой взгляд, незаслуженно забыты. Например, возобновили соревнование за 100, 150, 200, 250, 300 отличных караулов.

Оно теперь не социалистическое, но суть его для солдата осталась прежней — как можно больше задач боевой службы выполнить с оценкой “отлично”. Учет ведется строгий. Итоги подводятся регулярно. И все ради того, чтобы солдат видел результаты своего труда. Чтобы понимал — его служебное рвение не останется незамеченным. На каждом рубеже его ждет поощрение. Ратный труд каждого будет оценен по достоинству.

У нас были уволены в запас девять военнослужащих, выполнивших более 350 боевых задач с оценкой “отлично”. Все награждены грамотами. Один из них занесен в Книгу почета части. Остальные удостоились знака “За отличие в службе” II степени. Награды получили во время митинга. Вместе с ветеранами флаг в честь победителей второго этапа со-

ревнования, посвященного 45-летию части, подняли. Это мероприятие очень сильное впечатление произвело на людей.

Что еще важно, нашли деньги, выплачивали увольняемым в запас все, что положено.

— **Николай Михайлович, раз уж о деньгах речь зашла, как в части обстоят дела с финансами?**

— Финансы поют романсы. Нечем платить за хлеб, за электроэнергию, за горячую воду. Прачечная отказывается стирать солдатское белье. Задержки выплат денежного содержания, других видов денежного довольствия — обычное явление.

— **Как же вы живете?**

— Спасибо командиру — полковнику Серафиму Степановичу Щербинину. Местные власти относятся к нему с уважением и, если просит, в помощи ему никогда не отказывают.

Заместитель командира части по тылу майор Павел Борисович Жданов чудеса изобретательности проявляет. Во многом благодаря его стараниям солдаты накормлены (кормят, кстати, у нас прилично), одеты, обуты, помыты.

Вы обратили внимание, у нас вся часть в камуфляже ходит? Мы этот камуфляж с таким трудом пробивали. Нас даже раздеть хотели — не положено. Но ведь не ради пижонства мы людей в эту форму одели. Мы и воспитательную цель преследовали: авторитет службы в глазах солдат поднять.

— **В девятом номере нашего журнала за 1994 год был опубликован материал “Общага приказала долго жить?”. В нем, в частности, шла речь о том, как решалась жилищная проблема в вашей части в то время. Прочитую несколько строк из того материала: “С 88-го года только две семьи вырвались из цепких объятий общаги. Только две! А в очереди на квартиру в части — 44 человека”. Николай Михайлович, с момента выхода публикации в свет прошло три с лишним года. Изменилось ли что-нибудь с тех пор?**

— При мне квартиру не получил никто. Но мы решили вопрос о предо-

ставлении нашим контрактникам и молодым офицерам 24 мест в общежитии одного из институтов. В той же “Березке” нам обещали выделить несколько квартир для семейных.

— **Социально-бытовые проблемы оказывают влияние на прочность семей военнослужащих?**

— Еще бы! При беседах офицеры и прапорщики мне прямо говорят: как жить, товарищ подполковник? Денег не платят, жилья не дают. С ними поговоришь, объяснишь: вот это мы делаем, вот этот вопрос пытаемся решить. Недавно командиру одного из подразделений ключи от комнаты в общежитии вручили. Контрактников расселили. Но вряд ли мы в состоянии кардинально изменить ситуацию в этих вопросах — финансовом и жилищном. Почему люди порой приходят на службу в таком скверном настроении? Проблемы давят. Их за КПП не сбросишь.

Мы стараемся не оставлять без внимания семьи офицеров и прапорщиков. На торжества, посвященные дню части, пригласили жен наших военнослужащих. На сцену солдатского клуба вызывали офицера и его жену. Вручали мужьям награды, женам — подарки. Говорили добрые слова в адрес наших однополчан. Конечно, женщинам приятно, что их мужей так ценят и уважают в части. Надеемся, что после таких встреч они к проблемам мужей будут относиться с большим пониманием. Кстати, в тот день жене лейтенанта Кузиева, который на Новой Земле тогда находился со своими солдатами, тоже вручили ключи от комнаты в общежитии. Тут же была выделена машина и оказана помощь в перевозке вещей. Вечером доложили — семья лейтенанта на новое место перевезена.

— **Вы обмолвились о контрактниках. Как обстоят дела с этой категорией военнослужащих?**

— С контрактниками мы в свое время погорячились. Поторопились заполнить ими все вакантные должности — благо распоряжение на сей счет было. Человек двадцать набрали из солдат, которые через полгода увольнялись.

Пришло время увольнения в запас,

и наши контрактники стали приносить нам одно правонарушение за другим. Командование вынуждено было контракты разрывать. Как выяснилось, многие рвались в контрактники не из любви к воинской службе, а из корысти — свободный выход за пределы части, деньги.

Большинство контрактников из того набора мы уже уволили. Теперь, чтобы остаться служить по контракту, надо пройти огонь, воду и медные трубы. Каждая кандидатура рассматривается советом прапорщиков, по каждой кандидатуре решение принимается персонально.

— **Николай Михайлович, известно, что сегодня в войсках нет учебного заведения, где готовили бы офицеров для структур по работе с личным составом. Кем же укомплектованы должности заместителей командиров в вашей части?**

— У нас основная масса офицеров-воспитателей — люди, закончившие курсы усовершенствования, то есть бывшие прапорщики. Сейчас и эти курсы приказали долго жить. Заметьте, их готовили как командиров! Это уже здесь, в части, учитывая деловые и моральные качества офицеров, назначаем их на должности заместителей командиров по работе с личным составом.

Профессионализма, знаний нашим людям явно не хватает. А вот желания работать — хоть отбавляй!

— **Может, есть необходимость одно из командных училищ перепрофилировать на подготовку этой категории офицеров?**

— Однозначно! Иначе такой ответственный участок, каким является воспитание личного состава, нам не вытянуть.

Из кого мы назначаем заместителя к командиру подразделения? Из командиров взводов, которые еще взводами-то командовать как следует не научились.

У нас офицеров-воспитателей, профессионалов своего дела, по пальцам пересчитать можно. Начальник группы по работе с личным составом майор Анатолий Александрович Колесников, заместитель командира

батальона майор Михаил Евгеньевич Савченко, заместитель командира роты старший лейтенант Станислав Константинович Бескровный.

Требую от своих подчиненных больше времени проводить в подразделениях. Но от бумаг тоже никуда не денешься. Попробуй не исполни какой документ, проверяющий с тебя три шкуры спустит.

Распоряжений поступает море. Причем многие из них дублируют друг друга.

— **Лет пять назад бумаг больше было или меньше?**

— Раньше еще партийное и комсомольское хозяйство было, но такого объема бумажной работы никогда не выполняли.

— **Николай Михайлович, была бы ваша воля, кого из специалистов ввели в штаты воспитательных структур?**

— Психолога! Он нужен нам как воздух. Пополнение идет с неустойчивой психикой. У многих молодых солдат психические отклонения. Без специалиста не обойтись.

— **Разрешите поблагодарить вас за интервью. Пожелать вам и вашим коллегам успехов в нелегком деле — воспитательной работе.**

Беседу вел
подполковник А. ПЕТРОВ.

Круг чтения

Эта книга не о завершившихся военных действиях в Чечне. Она вообще не посвящена исследованию какого-либо конкретного вооруженного конфликта. Но, прочитав ее, и участник чеченских событий, и ветеран афганской войны, и воин-интернационалист, выполнявший свой служебный долг в одной из множества горячих точек на далеких континентах, справедливо подумает, что эта книга о его войне.

Генерал армии А.КУЛИКОВ.

КНИГА О ПОКАЛЬНЫХ ВОЙНАХ*

Авторский коллектив, используя как иностранный, так и отечественный опыт ведения боевых действий против иррегулярных сил, сумел на высоком профессиональном и методическом уровне объединить разрозненные наработки в целостный научный труд, тем самым заполнив брешь в области военных знаний по истории так называемых "малых войн".

Композиционное размещение материалов в предлагаемом издании как нельзя лучше служит раскрытию и изучению поднятой проблемы. Книга открывается вступительным словом министра внутренних дел России генерала армии А.Куликова, в котором дается положительная оценка этому научному труду. Структурно издание состоит из трех глав: "Партизанское и повстанческое дви-

жение в прошлом и настоящем", "Сущность партизанского и повстанческого движения как военного метода", "Изучение и использование опыта противоповстанческой и противопартизанской борьбы в строительстве и применении регулярных войск". Завершает материалы небольшое заключение, где подчеркивается, что выход в свет этой книги — начало масштабной научной работы, ибо вслед за историческим анализом должен незамедлительно наступить этап специальных исследований, внедрения полученных результатов в сферу военного образования и в практику подготовки штабов и войск.

Органическая связь анализа прошлого с проблемами сегодняшнего дня — отличительная особенность всех материалов, представленных в этом научном труде. Задача авторов состояла прежде всего в том, чтобы донести до читателей мысль о закономерности развития процесса, его

*Богданов В.Н. и др. *Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской борьбе. Мировой опыт и современность*. М., 1997.

этапности. Основываясь на опыте вооруженной борьбы с иррегулярными формированиями, составители книги раскрывают особенности теории и истории партизанской борьбы, отмечают, что повстанческая деятельность по своей интенсивности делится на три этапа: первый — скры-

ганизации и тактике действий сил специальных операций (ССО) США, широкой географии их применения.

Наряду с анализом особенностей развития повстанческого и партизанского движения как малой формы вооруженной борьбы в книге концентрируется внимание и на част-

ных вопросах — таких, например, как подготовка контрпартизанских акций и управление ими, раскрывается тактика боевых действий регулярных сил в борьбе с повстанцами, дается разбор проведенных операций. Несомненным достоинством издания является наличие на его страницах конкретных документов, ссылок на научные статьи, подтверждающих тот или иной тезис, вывод. Здесь приводятся официальные наставления, инструкции, выписки из уставов, в которых вопросы партизанской войны тесно увязываются с изложением основ организации, стратегии и тактики контрпартизанских операций.

В заключение следует отметить: в представленной работе раскрываются причины возникновения

партизанской борьбы, при этом особо подчеркивается, что их серьезной предпосылкой является дестабилизация внутривнутриполитического положения в стране. Вместе с тем отмечается: "малая война" может возникнуть и в результате внешнего вмешательства. Все это в свете недавних событий в Чечне вызовет повышенный интерес военнослужащих к новой книге о локальных войнах.

**Полковник
В. КУДРЯШОВ.**

Главное командование внутренних войск МВД России
Институт военной истории
Министерства обороны Российской Федерации

АРМИЯ И ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА В ПРОТИВОПОВСТАНЧЕСКОЙ И ПРОТИВОПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЕ

Мировой опыт и современность

Москва
1997 г.

тая и зарождающаяся повстанческая борьба; второй — партизанская борьба; третий — маневренная борьба.

Проведенный анализ показывает, что для каждого этапа планируется и соответствующее выделение контингента регулярных войск, а также специальных сил и средств, обладающих способностью к быстрому развертыванию и внезапным действиям. В представленной работе достаточно полно дается характеристика элитных формирований, прошедших специальную подготовку для проведения контрпартизанских операций. В частности, речь подробно идет об ор-

КАЗАЧЕСТВО И РОССИЙСКОЕ ОФИЦЕРСТВО

Трудно переоценить вклад казачества и российского офицерства в становление российской государственности, зарождение и утверждение тех ценностей, что позволили России стать могучей державой, занять ведущее место в мировой цивилизации, культуре, искусстве.

В дореволюционной историографии существовала версия, что время

и место рождения казачества и российского офицерства одни и те же. Это был период расцвета Киевской Руси, когда ее границы стали нуждаться в постоянной надежной обороне от воинственных, завистливых соседей. Былинные витязи, стоявшие богатырскими заставами на порубежье с Дикой степью, являлись одновременно офицерами для своих дружинников и казаками по характеру

деятельности. Они не только защищали родную землю, но и отодвигали ее границы все дальше на юг и восток. Вспомним, что в сказаниях-былинах об Илье Муромце его часто именуют "старым казаком Ильей Муромцем".

Конечно, подобная версия далека от действительности: разве не были офицерами русские сотники и тысяцкие, что привели в IX веке дружины русичей во главе с князьями Аскольдом и Диром под стены Константинополя? Да и упоминание о казачестве встречается в глубине веков гораздо раньше, до периода расцвета Киевской Руси. Существуют исторические свидетельства, что южнорусскими казаками-берладниками весьма интересовался еще князь Олег. Он даже вел с ними переговоры, стремясь использовать их как передовой отряд русских сил в борьбе против кочевников и Византии. Однако главная мысль приведенной версии верна: история казачества и история российского офицерства неразделимы. Если казачеству становилось невмозможу на порубежье, на выручку ему во главе регулярных войск приходило российское офицерство. А в случаях, когда держава нуждалась в помощи, казачьи полки под предводительством донских атаманов или украинских гетманов становились под знамя российского государства.

Запорожье и Дон, колыбели появившихся позже других казачьих войск, стали образцом воинского братства, беззаветного служения народу и Отечеству. Уже со времен Ивана Грозного запорожцы и донцы находились в едином боевом строю против турок и татар, нанося им ответные совместные удары. С тех пор донец на Днепре, равно как запорожец на Дону, неизменно был самым желанным гостем. Даже "огосударствление" запорожцев и донцов произошло практически одновременно. Первый "реестровый" список запорожцев появился при польском короле Стефане Батории, а регулярную державную службу крупными воинскими подразделениями донцы стали нести в русской армии при царе Иване Грозном.

Совместно пролитой кровью запорожских и донских казаков разбавлены воды Черного и Азовского морей.

Ею орошены равнины Поволжья, где в армии Пугачева рядом с донцами сражались запорожцы. Их кровь впиталась в солончаки Предсивашья и Перекопа, где запорожцы и донцы перехватывали и отбивали у татар пленных соотечественников, а в конце XVIII века вместе с русской армией прорывались в Крым, дабы навсегда положить конец существованию вековых разбойничьих становищ и невольничьих рынков на юге славянских земель. Боевое братство объединяло донцов с запорожцами в "крестовых походах" против наступавших на православную Украину католиков и униатов. Один из таких походов описан Гоголем в повести "Тарас Бульба". Вместе с украинскими казаками Богдана Хмельницкого за освобождение Украины от польского владычества сражались и добровольцы донских казачьих полков.

А сколько славных дел свершено казачеством при защите границ родной земли, расширении ее пределов, превращении бывшей Московии, расположенной в центре русских земель, в громадную, могучую державу, раскинувшуюся на двух континентах! Итог этой титанической созидательной работы подвел Лев Толстой, сказавший, что граница родила казачество, а казачество создало Россию.

Казачий круг — наследник новгородского веча с его демократией в решении важнейших вопросов — не мог устраивать российских самодержцев. Однако они были вынуждены смириться с этой вольницей, поскольку казаки всегда приходили на помощь России в ее трудный час. В "смутное время" (начало XVII века) именно они помогли России возродить разрушенную государственность и уберечь страну от возможной гражданской войны. Во время споров о том, кто должен занять трон московских царей, записку с именем казачьего кандидата подал и атаман находившихся под Москвой казачьих войск Филат Межаков. Записку он накрыл обнаженной саблей, а на вопрос главы собрания князя Пожарского, кого казаки хотели бы видеть царем, ответил: Михаила Федоровича Романова. После этого заявления какие бы то ни было споры стихли, выбор был сделан в пользу

Михаила Романова, которого затем с полным основанием многие называли "казачьим царем".

Неудержимая казачья лава сметала врага в походах с Петром I, Румянцевым, Суворовым, Кутузовым. Судьбу Бородинского сражения во многом решил удивительно дерзкий рейд конницы атамана Платова по тылам Наполеона. Боевые качества казачьей конницы вызвали чувство восхищения и зависти даже у врагов, признавших ее неоспоримое преимущество перед кавалерией всех других армий. Например, Наполеон в 1807 году заявил: "Дайте мне одних лишь казаков — и я покорю всю Европу". А генерал-адъютант Винценгероде, по происхождению гессенский немец, в 1812 году писал: "Привыкши всегда считать венгерскую конницу первой в мире, я должен отдать предпочтение казакам и перед венгерскими гусарами".

Француз Наполеон и немец Винценгероде знали, что утверждали, поскольку Западная Европа познакомилась с казаками задолго до наполеоновских войн. В середине XVII века через посла в Польше графа де Бреже кардинал Мазарини сделал запорожцам предложение прибыть к захваченной испанцами крепости Дюнкерк и принять участие в ее осаде. Предложение было принято. 2400 запорожцев в октябре 1645 года погрузились в Гданьске на корабли и отправились морем к проливу Па-де-Кале, на берегу которого находилась крепость. Сражаясь в составе французской армии принца Конде, казаки взяли штурмом несколько крепостей на севере Франции, в том числе Дюнкерк, который до этого пять недель безрезультатно осаждали французы. Запорожцы стали главной ударной силой армии "Великого Конде", и тот постоянно советовал своим войскам брать с них пример, называя казаков лучшей пехотой в мире. Когда после взятия Дюнкерка основная часть запорожцев возвратилась на родину, около тысячи казаков во главе с полковником И. Сирко (будущим гетманом), уступая настойчивым просьбам принца Конде, остались во Франции и еще два года вместе с королевскими мушкетерами участвовали в боях. Кстати, сам Сирко стал

близким другом офицера королевских мушкетеров 34-летнего Шарля дю Бас де Фезензан сьер де Кастельмор (по титулу матери звавшегося в кругу друзей графом д'Артаньяном).

Население Парижа, приветствовавшее вступающие русские войска, разгромившие армию Наполеона, устроило настоящую овацию казакам — донцам и черноморцам, которые весь период пребывания во Франции находились в центре внимания французов. Донскому атаману Платову Оксфордский университет присвоил звание почетного доктора права, а английское Адмиралтейство назвало его именем один из лучших кораблей своего военного флота. Писатель Вальтер Скотт, познакомившийся с Платовым, был покорен обаянием его личности и собирался писать роман о казачестве. Последний германский император Вильгельм II в начале столетия называл казачество единственным сохранившимся в мире рыцарством. Сколько еще похвальных цитат и выражений можно привести о казачестве! Оно привлекало к себе внимание многих зарубежных государственных и военных деятелей. Его историей и жизнью интересовались многие ученые-исследователи, деятели литературы, искусства. О казачестве писали историки и лингвисты, путешественники и географы, поэты и писатели (например, Дюма-отец посвятил запорожскому казачеству один из своих романов).

Громкая слава казачества послужила причиной того, что некоторые государства попытались создать собственные "казачьи" войска. Пример такому явлению в военной истории уже был. Появившиеся вначале в Венгрии гусары вскоре стали составной частью армий всей Европы. То же можно сказать о драгунах, появившихся как вид конницы во французской армии.

Однако с казачеством подобного "тиражирования" не получилось. Оказалось, что набрать отборных, прекрасно подготовленных конников и обучить их тактике "казачьего" ведения боя недостаточно, чтобы побеждать настоящих казаков. После нескольких лет безуспешных опытов по созданию "казачьих сотен", прово-

дившихся в Англии и Пруссии, организаторы экспериментов пришли к выводу, что человека делает казаком не первоклассная джигитовка, не мастерское владение холодным и огнестрельным оружием, не умение вести разведку и редкая отвага в бою, а "особое состояние души", присущее лучшим представителям восточного славянства.

Быть казаком считалось честью, носить погоны казачьего офицера значило быть элитой русского офицерского корпуса. Возведение в казачье сословие расценивалось как высокая награда. Поэтому казачество вбирало в себя самые здоровые, жизнеспособные, интеллектуально развитые слои народов, с которыми соседствовало: на Дону — калмыков, на Кубани и Тереке — горцев, на Волге — башкир, в Сибири — якутов. Но иногда "подпитка" казачества происходила и за счет бывших врагов, чьим детям и внукам предстояло впоследствии прославить казачество, заняв достойное место среди его элиты.

Вскоре после гибели атамана Ермака против хана Кучума был отправлен отряд воеводы Воейкова, ядро которого составили казаки и стрельцы, а их боевыми соратниками были литовские, польские и германские дворяне, зачастую с баронскими, а то и с графскими титулами. Дело в том, что в это время шла Ливонская война, и царь Иван Грозный стремился использовать пленных рыцарей во благо Московского государства. Большую часть пленников, простых воинов, он селил вдоль Оки, чтобы они, ведя хозяйство, одновременно защищали границу от татарских набегов. Другую же часть, куда входили профессиональные воины-рыцари, дворянство, никогда не занимавшееся хозяйством, он ставил перед выбором: либо смерть на плахе, как врага Московского государства и православия, либо дальнейшее участие в "дранг нах Остен". Однако теперь не на земли в Прибалтике, а за Урал. Конечно, большинство пленных рыцарей предпочитали второе, и уже в отряде воеводы Воейкова было изрядное число польских и литовских шляхтичей, ливонских рыцарей-немцев. Те из них, кто уцелел в боях,

зачастую переходили в православие, женились на дочерях своих боевых друзей, как правило, из казачьей старшины.

Многие из их потомков затем остались на постоянное жительство в Сибири и на Урале, некоторые впоследствии, после присоединения Прибалтики к Российской империи, возвратились в некогда родные места. Но у тех и других уже текла в жилах казачья кровь. Они ощутили на себе мощное воздействие казачьей культуры и обычаев. Они, носящие перед фамилиями частицы "фон" либо "дер", а то и сохранившие графские или баронские титулы, были более казаками, нежели германцами. Отсюда одна из причин верности большинства остзейских дворян интересам российской короны. Отсюда и деятельное участие в формировании офицерского корпуса российской армии, заметная роль в русской науке, их верноподданническая декларация с началом мировой войны к царю, в которой они уверяли Николая II в преданности России и обещали честно служить ей на полях предстоящей брани. Свои слова остзейское офицерство подтвердило делом в окопах империалистической войны.

Поэтому не вызывает удивления, что известный нам по событиям гражданской войны на Дальнем Востоке барон Унгерн фон Штенберг, прямой потомок последнего магистра Ливонского рыцарского ордена, выпускник престижного Павловского военного училища, связал свою судьбу с Забайкальским казачьим войском. В гражданскую войну стал сподвижником атамана Семенова и командиром казачьей дивизии. Объяснима тяга к казачеству и другого известного нам участника гражданской войны на юге России, барона Врангеля. Выпускник петербургского Горного института, добровольцем участвовавший в русско-японской войне, он настоял на службе именно в казачьих частях, считая службу в пехоте или обычной кавалерии ниже своего достоинства. Правда, после окончания в 1910 году Академии Генштаба он был вынужден служить в регулярной кавалерии, однако когда в период мировой войны и последовавшей гражданской у него появилась возможность выбора, он

без колебаний связал свою судьбу с казачеством. Даже оказавшись в эмиграции, он до последних дней жизни не расставался с черкесской и гордился тем, что в 1918 году был избран почетным атаманом кубанской станицы Петропавловской.

Тянулись к казачеству не только представители остзейской знати. Бывший кавказский горский князь Улагай, чей род за верное служение России был причислен к казачеству, именовал себя только кубанским казачком и предпочитал служить в казачьих войсках, хотя имел возможность, принадлежа к потомкам высоко титулованной знати, добиться назначения в конную гвардию. Да что остзейские бароны и горские князья, если в казачьей черкесске с полковничьими погонами любил щеголять сам император Николай III!

Породниться с казачьими офицерскими династиями не считалось зазорным даже для самой родовитой европейской знати. Так, в мае 1896 года на торжества по случаю коронации русского царя Николая II были приглашены французский посол Монтебелло и гость российского военного министерства начальник французского генерального штаба Буадеффра. На радостях от удачных переговоров с Россией о создании военного союза против Германии сия пара высокопоставленных французских сановников приняла решение продемонстрировать Европе складывающуюся тесную дружбу между Францией и Россией не только подписанием соответствующих официальных документов, но и заключением смешанного франко-русского брака на достаточно высоком уровне.

Невеста, юная красавица баронесса, племянница генерала Буадеффра, была привезена из Франции, а подходящего жениха требовалось подыскать на месте. От претендентов на руку баронессы не было отбоя, однако красавица баронесса не желала продешевить и привередничала: ее не устраивали женихи из лучших княжеских и графских российских фамилий — во Франции полно своих герцогов и маркизов; она не признавала сыновей русских денежных магнатов, известных всему миру, — во Французской Республике хватало

своих миллионеров. На всех прочих женихов юная баронесса попросту не хотела обращать внимания. Дело начинало грозить скандалом, как вдруг — о счастье! — несговорчивая невеста по уши влюбилась в случайно увиденного на улице лихого казачьего подъесаула.

Примечательно, что русская и французская знать, которая всегда досконально и придирчиво копалась в родословных и подробно комментировала знатность и богатство обеих сторон, вступающих в брак, на сей раз ограничилась строжайшей проверкой и изучением лишь родословной невесты. Родословная жениха и его личная биография ни в каких проверках не нуждались: два слова — казачий офицер — ставили его по происхождению и социальной значимости вровень с любой невестой. Тем более что генерал Буадеффра от имени правительства Французской Республики заявил, что Франция широко раскрывает объятия своему приемному сыну, достойному представителю самого гордого, храброго и романтического рыцарства Европы.

Это был не единственный случай подобного рода. Например, на Дону до самой революции проживала русско-французская семья графов дю Шайла, которая считала себя казачьей офицерской династией, но отнюдь не русской ветвью генеалогического древа французских графов.

Профессиональная подготовка казачьих офицеров мало чем отличалась от подготовки других офицеров русской армии. Правда, казачья молодежь приходила в училища более развитой физически, чем ее сверстники из дворян или разночинцев, не говоря об умении прекрасно ездить верхом и владеть личным оружием. Помимо того, что существовала самостоятельная система казачьих юнкерских и военных училищ, казачьи отделы (курсы, сотни) имелись при наиболее престижных военных училищах. Например, в Петербургском Николаевском кавалерийском училище была казачья сотня. Выпуск казачьих офицеров увеличивался из года в год, соотносясь с возрастающей ролью в русской армии казачьих соединений,

становившихся главной ударной силой ее кавалерии. Если в 1871 году в 16 юнкерских училищах России насчитывалось 2670 пехотных, 270 кавалерийских и 405 казачьих мест, то в 1878 году казачьи войска имели уже 655 вакансий (за счет преобразования Ставропольского и Оренбургского обычных юнкерских училищ в казачьи и образования в 1876 году казачьего отдела в Елисаветградском училище). Подготовка казачьих офицеров проводилась не только на исконных казачьих землях или территории коренной России, но во всех уголках империи, где были расквартированы казачьи полки. Например, при Варшавском и Виленском юнкерских училищах существовали казачьи отделы, каждый на 75 человек. Это позволяло будущим офицерам проходить стажировку в ближайших казачьих частях, одновременно осваивая возможный театр боевых действий, привыкая к незнакомому климату, усваивая язык, традиции, нравы населения, среди которого предстояло впоследствии служить.

Подготовка казачьих офицерских кадров не ограничивалась лишь классическими родами войск (кавалерией, пехотой-пластунами, артиллерией) и начавшими появляться воздухоплавательными частями и автобронетрядами. Она включала в себя и довольно редкие специальности. В конце 90-х годов Россия стала проявлять повышенный интерес к азиатским делам, и в 1883 году при школе МИДа был открыт курс восточных языков, на который ежегодно принимались 5 офицеров, изучавших в течение трех лет арабский, турецкий, персидский и татарский языки, а также международное и мусульманское право (с 1899 года этот курс был переведен в Академию Генерального штаба). От армии не отстало и МВД, учредившее в своей ведомственной офицерской школе в Урге две стипендии для подготовки специалистов по китайскому языку. К изучению потенциального противника на Востоке было подключено и казачество. Один казачий офицер из Омского военного округа на два года командировался в Кульджу. В этой связи нелишне вспомнить сибирского казачьего офи-

цера Корнилова Л. Г. (будущего главнокомандующего русской армии и вождя белого движения), который в свое время отличился в проведении широкой разведывательной деятельности на территориях, граничивших с русским Туркестанским краем.

Не следует забывать, что представители ряда старинных казачьих родов по традиции служили не в обычных казачьих частях, а в элитных полках (например, потомки князя Кочубея и гетмана Скоропадского из поколения в поколение проходили службу офицерами Кавалергардского полка и входили в столичный высший свет).

Жалованье казачьих офицеров вначале отличалось от денежного содержания других офицеров русской армии. Согласно военному законодательству 1841 года оклад казачьих офицеров составлял две трети оклада офицеров регулярной кавалерии, а разница компенсировалась получаемыми на определенный срок участками войсковых земель. Например, для офицеров Кубанского и Терского казачьих войск размеры этих участков были следующими: для генералов — 1500 десятин, для штаб-офицеров — 400 и обер-офицеров — 200 десятин. По положению 1870 года эти земельные наделы получались уже в потомственную собственность. Однако с 1859 года казачьи офицеры начинают приравниваться по величине жалованья к регулярной кавалерии (впервые это коснулось офицеров Донского казачьего войска). А уже к 1877 году офицеры всех казачьих войск были уравнены в окладах с регулярной кавалерией.

**А. СЕРБА,
историк.**

(Окончание следует)

Анатолий ПОДНЕСЕНСКИЙ

ОХОТА НА КОМЕНДАНТА

Повесть

Самолет в Баку прилетел рано утром. Холодный октябрьский ветер с резким и непривычным запахом моря гонял по бетону стайки желтых листьев и обрывки бумаги.

Подали трап, и Максимов первым из пассажиров сбежал вниз и торопливо зашагал к аэровокзалу.

У выхода с летного поля стояли таксисты, все как один в огромных кепках. Они переминались с ноги на ногу в ожидании клиентов, крутя на пальцах ключи от машин. Максимова в его видавшем виды камуфляже проводили хмурыми взглядами.

На привокзальной площади полковник присел на скамейку у большо-

го щита с лозунгом: "Достоинно встретим 73-ю годовщину Великого Октября!", достал сигареты и спички.

В спецкомандировку в Карабах летали через Баку. Желающих ехать вне очереди не было. Но полковник Владимир Максимов полетел добровольно, вместо заболевшего сослуживца.

Сейчас он курил на скамейке в сквере у аэропорта, поглядывая на столпившихся у входа в авиакассы людей. Докурив, достал пистолет и спрятал его за пазуху, в пустую кобурку положил распечатанную пачку сигарет и спички. Потом поднялся и направился к авиакассам.

Через полчаса, основательно намяв себе бока, он добрался к окошку кассы, чтобы услышать: "Билетов до Степанакерта на ближайшие дни нет". Не меньшего труда стоило ему выбраться обратно. А когда это удалось и он полез за сигаретами, обнаружил кобуру раскрытой и пустой.

Лишь к вечеру подвернулся попутный транспортник, заполненный такими же прибывшими на замену офицерами.

В полете Максимов задремал, привалившись к подрагивающей бортовой обшивке самолета, а когда проснулся, за иллюминатором была темная, вся изрезанная дорогами земля.

С маленького аэродрома прибывших офицеров повезли в Степанакерт. Короткий путь до города растянулся на час. Их автобус еле полз, пристроившись в хвост колонне. На въезде в город стала понятной причина заминки: дорога была перегорожена бетонными блоками и сваренными из кусков рельсов противотанковыми ежами. По бокам шоссе змеились траншеи с укрытиями из камней и мешков с песком. В оставшийся узкий коридор машины въезжали по одной, повинуясь сигналам военного регулировщика.

Да и сам начавшийся за КПП город походил на прифронтовой: на улицах обилие военных в бронжилетах и с оружием; снующие бронетранспортеры; длинные очереди у магазинов....

Инструктаж в комендатуре района был коротким.

— Арифметика простая, — объяснял генерал, комендант района чрезвычайного положения офицерам, обступившим разложенную на столе карту: — если сегодня на вашем участке убили двоих армян, на следующий день будут убиты двое азербайджанцев. Каждую ночь обстреливаются села, в последние дни постреливают и на окраинах Степанакерта. Под прикрытием национальных лозунгов действует и просто всякая криминальная сволочь. Как следствие — повсеместными стали грабежи и насилия. Орудуют зачастую среди бела дня: минируют дороги, угоняют скот, захватывают заложников. В своей работе вам следует

опираться на партийные и советские органы на местах, взаимодействовать с местной милицией. Участились, — генерал повысил голос, — нападения на военнослужащих внутренних войск. По разведанным, особый интерес боевиков вызывают офицеры спецназа и коменданты участков, за головы которых дают до пятидесяти тысяч рублей!

Среди офицеров прошел недоверчивый гул.

— Это ж мне за десять лет столько не заработать! — не удержавшись, негромко заметил стоящий рядом с Максимовым майор.

— Сейчас вы получите назначения и можете следовать к своим участкам, — комендант района закончил инструктаж и достал конверты с предписаниями. — Майор Ерохин — в Физули, Гадрут. Подполковник Грачев — в Мартуни...

Комната для совещаний быстро пустела. И вскоре из прибывших офицеров в ней остался один Максимов.

— Садитесь, — показал на стул генерал, держа в руках приготовленный для полковника пакет. — Вы знаете, что такое Шуша? — и тут же, не дожидаясь ответа, он продолжил: — Шуша по-азербайджански стекло. Воздух там чистый, прозрачный, как стеклышко. Еще в 1755 году она стала столицей Карабахского ханства, сюда приезжали торговать из России, Грузии, Турции.

Генерал замолчал, а Максимов, уже догадывающийся о своем назначении в Шушу, попытался предстать себя комендантом Карабахского ханства.

— Сейчас в Карабахе как бы две столицы, — продолжил генерал, — Степанакерт, официальная, и Шуша, где живут уже только азербайджанцы. На вашем участке помимо Шуши восемь армянских и пять азербайджанских сел. Такой вот интернациональный винегрет. Участок вам доверяем самый сложный.

Напоследок, прощаясь, генерал постарался приободрить Максимова:

— А в общем, не тушуйтесь, от Степанакерта до вас хоть и горной дорогой, но всего тридцать километров. Если что, связывайтесь, поможем.

Дорога петляла и уходила все выше и выше в горы, покрытые вуалью облаков. Внизу в лучах заходящего солнца белел Степанакерт. Вскоре машина Максимова въехала в полосу густого тумана. До Шуши добрались уже в темноте и долго петляли по незнакомым улицам в поисках комендатуры участка. Наконец наткнулись на БТР с задраным вверх стволом у плотно закрытых ворот.

— Здесь, — сказал приехавший с Максимовым офицер штаба майор Родичев.

Они вышли из “уазика”, и Максимов застучал в гулко отозвавшееся железо ворот.

Отворилось окошечко, и оттуда выглянул часовой.

— Открывай! — коротко бросил Максимов. — К коменданту.

— Товарищ полковник спит! — важно сказал часовой и захлопнул окошко.

— Во дают! — засмеялся Родичев и громким голосом приказал: — Часовой! Вызывай дежурного. Быстро.

За воротами было тихо. Вверху угадывались нависшие ветки деревьев. Офицеры прошлись вдоль забора. Водитель их “уазика” уже прикорнул, положив голову прямо на руль.

Офицеры негромко переговаривались, когда издалека, по-видимому с окраины города, донесся звук автоматной очереди. Родичев глянул на светящийся циферблат часов и снова подошел к воротам.

— Что они там, с ума посходили?! — разозлился он и что было силы застучал каблуком в ворота.

Во дворе словно только этого и ждали. Снова приоткрылось окошко, и выглянул заспанный военный.

— Дежурный прапорщик Петров, — хмуро сказал он. — Комендант спит. Вы по какому вопросу, товарищи?

— “Товарищи”? “Вопросу”? Представьте как положено и поднимите коменданта, мы из штаба района, — разошелся не на шутку Родичев. — Почему не объявляете тревогу? Вы что, стрельбу не слышали?

— Никак нет. Не слышал, — быстро ответил прапорщик. Тяжелая работа мысли отпечаталась на его лице. Наконец, видимо, решив, что офицеры-то побудут и уедут, а разбуженный недовольный комендант останется, прапорщик, открывая ворота, то ли посоветовал, то ли попросил:

— Товарищи офицеры, есть комната для отдыха, а с комендантом, может, до утра обождать?

Родичев, уже спустивший пар, лишь устало заметил:

— Буди, буди, не бойся. Скажи: новый комендант на замену прибыл.

Через пятнадцать минут старый комендант уже споро выкладывал из сейфа на стол папки с документами.

— Может, утром начнем дела сдавать? — потянулся намотавшийся за день Максимов.

— Да что сдавать-то? — словно испугался тот. — Вот папочки сейчас все достану. А что еще? Караул здесь. Дежурный, если что, усиление вызовет. Ну а я с майором на машине сразу в Степанакерт. Глядишь, через сутки дома буду.

Немало лет отдал службе во внутренних войсках полковник Анатолий Владимирович ПОДНЕСЕНСКИЙ. Переломный 1991-й застал его, старшего преподавателя военного училища, в Ташкенте. Отсюда он уехал на родину — в Белоруссию, в Минск, где живет и служит поныне.

Нашим читателям со стажем имя Поднесенского, участника седьмого семинара литераторов внутренних войск, знакомо по повести “Красные кагли дождя”, рассказу “Криминальная история”. В основу повести “Охота на коменданта”, с которой мы знакомим вас сегодня, легли реальные карабахские события.

Максимов внимательно посмотрел на коменданта. Одутловатое лицо, одна щека вся от подушки в мелкий рубчик. Из-под форменных брюк выглядывали мягкие домашние тапочки без задников. Родичев с закрытыми глазами откинулся на спинку дивана. Губы его подрагивали, не в силах сдержать улыбку. Максимов вздохнул и потянул к себе ближайшую папку.

Прием дел действительно прошел быстро. И вскоре прежний комендант уже укладывал вещи.

— Мой тебе совет, — говорил он, связывая ремнями две двадцатилитровые канистры. — Плюнь на всех. Пусть бьют друг друга, стреляют, жгут, а ты не вмешивайся и не суйся никуда — не то сразу пристрелят. Вот я даже в город выезжал лишь по крайней нужде и, как видишь, жив-здоров.

Он навалился, ремень лопнул, из упавшей на пол канистры хлынула янтарная жидкость, распространяя острый коньячный запах.

— Ч-ерт, — засуетился хозяин кабинета.

Родичев, словно и не сидел только что с закрытыми глазами, вскочил и распахнул окно.

— Да, это ты умеешь, — заметил майор, опускаясь на подоконник. — Особенно преследовать боевиков, не выходя из кабинета, а потом нечаянно потерять след.

— Зато документацию сдал в полном ажуре... — начал было оправдываться тот, прижав руки к груди, но вдруг осекся и заговорил зло и решительно: — Да, я лишний раз не высывался и считаю, что вообще нам нечего в их разборки вступать! Пускай и азербайджанцы, и армяне между собой сами разбираются. А то защищаем их, разводим и сами же пули получаем, с двух сторон. А время пройдет, мы же во всем и виноваты окажемся, помяните мое слово.

Неожиданно без стука открылась дверь, вбежал прапорщик, дежуривший по комендатуре участка.

— Товарищ комендант! — начал он, растерянно переводя взгляд со старого коменданта на Максимова и обратно. — Товарищ комендант, — на-

конец он стал докладывать как бы обоим. — Тревога! Вас штаб района вызывает. Обстрел села на нашем участке, приказано выехать на место.

Старый комендант умоляюще глянул на Максимова. А тот, скомандовав: "Караул, в ружье!", уже спешил в комнату дежурного.

— Я Семьсот пятидесятый, — прозвучал в наушниках искаженный помехами голос оперативного дежурного. — В районе села Дашалты идет интенсивная стрельба. Село подверглось нападению боевиков. Вам приказано выехать к месту происшествия и действовать по обстановке. По прибытии доложить. Я Семьсот пятидесятый, прием.

— Вас понял, — ответил Владимир. — Назовите источник информации.

— Данные поступили от председателя сельсовета Дашалты.

— Вас понял. Выполняю.

Когда Максимов с автоматом выбежал во двор, в заведенном "уазике" уже сидели четверо солдат. Рядом с машиной топтался невысокий лысоватый подполковник в бронежилете, с виду одногодок Максимова.

— Подполковник Шанько. Начальник штаба, — представился он и добавил: — Можно просто Иван Иванович. Товарищ полковник, Дашалты рядом, это армянское село в трех километрах от шоссе Шуша — Лачин.

— Поехали, — кивнул Максимов.

У поворота от шоссе к селу стоял вагончик. Из него навстречу машине вышли два милиционера-азербайджанца с автоматами.

Увидев выскочивших из машины офицеров и солдат, они растерялись.

— Стрельбу слышали? — спросил, поздоровавшись, Максимов.

— Никак нет, — ответил один из них, с сержантскими погонями. — Мы здесь давно, но никакой стрельбы не было.

"Вот те раз, — подумал комендант. — Действительно тихо. И Дашалты внизу спокойно светится огнями".

Свернув с шоссе, машина стала медленно спускаться к селу, пока ки-

лометра через полтора не уперлась в завал из огромных камней.

— Это чтобы азербайджанцы сюда не ездили, — пояснил начальник штаба.

Все вышли из машины, прикидывая, как обойти препятствие. Не успели офицеры подойти к завалу, как тишину разорвал выстрел, а потом очереди трассирующих пуль прошли прямо над головами.

— К бою! — крикнул комендант, и все залегли. Водитель успел погасить фары, и темнота скрыла завал, машину и упавших рядом с ней военных. Прошло минут пять.

— Надо возвращаться, — подумал Максимов, — но машину в темноте на узкой дороге не развернуть”.

— Мегафон работает? — бросил он в темноту.

— Так точно, — слышим, севшим от пережитого страха голосом ответил водитель.

Владимир подполз к “уазику”, через оставшуюся открытой дверцу дотянулся до микрофона и включил усилитель. Говорил лежа, с земли, до предела растянув шнур.

— Внимание! Я новый комендант Шуши, — разнеслось по ночной долине. — Мы прибыли на помощь по вашему вызову. Если меня слышите, то дайте сигнал.

Опять тишина. И вдруг... В небо взлетела зеленая ракета, осветив все своим призрачным светом.

— Ну вот и познакомились”, — усмехнулся Владимир и снова нажал кнопку на микрофоне.

— Мы должны развернуться и уехать. Не стреляйте по машине. Если поняли меня, подтвердите.

Небо осветила красная ракета.

Максимов поднялся и сел на водительское сиденье. Запустил двигатель и, включив ближний свет, медленно начал движение. Отъехав метров пятьдесят от завала, он командовал остальным: “В машину!” — и уступил место водителю.

С оханьем, отдуваясь, устроился на заднем сиденье начальник штаба.

— Ну, командир, — сказал он, расстегивая бронезилет, — я уж думал, придется нам машину бросать и ползти по-пластунски назад или здесь

оставаться и до утра мерзнуть. Ох! Кто ж это бронезилет такой тяжелый придумал?!

У вагончика рядом с шоссе комендант приказал остановиться.

— Ну а сейчас выстрелы слышали? — спросил Максимов милиционеров.

— Никак нет! — отрапортовал старший наряда.

“Дурак или прикидывается?” — не мог понять Максимов.

— Вы этот пост когда-нибудь проверяли? — спросил он, повернувшись к начальнику штаба.

— Насколько я помню, поста здесь никакого не было.

— Иван Иваныч, осмотрите землю у вагончика.

Солдаты разошлись вокруг. Комендант взял документы у милиционеров. Удостоверения были выданы райотделом Шуши на имя Саркисова и Алиева.

— Кто установил пост? — спросил Максимов.

— По приказанию товарища Бабурова, начальника райотдела.

— Товарищ полковник, — тронул коменданта за рукав начальник штаба. На его ладони лежала горсть гильз от АКМ.

— Ваши? — спросил Максимов у милиционеров.

Те лишь недоуменно пожали плечами.

— Если здесь прозвучит еще хоть один выстрел, будете сидеть в степанакертской тюрьме. За документами придете утром в комендатуру, — сказал Максимов, пряча удостоверения в карман.

Милиционеры стояли навтыжку.

Светало. Прежний комендант уже успел уехать с Родичевым в Степанакерт.

Доложив в штаб о возвращении, Максимов, не раздеваясь, прилег на койку.

Восемь утра его разбудили. — Товарищ полковник, — осторожно тронул за плечо незнакомый майор. — Там посетители пришли.

Максимов сел на койке, потер глаза и глянул на циферблат. Прошло

лишь два часа с момента возвращения в комендатуру.

— Какие посетители? — спросил он хриплым со сна голосом.

— Местные, население.

— А вы кто, майор?

— Я? — растерялся тот. — Я Жора, я же вам вчера представлялся.

Максимов поднял глаза и с интересом посмотрел на майора.

“Надо же, Жора!” — подумал он.

Тот стусевался и поправился:

— Я ваш заместитель по работе с населением.

— Ну вот и работайте. С населением.

— Есть! Только там приехали из села и просят нового коменданта.

— Из какого села?

— Из Дашалты, товарищ полковник.

Максимов провел ладонью по бритой щеке.

— Хорошо, пусть пять минут подождут, я выйду.

Председатель сельсовета Дашалты Вагинат Егимян был невысок и полноват. Жесткие черные волосы, нависшие шапкой надо лбом, крупные нависшие глаза и большой крючковатый нос.

— Что же это вы? — начал с упрека Максимов. — К вам новый комендант знакомиться едет, а вы по нему из автоматов.

Егимян вскочил навстречу.

— Товарищ комендант, товарищ комендант. Нас самих обстреляли. Из автоматов. А у нас оружия — только ружья охотничьи у отряда самообороны, автоматов нет. А тут, откуда стреляли, машина к селу едет, — сбивчиво продолжал председатель. — А старый комендант ночью не ездил, он и днем не ездил. Мы и выстрелили вверх. Раз.

— Говорите, машина ехала оттуда, откуда стреляли? — уточнил Максимов.

— Точно так.

— Покажите на карте.

Егимян повертел карту в руках и отдал назад Максиму.

— Я лучше так, — сказал он, беря со стола карандаш и лист бумаги. — Вот шоссейка Шуша — Лачин, поворот к нам. Отсюда и стреляли. От брошенного вагончика.

— От брошенного?

— Да. Там дорогу ремонтировали, вагончик оставили.

— И поста там нет милицейского, ночного?

— Какой пост? — пожал плечами председатель. — А ночью кто сейчас стоять будет?

— А что же вы об обстреле позволили в Степанакерт, а не прямо нам?

— Эх, комендант! — грустно рассмеялся Егимян. — Дашалты армянское село, с Шушой связи нет, со Степанакертом есть. Комендант, — он понизил голос и наклонился поближе к Максиму, — комендант, эти азербайджанцы просто звери, работать не хотят, по десять детей имеют. Я ни в город спокойно выехать не могу, ни пастухов на пастбище отправить — зарежут. Комендант, зачем такой народ живет на нашей земле?

— Так земля-то у нас одна, советская, — растерявшись от такого напора, сказал Максимов.

— Эх, комендант...

За председателем сельсовета Дашалты в кабинет потянулись со своими нуждами жители Шуши. Слухи о прибытии нового коменданта разошлись быстро. Пришел начальник штаба, тоже невыспавшийся, помочь разобраться с обстановкой на участке.

— Иван Иванович, как считаешь, к местным руководителям надо самому ехать или разом их сюда собрать? — поинтересовался Максимов.

— Да лучше съездить. Кто здесь главная власть, они и так знают, а приедешь первым, вроде как уважение окажешь.

— Вот и я так считаю. Пускай с посетителями пока заместитель работает, а мы к местному начальству ходим.

— На машине? — уточнил начальник штаба.

— Зачем? — удивился комендант. — Тут в любой конец два шага. Заодно и город получше рассмотрю.

— Колеса нужны, товарищ полковник, — вздохнул Иван Иванович. — Иначе скажут: несолидный начальник приехал. Что первым визит нанес —

это вежливость, приятно. А вот что пешком — не поймут. Несолидно. У нас тут через день и депутаты, и журналисты. Так каждый БТР требует, а то и пару.

— Ладно, тогда поехали, — усмехнулся комендант.

Начальник отделения милиции, уса-тый крепыш лет сорока, видимо, увидел подъехавшего коменданта в окно. Встретил гостей стоя за большим столом под портретом Дзержинского.

— Бабуров, начальник райотдела, — широко улыбаясь, представился он коменданту. — Сейчас распоряжусь, завтракать будем.

— Завтракать — это неплохо, — улыбнулся в ответ Максимов. — Да нас еще в райкоме и исполкоме ждут. Так что завтрак мы отложим до другого раза, а сейчас делами насущными займемся.

Бабуров развел руками: желание гостя — закон, достал и расстелил на столе подробную карту района.

С час они с карандашами ползали по карте, разбираясь со схемой охраны правопорядка, расположением постов. Под конец Максимов достал отобранные ночью у милиционеров удостоверения.

Бабуров равнодушно глянул в красные книжицы.

— Саркисова и Алиева у меня нет, не мои люди.

— Понятно, — поднялся комендант. — Ну ладно, будем вместе на порядок работать.

— Да, — снова расплылся в улыбке Бабуров, — давайте вместе работать. Со старым комендантом у нас полный контакт был, такой хороший человек, жалко, что уехал...

Председатель исполкома Газалов вышел из-за своего стола навстречу гостям.

— А мне звонят, новый комендант, говорят, не к советской власти пошел, а в милицию завернул, — то ли упрекнул, то ли пошутил Газалов после знакомства, когда они втроем сели за стол для заседаний.

— Куда ни заворачивали, все равно к советской власти пришли, — отшутился Максимов. — И дальше будем вместе все проблемы решать.

— Да какие проблемы? — удивился председатель. — У нас проблема одна. Древняя азербайджанская земля, история наша, — он поднял палец, — из веков идет. Мы, азербайджанцы, со всеми готовы в мире жить, но не всем это нравится. Есть у нас нации, что спокойно жить не хотят. Пришли на нашу землю, мы как братья их пустили. А они не на полях работали, нет. В магазинах сидели завмагами, завбазами, наживались на азербайджанском народе. А когда пришло время расплачиваться за все, шум поднимают, к России, нашему старшему брату, обращаются. — Газалов сощурил глаза, глядя на Максимова. Тот молчал, а председатель продолжил: — Сейчас перестройка. Нам сказано, больше ответственности на местах. Да, Россия наш старший брат, но младший брат уже вырос и может сам разобраться в своем доме...

...Первого секретаря райкома партии на месте не оказалось. Секретарша лишь сообщила, что товарищ Джапаров в обкоме, второй секретарь на выезде. Встретаться с третьим, ничего не решавшим, было бессмысленно.

— Видишь, командир, в какой обстановке приходится работать? — посетовал начальник штаба, когда они садились в "уазик". — Крутят и дают знать, что здесь не Степанакерт и власть азербайджанская. Если что, сразу в Баку звонят. С утра-то ты их не застанешь, это сегодня в честь нового коменданта остались, ждали. А первый секретарь вообще птица не нашего полета. Дважды депутат — и республики, и Верховного Совета Союза.

— Ладно, — заключил Максимов, забираясь в машину, — сами справимся. Давай, Иваныч, назад в комендатуру, а потом по окрестностям поездим, район поглядим.

Выписка из журнала боевых действий комендатуры участка № 2

12.10.90. В 23.00 обстрелян армянский поселок Дашалты. На поселок

со скалы сброшен газовый баллон начиненный взрывчаткой. Разрушен жилой дом. Погибли женщина и двое детей.

15.10.90. В 12.10 произведен подрыв дороги Шуша — Лачин. Сорвано движение колонн с продовольствием на четыре часа.

16.10.90. В 20.10 в армянском селе Эгцаог убиты двое пастухов, угнано 106 голов крупного рогатого скота.

17.10.90. В 1.00 взорван трубопровод, снабжавший г.Шушу питьевой водой.

18.10.90. В армянском селе Киров убиты двое мужчин. У одного из них 76 пулевых ранений.

20.10.90. В 9.30 на дороге Шуша — Степанакерт подорвано взрывное устройство и обстрелян автобус с солдатами внутренних войск. Ранено трое, контужено пятеро военнослужащих.

24.10.90. Ориентировочно в 23.00 группой боевиков атаковано азербайджанское село Гюйтала. Сожжено восемь домов, ранен один человек.

25.10.90. В 0.30 группой боевиков атаковано армянское село Енгибар. Сожжено четыре дома, погибла женщина.

27.10.90. В 0.10 совершено нападение на караул, охраняющий водозаборную станцию.

“Уазик” коменданта катил по дороге, то натужно карабкался чуть ли не до самой вершины горы, то нырял вниз, набирая скорость, и тогда казалось, что машина несется прямо в пропасть, не вписываясь в очередной поворот. Дорога петляла.

— Таксисты насчитали здесь триста шестьдесят поворотов, — сказал с заднего сиденья начальник штаба. — Я сколько ни пытался проверить, постоянно сбивался.

Сколько ни тер Максимов слипавшиеся глаза, неумолимо клонило в сон. И Иван Иванович на заднем сиденье клевал носом. Ночью опять пришлось выезжать к месту обстрела. На очередном повороте Максимов почувствовал, что засыпает. С усилием разлепил веки и скомандовал водителю:

— Стой!

Офицеры вышли из машины.

— Посмотри, командир, красота-то какая, — сказал, потянувшись, Иван Иванович.

Поросшие лесом горы стояли в первозданной красоте. На фоне вечнозеленых елей ярким золотисто-красным огнем бесновался костер осенних лиственных деревьев. На густом кустарнике, росшем по обочине, каплями крови блестили на солнце переспелые ягоды шиповника и кизила.

— Действительно красота, — ответил Максимов, — как в сказке.

— Эх, если бы это была сказка! Товарищ полковник, посмотрите вниз.

Максимов глянул с обрыва. Почти у самого берега горной речушки лежала башня от БМП.

— Шла колонна — три танка и пять БМП, и одна не вписалась в поворот. Весь экипаж погиб. Высота такая, что от удара башня отлетела.

Максимов невольно сделал шаг назад.

От утренней прохлады сон прошел. Комендант достал карту участка и расстелил ее прямо на капоте.

— Что-то, Иваныч, мы с тобой везде опаздываем — по хвостам бьем. Нападения то на одно, то на другое село идут, а мы лишь следом носимся, фиксируем.

— В каждом селе ведь пост не поставишь, — возразил начштаба. — Никаких сил не хватит.

— Верно. Тогда давай держать то, что сможем. Возьмем под контроль развилки дорог и будем проверять весь транспорт по полной схеме. Не с неба ведь бандиты на села падают.

— Так ведь и так проверяем машины.

— Все?

— Все.

— Да не все! Милицию не смотрим, райкомовские, исполкомовские машины пропускаем.

— Ну ты даешь, командир, — удивился начальник штаба. — Не хватало еще с ними поссориться. Найдешь, не найдешь что, а обиды будет... В Степанакерте вон суп из макарон с кильками едят. Нас здесь хоть кормят нормально...

— Иваныч, — перебил его Максимов, — я понимаю, ты до командировки в своем тыловом училище курсантам вдалбливал, что солдат прежде всего должен быть накормлен. Но посмотри, какая картина получается. Проводит милиция операцию по проверке паспортного режима, двадцать восемь раз в армянских селах и лишь однажды в азербайджанском. Да и то после того, как я поинтересовался. В местном ОМОНе натуральные уголовники каким-то образом оказались, при форме и удостоверениях разгуливают, с оружием. На днях, — напомнил комендант, — мы в Туршсу остановились пообедать, мимо кафе по шоссе "Волга" начальника райотдела и два "уазика" промчались. Через час сигнал в комендатуру — обстреляно армянское село. А дорога-то только туда и вела.

— Думаешь, Бабуров со своими людьми шалит? — с сомнением покачал головой начальник штаба.

— Думаю, не думаю, а выходит так, — Максимов достал блокнот и стал диктовать, сверяясь с картой: — По БТРу и десять солдат выставляем в следующие точки...

Через несколько дней в Шушу приехал майор Родичев, отвечавший в Степанакерте за их участок.

— С чем пожаловал, Михаил? — обрадовался старому знакомому Максимова. — Небось очередной нагоняй от начальства привез?

— Хорошо у вас, — неожиданно сказал Родичев, садясь на диван в кабинете коменданта. — Тихо.

— Тихо?! — изумился комендант.

— Тихо, — подтвердил тот. — А вы что думаете, мы только на ЧП приезжаем? На всех участках обстрелы, захваты заложников, убийства, а у вас

тишина. Дай, думаю, съезжу за передовым опытом.

— Так это лишь несколько дней как тихо. Да и то, скорее, не тихо, а притихли.

— Слышал, слышал уже о вашей методе — работать на упреждение. Как население-то отнеслось?

— А что население? Вот Иваныч с замом сейчас бумаги соберут, полный доклад сделают. Школы заработали, сегодня первый детсад открываем. Думаем комендантский час сократить, пускай вздохнут люди.

— Ну а власть?

— Партийный босс то на съезде, то на пленумах пропадает, а советская власть пока молчит. Выжидает, может.

— Ну это для тебя она молчит. — Родичев расстегнул полевую сумку и достал несколько листов бумаги.

— Сигнал? — улыбнулся Максимов.

— А как же! Вот, сигнализируют, что новый комендант ведет с местными властями переписку на каком-то неизвестном иностранном языке.

Максимов засмеялся:

— А как с ними еще переписку вести? Слали мне документы только на азербайджанском. Попросил писать на русском, ведь в СССР живем, а они в ответ: это наш родной язык, а если не понимаете, заведите себе переводчика. Вот я и послал им тогда два письма на белорусском да еще и начштаба попросил пару фраз на украинском приписать.

— Помогло?

— Еще как, сразу русский язык вспомнили.

— Ладно. Будем считать, что провел с ними урок политграмоты. Только не пережми, они люди обидчивые.

— Да я еще и не начинал жать. У вас-то, в столице, как?

— Шумят в столице, — вздохнул Родичев. — Степанакертскому прокурору среди бела дня в окно гранату бросили, зал заседаний разнесли. Скучать некогда.

Утром в кабинете Максимова раздался звонок.

— Это комендант? — спросил незнакомый голос с кавказским акцентом. — Слушай, первый приказал те-

бе прибыть к нему в 17.00 на совещание.

— Кто говорит? — поинтересовался Максимов.

— Это помощник первого.

— Передайте первому, второму и всем остальным, что здесь, в районе чрезвычайного положения, все функции власти гражданской и военной осуществляю я, приказываю тоже я. Это первое. Второе — прошу обращаться ко мне на “вы”. И наконец, третье. В 13.00 у меня должны быть первый секретарь, председатель райисполкома и начальник райотдела милиции.

Трубка молчала. Видно, таким тоном с этим человеком разговаривали впервые. Потом, после затянувшейся паузы, Максимов услышал только одно слово, произнесенное четко, по-военному:

— Есть.

На встречу с местными властями комендант пригласил и начальника штаба. Ровно в час дня перед комендатурой остановились “Волги” местного начальства. Дверь распахнулась, и в кабинет уверенно зашел крижистый мужчина лет пятидесяти с депутатским значком на лацкане черного пиджака.

“Джапаров, — догадался Максимов, — первый секретарь райкома”.

— Здравствуй, комендант, — с порога протянул он руку, — давай знакомиться будем. Стол, я вижу, уже накрыт.

На большом столе топорщилась, скрывая что-то под собой, старая карта.

— Максимов, — пожимая руку, представился комендант.

Следом за Джапаровым в кабинет зашли Газалов и Бабуров, надевший по случаю визита милицейский китель.

— Стол накрыт, — подтвердил Максимов. — Иван Иванович, давай.

Начальник штаба сдернул карту. На открывшемся столе были аккуратно разложены несколько толовых шашек, четыре автомата и пистолеты, армейская полевая форма, радиостанции.

Возникшую паузу прервал начальник штаба. Иван Иванович кашлянул и зачитал с листа:

— Все это изъято за последнюю неделю при досмотре автотранспорта на временных КПП, в том числе из машин милиции, следующих со спецсигналом. Конкретно по датам...

Когда он начал перечислять, председатель райисполкома Газалов насмешливо перебил его, махнув рукой.

— Э, откуда у нас армейская форма? Только если от военных. И автоматы? Может, солдаты и продали кому-то, а люди купили, время неспокойное.

Максимов шагнул к столу и взял крайний АКМ.

— Смотрите, калибр 7,62. А это, — комендант взял пистолет, — “чешка збройовка” — чешский пистолет, его уж никак у солдат не купишь. Ну а в этом пакете что за дурь, вы уж нам подскажите, — развязал Максимов полиэтиленовый мешок с белым порошком.

— Вы что, — закричал Бабуров, — считаете, что мы провокации устраиваем?!

— Считаю! — спокойно подтвердил комендант. — Иван Иванович, продолжай.

Начальник штаба зачитал сводку последних дней. Все зафиксированные комендатурой выезды местной милиции и ОМОНа совпадали по датам и времени с обстрелами сел района.

Когда начальник штаба отложил папку, Джапаров подошел к столу, окунул мизинец в полиэтиленовый пакет и поднес к лицу. Он медленно и осторожно втянул носом приставшие к пальцу крупинки.

— Спасибо за информацию, товарищ комендант, — наконец заговорил он. — Я думаю, мы в силах разрешить эту ситуацию. Мы сами во всем разберемся и вас проинформируем.

В первый день ноября резко потеплело. Черное бархатное небо разметало мириады звезд. Здесь, в горах, звезды были особенно чистыми и яркими. Словно живые существа, они смотрели на уставшую от войны и крови землю. А земля спала. Спали солдаты. Кто улыбался во сне, кто тревожно вскрики-

вал. Спал город, настороженный и тревожный. Пустынны были улицы Шуши. Здесь, на земле Карабаха, комендантский час.

Комендант и его начштаба склонились над картой, тихо переговариваясь друг с другом. Чем только не приходилось им заниматься днем! Прием граждан, выезды в села, совещания в Степанакерте, райкоме партии, доставка продуктов в город, выезды на происшествия — всего, что решает комендатура в зоне чрезвычайного положения, не перечислить.

Часы для спокойной работы удавалось урвать лишь ночью.

Массовые проверки на дорогах, эффективные в первое время, скоро перестали давать результат. Помимо дорог существовало множество троп, известных лишь местным жителям, которые одним БТРом и парой "уазиков" не прикроешь. Приходилось чуть ли не каждый день менять места временных КПП.

— Что-то тихо сегодня, командир, — сказал начальник штаба. — Контрольное время прошло, а не шумят. Может, боевики нам выходной дали?

— Сплюнь, Иваныч, через левое плечо, — ответил Максимов, — не шумят — и слава Богу. Хоть сегодня выплещусь. Пойду в гостиницу, здесь все равно покоя не будет. Если что, поднимай, я радиостанцию на приеме оставлю, на телефон надежды нет.

— С патрулем, пойдете?

— Да сам доберусь, вроде действительно тихо сегодня.

Максимов быстро дошел до гостиницы. Дежурная, древняя старушка со своим бесконечным вязанием, лишь подняла на него подслеповатые глаза и привычно кивнула. Милиционеру, всегда дежурившего в вестибюле, на этот раз почему-то не было.

Вымотавшись за день, Максимов быстро уснул, не помешало даже ровное шипение включенной радиации.

И приснился ему удивительный сон, будто сидят они с батей на пороге родительской хаты. Справа серебрится лунным светом Днепр, а в саду заполнили все своим белым цветом яблони и вишни. И тихо-тихо вокруг. Сидят они молча, глядя на весенний сад, и вдруг... Выходит из

этого сада девушка, красивая такая, черноволосая, в белом платье, как невеста.

— Батя, глянь, кто это? — спрашивает Владимир. — Кто эта красавица? Не встречал я таких красивых в жизни.

— Да то же смерть твоя, сынок, — отвечает отец. — Оттого она такая красивая, что за тобой пришла. Забыл, что ли, что не дома ты, а на войне. Поостерегись, сынок.

Владимир проснулся внезапно, как будто и не спал.

"Черт возьми, приснится же такое!" — подумал он.

Все так же тихо шумела рация, светила в окно полная луна. И вдруг он почувствовал какой-то странный звук: вроде бы кто-то возится с замком.

Взяв лежащий рядом автомат, Максимов тихо снял его с предохранителя, осторожно дослал патрон в патронник и, не одеваясь, бесшумно проскользнул в туалет, находящийся сбоку от входной двери.

Дверная ручка несколько раз опустилась, снова завозились в замке, пытаюсь вытолкнуть вставленный изнутри ключ.

Максимов молча ждал. Вскоре попытки открыть дверь прекратились, и минуты через две в номер настойчиво постучали.

Выждав немного времени, примерно столько, чтобы можно было подняться и подойти, Владимир громко спросил:

— Кто?

Неожиданно от двери, как это бывает в крутом боевике, полетели выбиваемые пулями щепки. Жалобно звякнуло стекло в окне. Палили из нескольких стволов одновременно.

"Вот тебе и выходной", — мелькнула дурацкая мысль, когда Максимов поднимал автомат.

Выстрелы прекратились так же внезапно, как и начались. Послышался разговор, в котором Владимир уловил несколько азербайджанских слов. Потом кто-то ногой ударил в искверканную дверь. Видимо, стрелявшие хотели все-таки увидеть коменданта, а точнее, его труп.

В узком коридорчике у двери автоматная очередь прозвучала оглушительно громко.

За дверью послышался крик, а потом топот убегающих.

Выждав с минуту, Максимов осторожно повернул ключ. В коридоре никого не было, на полу валялись стреляные гильзы, куски штукатурки, в призрачном свете ламп темнели капли крови.

Максимов поднял еще теплые гильзы. Они были из той же партии, что и найденные в азербайджанском селе Гюйтала после нападения на него боевиков.

Комендант осторожно прошел по пустому коридору к выходу. Безжизненно светили лампы, никто не вышел из номеров, словно ничего не произошло здесь пару минут назад.

Дверь на улицу была распахнута. В холле гостиницы Максимов снял трубку телефона, но не услышав гудка, постучал по кнопке отбоя. За аппаратом потянулся обрывок телефонного шнура с лохматившимися на конце проводами.

Неожиданно из подсобки в углу доносился сдавленный стон. Максимов подошел и осторожно потянул на себя дверь. Навстречу ему шагнула старушка, с вечера дежурившая в холле.

Максимов не успел опустить взятый наизготовку автомат и, наткнувшись на него, та лишь ойкнула и подалась назад в подсобку.

Телефон не работал. Выходить на улицу было рискованно. В рацию, стоявшую на столе в номере, угодила пуля. Выстрелы внутри гостиницы в комендатуре наверняка не слышали, и, выставив автомат в окно, Максимов дал вверх длинную очередь...

День 22 ноября выдался солнечным. В Степанакерте, в штабе комендатуры района чрезвычайного положения было оживленно. На совещание прибыли коменданты участков. Многие приехали с охраной, кое-кто щеголял в легком бронезилете, и все с автоматами. Положенный каждому пистолет все-таки не воспринимался. Отстрели-

ваться из него от нападавших из засад боевиков было просто глупо. А на карабахских дорогах постреливали уже не только ночью, но и днем.

Не успел Максимов зайти в здание комендатуры, как к нему подбежал оперативный дежурный.

— Товарищ полковник, — сказал он, — вас срочно к генералу.

Вызов был неожиданным: до совещания генерал никогда никого не вызывал. Помощник в "предбаннике" поднял голову от стола.

— Вас ждут, — подтвердил он и снова зарылся в бумаги.

Генерал встал навстречу, поздоровался.

— Как обстановка в районе?

— Сложная, товарищ генерал.

— Что выяснилось с нападением на вас?

Максимов удивился. Следствие вела степанакертская прокуратура, да и оперативная группа выезжала оттуда.

— Пока ничего нового. Трое в масках записали дежурную в подсобку, оборвали телефон и обстреляли мой номер... Ищут.

— Ищут, — задумчиво повторил генерал. — Послезавтра проведем на вашем участке операцию по проверке паспортного режима и изъятию незаконно хранящегося оружия в селах Киров, Эгцаог и Онверст. Об операции знаем только я и начальник штаба. Теперь и вы. На совещании о ней тоже говорить не станем. Ваших людей в операции не задействуем, сами знаете почему — вам там работать. Надо лишь организовать разведку. Пришлю майора Родичева, он и возглавит разведгруппу. Подумайте о прикрытии. Задача ясна?

Задача Максиму была ясна.

Родичев, встретившийся с Максимовым после совещания, сразу уловил цель разведки:

— Понятно. Подъезжаем прямо к селу и спокойно изучаем местность, подходы, места возможных засад.

— Днем прикрытия нужно, — посоветовал комендант, — а то ведь заподозрят, призадумаются: чего это, мол, к нам военные пожаловали.

— Прикрытие надо, — согласился Родичев. — Только кто ж его даст?

— Ты, — коротко ответил Максимов.

— Я? Хорошенькое дело! — удивился майор. — Хотя есть у меня прикрытие, отличное такое прикрытие. Одна корреспондентка из московских все требует показать ей Карабах без прикрас.

— Так пусть едет и смотрит, кто ее держит?

— Боится, — огорченно развел руками Родичев. — Боится просто так ехать. Требует танк с пулеметом и взвод солдат. Через день в Москву звонит, жалуется.

— Ну, раз жалуется, надо дать, — вздохнул полковник. — И танк с пулеметом и по отдельности.

— Надо дать, — согласился майор.

— Дадим, — заключил Максимов.

Выезд на разведку запланировали на утро. Скандальная журналистка оказалась юной долгоязой особой в джинсовом костюмчике. Первым делом она, протягивая прапорщику фотоаппарат, потребовала, чтобы ее "сфотоли на танке".

— Это не танк, а БТР, — недовольно пробормотал прапорщик, наводя резкость.

— Все равно, — бросила журналистка, проворно взбираясь на самый верх боевой машины. Запечатлев себя для истории, она с блокнотом в руке атаковала Максимова.

— Мне надо побывать в самых дальних селах, встретиться с жителями.

— Пожалуйста, самые дальние Эгцаог, Киров и Онверст. Вы знаете, — взял ее за локоток Максимов, — вряд ли вам удастся получить полную картину, побывав лишь в одном месте. Вам очень повезло. Мы в вашем распоряжении на целый день и можем проехать по всем селам.

— А я смогу в них встретиться и побеседовать с кем захочу?

— Конечно!

— Тогда по коням, — довольно махнула рукой девушка и снова полезла на приглянувшийся ей БТР.

Энергии у столичной гостьи оказалось хоть отбавляй. Она носилась по Онверсту, побывала чуть ли не в каждом доме. Да и жители были рады: пусть толку от нее будет мало, так

хоть выговориться можно, пожаловаться на многочисленные пришедшие с войной беды.

Солдаты и офицеры у своих машин скучали. От нечего делать ползали биноклем по склонам, слонялись по улицам и вскоре исходили небольшое село вдоль и поперек.

Это повторилось и в Кирове, а когда пообедали, от последнего визита в Эгцаог корреспондентка отказалась.

— Все, едем в Степанакерт.

— А как же Эгцаог? — поинтересовался Родичев. — Очень дальнее село с очень большими проблемами. Давайте махнем, узнаете и увидите много интересного.

— Майор! Вы что, не понимаете? Я работник центральной печати, собранный мной материал ждут миллионы читателей всего Советского Союза. И пленка у меня уже кончилась. Домой! — упрямо тряхнула головой девушка.

Вскоре колонна потянулась к выезду из села.

— Может, оно и лучше? — заметил Максимов Родичеву, когда они, проводив корреспондентку, возвращались на участок. — Не нравится мне Эгцаог, лучше там днем лишний раз не мелькать. Под вечер спокойненько заляжем на склоне и в прибор ночного видения все высмотрим.

— Село как село, — пожал плечами Родичев. — Не лучше и не хуже других.

— Люди там какие-то... — не смог сразу подобрать слова Максимов. — Ты с ними и так и этак, а они в ответ только "да" или "нет". А председатель их... — Максимов махнул рукой.

— Да, Генрих, председатель их колхоза, мужчина колоритный, — засмеялся Родичев. — Ему бы в кино Кинг-Конга играть: под два метра, заросший... Говорят, всегда был нелюдим, а с началом конфликта и вовсе замкнулся. Так как, едем в село или нет?

— Нет. У меня тут застава недалеко. Окончательно стемнеет, и полезем в горы, наблюдать.

Уже наступили сумерки, на темном небе одна за другой проявлялись звезды, почернели горы вокруг

дороги, наконец фары выхватили у придорожного домика аккуратно уложенные мешки с песком, шламбаум и часового.

— Приехали, товарищ полковник, — обернулся с переднего сиденья водитель.

Не успел начальник заставы лейтенант Есько доложить обстановку прибывшим офицерам, как на его столе зазвонил телефон.

— Хорошо, — выслушав, ответил лейтенант, — комендант как раз здесь, я ему все передам.

— Что случилось? — спросил Максимов.

— Звонил председатель из Эгцаога и сказал, что азербайджанцами затевается какая-то провокация. Я ответил, что вы здесь, и он сразу же положил трубку.

— Командир, я уточню. — Родичев снял трубку и набрал номер.

— Генрих, это ты? — спросил он, дозвонившись. — Что случилось? Мы сейчас с комендантом подъедем. Как не надо?! Ты же сам звонил, что затевается провокация. Приедем и разберемся. Что?

Положив трубку, Михаил повернулся к Максиму:

— Что-то Генрих быстро отключился. Может, линия повреждена?

Живые мерцающие звезды и яркая луна то появлялись, то вдруг пропадали за темно-серебристой вуалью медленно плывущих облаков. Было очень тихо. На шоссе ни одной машины — ночью давно никто не ездил.

Когда с шоссе Шуша — Лачин свернули на ведущую к селу грунтовку, слева от машины потянулась пропасть. Сбросили скорость, на извилистой дороге свет фар то упирался в темную стену горы, то пропадал, не встречая впереди никакой преграды. Наконец показались огоньки Эгцаога.

— Готовься к высадке, — обернулся Максимов к сидящему с солдатами на заднем сиденье Родичеву. — Останавливаться на всякий случай не будем. Сбросим скорость до минимума, и вы прыгнете.

Родичев поерзал, втроем им было на просторном сиденье “уазика” тесновато. На каждом бронешилет, по 120 патронов к АКМу, приборы ночного видения.

— Может, еще немного вперед поедем, — попросил он, — а то нам по этим скалам не меньше часа карабкаться, время для наблюдения потеряем.

— Опасно. Дальше площадки для разворота может и не быть. Дорога, сам видишь, какая, — отозвался напряженно следивший за серпантинном Максимов.

Тишина убаюкивала. Горы молчали. — Ладно, подбросим вас еще чуток.

Проехав с полкилометра, машина замедлила ход, и Родичев открыл дверцу. Неслышно группа скользнула в темноту, а “уазик” медленно покати́л дальше. Узкая дорога не позволяла развернуться. Максимов дал команду остановиться и вышел из машины.

— Давай, Саша, — сказал он водителю, — пробуй здесь, дальше ехать нельзя.

Владимир стоял на краю пропасти. Скрывающаяся в темноте бездна манила. Водитель осторожно подал машину вперед.

— Еще полметра, — махнул рукой полковник. — Стоп. Сдавай назад.

Мелкие камешки сорвались и исчезли внизу. Машина медленно покати́лась назад, водитель с силой выкручивал руль, пока задний борт не уткнулся в каменный склон. В конце концов в несколько приемов “уазик” удалось развернуть.

— Поехали, — сказал, вытирая лоб, комендант.

Огоньки села стали удаляться. Перед глазами в свете фар змейкой вился серпантин. Осталось выбраться на шоссе и потом, под утро, вернуться за оставленной группой. Только не сюда, а поближе...

Монотонный гул двигателя перебили два одиночных выстрела. Водитель, не дожидаясь команды, выключил фары и двигатель. И полковник, и рядовой замерли, вслушиваясь в тишину ночи.

— Давай без света, — выждав с минуту, приказал Максимов.

Машина проехала с десятков метров и встала.

— Так в пропасть слетим, — водитель, не оправившись от испуга, говорил шепотом. — Не видно же ничего.

Максимов дослал патрон в автомат и протянул солдату пистолет.

— Давай на ближнем свете попробуем.

Но стоило машине тронуться, как справа у колеса промелькнули четыре красные точки, следом донесся звук автоматной очереди.

— Уходим! — крикнул комендант.

Водитель выдернул ключ зажигания, они выскочили из машины и стали отползать в сторону.

Метров двадцать отделяло их от "уазика", когда на машину обрушился шквал огня. Стреляли сразу из четырех мест. В грохоте полутора десятков стволов Максимов уловил раскатистые очереди пулемета и бухающие выстрелы винтовки.

Наверху, на склоне горы, загорелся луч прожектора и начал обшаривать дорогу. Вот он нащупал машину, остановился и пополз дальше, методично обшаривая все вокруг.

— Товарищ полковник, нас ищут, — с отчаянием прошептал солдат.

— Вижу, — тоже шепотом ответил комендант. — Ты вот что, отползи подальше вниз и жди меня. От пистолета здесь толку не будет.

Пятно света подходило все ближе. Максимов облизал пересохшие губы и поднял автомат. Он поймал прожектор в прицел и невольно зажмурился. Даже сквозь прикрытые веки Максимов почувствовал накрывший его луч света и нажал на спусковой крючок.

Прожектор погас, и сразу туда, откуда только что, отстреляв, перекатился Максимов, ударили автоматные очереди. Один из боевиков лупил трассирующими. "Неопытный", — усмехнулся полковник и снова дал очередь, заставив боевика замолчать.

Отползая то вправо, то влево, Максимов короткими очередями бил по пульсирующим огонькам автоматов

боевиков. Ответные пули, ударяясь о мелкие камни, издавали какой-то мяукающий звук. Некоторые шлепались рядом, мягко входя в землю.

Сменив магазин и дав еще несколько очередей, комендант пополз к водителю.

Солдат тихо откликнулся из темноты. Они вместе заскользили дальше вниз. Ползли, казалось, бесконечно долго, пока не наткнулись на вымытую водой канаву.

Обстрел уже прекратился, тишину разрывали лишь бешеные удары сердца.

"Как на войне, — подумал Максимов, стараясь успокоить дыхание. — И не Афган ведь. Интересно, как там корреспондентка? — неожиданно пришло на ум. — Если на самолет успела, так уже в Москве. По улицам ходит. Хотя как ходит, сейчас ведь ночь, сидит у лампы и статью пишет или дрыхнет".

— Товарищ полковник, — тронул его за рукав водитель, — товарищ полковник, слышите?!

Далеко сверху раздался голоса. Говорили на армянском, несколько человек спускались с горы, шли шеренгой, подсвечивая землю впереди фонарями. Снова вспыхнул прожектор. В его луче фигуры спускавшихся были видны как на ладони.

"Подпустить поближе да и срезать разом?" — подумал Максимов. Он оглянулся на солдата. Тот лежал рядом, стиснув побелевшие губы и сжав в руке пистолет.

— Тихо, Саша, — не то приказал, не то попросил полковник.

Неожиданно голоса раздалась и с дороги, несколько человек с автоматами стояли у оставленной машины. Пятно прожектора прыгнуло на "уазик". Стали хорошо видны искрившийся под светом асфальт, лента дороги и поворот в полусотне метров от машины. Боевики сошлись у расстрелянного "уазика", один сел за руль, другой поднял изрешеченный пулями капот. В тишине послышалось, как заскрипел стартер.

— Саша, сейчас по моей команде бежим к повороту, — сказал Максимов, — приготовься.

— Понял, — выдохнул солдат.

— Вперед!

Они бежали, пригнувшись, петляя из стороны в сторону. Лишь предательски шуршал под ногами придорожный гравий.

— Ну вот и все, Сашка, будем жить, — устало сказал Максимов, когда поворот дороги остался далеко за спиной.

Солдат неожиданно всхлипнул.

— Что ты? Считаю, все позади, — успокаивающе заговорил комендант. — Нам теперь только бы до заставы добраться.

— Машину жалко, — снова всхлипнул солдат.

— Ну ты даешь, — засмеялся Максимов. — На новую машину мне нужен старый живой водитель.

Они шли, вслушиваясь в тишину ночи, останавливаясь при каждом подозрительном шорохе. Через час впереди на шоссе показались огоньки Онверста — села, в котором была застава.

После их возвращения прошло минут тридцать. Прибыла вызванная по радиации маневренная группа — десять солдат во главе с прапорщиком Стекловым. Такие группы патрулировали ночью шоссе, оказывая помощь в отражении нападения боевиков на село или заставу.

Из соседнего села Мецкаладареси приехал председатель сельсовета Эдик Казарян. Несмотря на глубокую ночь, он был в костюме, белой выглаженной рубашке и галстук.

— Товарищ комендант, — волнуясь заговорил прямо с порога всегда сдержанный и вежливый Казарян, — это какая-то трагическая ошибка, что вас обстреляли. Я уверяю — это не наши. Это наверняка приезд боевиков. Мне сказали, что вчера в горах вертолет высадил группу неизвестных людей в черной униформе. Когда мы услышали стрельбу, я звонил в Эгцаог, но мне никто не ответил. Вот я и приехал на заставу.

Максимов промолчал и лишь посмотрел на часы. Циферблат прорезала глубокая царапина — след от камня, когда час назад ползли с водителем по склону. Все же его «командирские» исправно тикали, через

сорок минут майор Родичев со своей группой должен был выйти в условленное место.

— Эдик, вот телефон. Звони в Эгцаог, найди во что бы то ни стало Генриха.

Удивительно, но Казарян дозвонился очень быстро и протянул трубку Максимова.

— Генрих, это ты так встречаешь коменданта, который едет тебе на помощь?

— Это не мы стреляли, это боевики. Их уже в селе нет.

— Через тридцать минут я с маневренной группой приеду к вам. Встречаемся у поворота. Я дам сигнал — два раза включу и выключу фары, ты в ответ мигнешь три раза. Не дай Бог я услышу хоть один выстрел...

На улице коменданта ждали председатель сельсовета Онверста Арташес и еще четыре человека из местных жителей. За ними переминался с ноги на ногу прапорщик, прибывший с солдатами.

— Товарищ полковник, мы поедем с вами, — подойдя, решительно сказал Казарян. — Считаю, что мы ваши заложники.

Его лицо напряглось, даже при свете уличного фонаря было видно, как на лбу выступил пот.

Максимову почему-то стало жалко этого человека, бывшего учителя, лишь полгода назад в самое тяжелое время избранного председателем сельсовета.

— Вы не волнуйтесь, — ответил комендант. — Да и заложников брать совсем уж не по нашей части...

Во дворе заставы строились солдаты маневренной группы.

— Товарищ полковник, мы что, поедем туда? — вполголоса спросил прапорщик Стеков.

— Да. Там, в горах, остались майор Родичев и двое солдат.

— Но у нас задача патрулировать шоссе. Мне комбат так сказал. Ни я, ни солдаты не поедем к боевикам!

«Да ведь он трусит, — удивленно подумал Максимов, — вот-вот в штаны наложит». Вспомнилась книга о русском генерале, который, не желая грубо оскорбить трусливого

подчиненного, написал в его аттестации: "В бою застенчив". Интеллигент был генерал, оскорбить боялся.

Стеклов стоял, глядя куда-то в сторону. Его уже открыто била дрожь.

— Ваш комбат, товарищ прапорщик, подчиняется мне. Я ему ставил задачу патрулировать шоссе. Но у этой задачи есть и вторая часть — оказывать помощь войсковым нарядам при нападении боевиков.

— Я не поеду, — глухо сказал Стеклов. — Пускай эти чурки сами между собой разбираются.

— Ты можешь не ехать, но если ты сейчас, при этих пацанах поднимешь панику, я тебя расстреляю как труса и паникера. — Максимов взялся за ремень автомата. — Вон отсюда!

Стеклов испуганно отскочил.

Максимов подошел к строю, оглядел еще мальчишеские лица, обтянутые ремешками касок.

— Со мной поедут пять человек. Кто желает, выйти из строя.

Все десять солдат одновременно, как по команде, сделали шаг вперед.

Место встречи с группой Родичева было рядом с поворотом, где коменданта должен был ждать эгцаогский председатель. На условный сигнал фонарем со склона тут же ответили тремя короткими вспышками красного цвета.

— Командир, — возбужденно заговорил чуть ли не кубарем скатившийся к машине Родичев, — ну и стрельба же здесь была часа полтора назад. Я пятнадцать боевиков насчитал, все огневые точки засек. Они потом в сторону кладбища подались. С кем же это так воевали?

— Товарищ полковник, — добавил пришедший с майором сержант, — у нас пули над головой по-взаправдашнему свистели, как на самой настоящей войне.

— С кем, спрашиваешь, они воевали? — усмехнулся Максимов. — Да с нами, Миша, и воевали. Так что у нас с тобой не просто разведка, а разведка боем получилась. Ну а то, что ты все огневые точки засек, это хорошо.

За поворотом с ноги на ногу переминался Генрих, председатель колхоза Эгцаога.

Оборвав его путанные оправдания, Максимов жестко сказал:

— Завтра я приеду сюда с тремя танками, тогда поговорим и с тобой, и с твоими боевиками. А пока живи.

В село они так и не поехали.

— В комендатуру? — потянувшись, спросил Родичев.

— Подожди, — комендант подошел к обочине. В первых лучах солнца был хорошо виден лежащий на дне ущелья "уазик".

Майор навел бинокль и присвистнул:

— Решето.

— Завести не смогли, так в пропасть столкнули. — Максимов повернулся к Родичеву. — Безлошадный я теперь. Так что в комендатуру только если на твоей.

...Через два дня на рассвете войсковой спецназ бесшумно разоружил боевиков. В Эгцаоге изъяли много оружия. На кладбище под одной из могильных плит тоже оказались стволы. Группой спецназовцев командовал майор Родичев, который на этот раз был в маске и без знаков различия.

Прошло две недели. 2 декабря Максимов позвонил из Степанакерта комендант НКАО.

— Обстановка спокойная, товарищ генерал, — доложил Максимов. — На удивление.

— Вот и я удивляюсь. Может, химичите там? Лакируете? Меня лишний раз побеспокоить боитесь?

— Последнюю неделю, товарищ генерал, одна мелочевка, — Владимир, не отрываясь от телефонной трубки, махнул рукой начальнику штаба, прося сводку за сутки. — За двадцать четыре часа только нарушения комендантского часа: задержаны трое местных омовцев с оружием и двое гражданских. Предъявили удостоверения сотрудников КГБ, но, как оказалось, к комитету никакого отношения не имеют, удостоверения поддельные, сегодня отправим их к вам в Степанакерт.

— Добро. Ты все же давай бдительности не теряй. Ну, бывай здоров!

— Похоже, выходной нам дали? — довольно потянулся Иван Иванович, едва Максимов повесил трубку. — Можно будет штабные бумаги в порядок привести, запасы пополнить.

— Вот уж не надо! — запротестовал комендант. — Один выходной у меня уже был. До сих пор икается.

— А я вот что думаю, командир. Может, все кончилось?

— Что? — не понял Максимов.

— Да война эта. Поняли наконец и те и другие, что делить им нечего.

— Охо-хо, — недоверчиво потянул Владимир. — Насчет войны этой боюсь и загадывать. А вот для нас, знаю, меньше месяца до замены осталось.

— Двадцать девять дней, — тут же уточнил Иван Иванович.

— Двадцать восемь, — не согласился Максимов, оглядываясь на висевший на стене календарь с зачеркнутыми числами.

Они засмеялись.

Запищал зуммер радиостанции.

— Ну вот, а ты говоришь — выходной, — враз поскучев, вздохнул Максимов и взял гарнитуру рации.

— Товарищ полковник, — донесся искаженный шумами эфира голос, — лейтенант Колесников из Гюйтале беспокоит.

— Слушаю, лейтенант. Как обстановка?

— Все спокойно, товарищ полковник, не могли бы подъехать или прислать кого?

— Чего же ехать, раз все спокойно?

— Да праздник у нас тут...

— Чего-то темнит лейтенант, — повернулся к начштаба Максимов и снова нажал кнопку на микрофоне. — Одному подъехать или как?

— Лучше с друзьями, — прозвучало в наушниках рации.

Максимов положил гарнитуру и встал, снимая автомат со стены.

— Надо ехать, по рации прямо не скажешь, боевики наверняка слушают. Давай, Иваныч, побудь на хозяйстве, а я со взводом солдат к Колесникову в Гюйтале наведуясь...

Лейтенант Колесников, круглолицый крепыш, встретил коменданта на пороге заставы и стал неторопливо объяснять ситуацию:

— Азербайджанцы водку принесли, товарищ полковник.

— Водку? И много? — удивился Максимов.

— Ящик. Говорят, у них национальный праздник.

— Отказался?

— Зачем? — удивился лейтенант. — Взял. Она сейчас у старшины в каптерке под замком.

— Так, может, действительно праздник у них?

— Не-е-е, — протянул лейтенант, — я календарь смотрел.

— Ну? — Слова из лейтенанта надо было вытягивать буквально клещами. — Меня-то зачем вызвал?

— Мы, товарищ полковник, когда водку взяли, местность на всякий случай осмотрели.

— Так.

— Вон у тех домиков, — показал рукой Колесников, — еще ящик нашли.

— У них что, тут, в Гюитале, ликероводочный завод?

— Да нет, в том ящике бутылки с зажигательной смесью.

— Понял, — сразу посерьезнел Максимов. — Надо к празднику готовиться.

Ближе к вечеру из расположения заставы послышался дружный, хотя и нестройный хор. "По Дону гуляет казак молодой..." — неслось над селом. Потом спели про дивчину, которая черноброва, другие песни. Репертуар у солдат оказался богатым.

"Молодцы ребята, хорошо поют, — отмечал про себя комендант. — Пусть те, кто решил их "угостить", а вернее, напоить, послушают и успокоятся: мы свято чтим национальные праздники".

С началом ночи песни затихли. Как тени выскользнули солдаты из двора заставы и заняли места в окопах. Наблюдательный пост с радиостанцией и прибором ночного видения в двух километрах от села Максимов и Колесников выставили еще днем.

Сами они теперь сидели в БТРе, тихо разговаривали и курили, вслушиваясь в шум включенной на прием радиостанции.

— Что лейтенант? — решил пощупать его настроение комендант. —

Два БТРа, да солдат полтора взвода, сил-то хватит?

— Должно хватить, — невозмутимо ответил Колесников, — не танки же на нас пойдут. Так, с десятков боевиков.

— Да больно место у тебя бойкое. Внизу армянское село. Шоссе рядом. Нашкодят и могут сразу смыться.

— У меня не нашкодят, — сурово заявил лейтенант и сразу поправился. — У нас, товарищ полковник. Два БТРа — это сила.

В 23.30 из динамика радиции зазвучала песня. “Три звезды...” — глухим голосом, но старательно пел радист песню Пугачевой.

— На трех машинах гости едут, — присвистнул Максимов. — По-крупному работают. Ты давай, лейтенант, на второй БТР и держи дорогу, а я здесь село прикрою.

Прошло еще минут тридцать, и со стороны Лачина, с тыла, раздались автоматные очереди. Максимов взял микрофон радиостанции.

— “Гранит”, я Пятьсот двенадцатый, доложите обстановку, — запросил он пост, стоящий на выходе из села.

— Пятьсот двенадцатый, я “Гранит”. Четыре боевика, подъехавшие со стороны Лачина на машине, обстреляли пост и отошли.

“Да, совсем неплохо они задумали, — покачал головой Максимов. — Отвлечь нас в тылу, чтобы основными силами напасть с фронта”.

Боевики появились внезапно. В зеленоватом свете прибора ночного видения хорошо просматривались карабкавшиеся по склонам горы люди.

— “Альфа”, я Пятьсот двенадцатый, встречайте гостей. Идут прямо на вас. Сделайте предупредительный окрик. При невыполнении — огонь на поражение, — приказал Максимов.

Стрелять боевики начали первыми, но, наткнувшись на плотный огонь, в растерянности начали откатываться вниз. И тут снизу, где находился с основными силами Максимов, заработали пулеметы и автоматы. Попав в огневой мешок, боевики попытались спрятаться в стоящей на склоне полуразрушенной школе. Но та загорелась, и боевики оказались как на ладони. Их атака окончательно

захлебнулась. Разрозненными группами они стали отходить в горы. Потерь среди солдат не было.

К середине декабря в Карабах пришла зима. За два дня снега навалило столько, что из огромных сугробов торчали лишь ветки деревьев. И хоть столбик термометра едва опустился ниже нуля, холодный ветер, проникая в щели “уазика”, выдувал тепло, заставляя застегивать под горло зимнюю офицерскую куртку. Максимов устроился на заднем сиденье между двумя солдатами и все никак не мог согреться. Его знобило. Солдаты сидели спокойно, даже перчаток не надели, только их красные от холода ладони казались неестественно большими.

Родичев, обернувшись к ним с переднего сиденья, балагурил:

— Так что, командир, со снегом у нас никаких проблем не будет: сразу станет видно, сколько прошло, куда и откуда. А как тропы боевиков выявим, начнем капканы ставить и отлавливать.

Солдаты улыбались шутке майора, а Максимов все никак не мог отогнать от себя гадкое чувство, оставшееся от последней встречи с Газаловым. Сегодня офицеры ехали в Онверст, где должны были собраться представители армянской и азербайджанской стороны. Ехали, чтобы проверить, все ли готово к переговорам о возвращении в свои села беженцев. В Онверсте ждали заместителя прокурора Баку Ловшана Алиева, прокурора Шуши Алладина Апискерова, партийных руководителей, представителей советских органов. А председатель райисполкома Шуши Газалов на приглашение коменданта ответил категорическим отказом.

— После того, что произошло, — поднявшись из-за стола, заявил он, — после того, как мой народ пролил столько крови, мы жить вместе не сможем.

— Так что же вы предлагаете? — даже растерялся тогда Максимов. — Воевать, убивать, насиловать, так, что ли?

— Да! — после паузы резко сказал Газалов...

— Саша, стой! — перебил комендант все еще травившего байки Родичева. — У тебя что, на новой машине печка не работает? Давай подтопи, не лето.

Водитель включил печку, и сразу в салон ощутимо потянуло теплом. Максимов размял пальцы, поерзал на сиденье устраиваясь поудобнее, и, убаюканный частыми поворотами горной дороги и ровной, монотонной работой мотора, задремал. Так проехали Дашалты, Зарысли.

Проснулся он от охватившего его острого чувства опасности. Машина все так же катила по шоссе. Солдаты равнодушно смотрели перед собой.

— Все нормально? — хриплым со сна голосом спросил он Родичева.

— Что-то не могу врубиться в обстановку, товарищ полковник, — озабоченно ответил майор. — Когда подъезжали к Дашалты, нас обогнала белая "Нива", проехала дальше и остановилась. В машине четверо. Потом она же обогнала нас и встретила уже у Зарысли. Подождала и снова пошла на обгон. Не удивлюсь, если встретим ее и в следующем селе. Какой-то почетный эскорт получается.

— Думаешь, провокацию готовят? — спросил комендант. — Хотя... Ведь день на дворе, да и на переговоры едем.

— А если они не всем нужны, переговоры эти? Мы уже пару раз влипали по-крупному, а Бог, как говорится, любит троицу.

— Сплюнь, Миша, и давай за дорогой смотри, — посоветовал Максимов и обратился к сидевшим по бокам солдатам: — Давайте, ребята, не расслабляйтесь.

Когда подъехали к Туршсу, Максимов сам увидел стоявшую на обочине белую "Ниву".

— Эта, что ли? — спросил он у Родичева.

— Она, — ответил майор и приказал водителю сбавить скорость.

Лишь "уазик" приблизился, "Нива" стремительно сорвалась с места и быстро скрылась за поворотом.

— Саша, — наклонился к водителю Максимов, — езжай тихонько и давай

жмись, жмись к бордюричку, здесь поворот крутоват.

— Товарищ полковник, — поворачивая руль, улыбнулся водитель, — так нет ведь бордюричка.

— А ты все равно жмись. Жмись давай, Саша.

— Товарищ полковник...

Солдат не успел договорить, как из-за поворота на них на полной скорости выскочил темно-зеленый ЗИЛ. Удар пришелся в левый борт "уазика", и его бросило на прижавшийся вплотную к дороге склон горы. Машина, теряя тент, боком проехала по камням, потом, словно раздумывая, качнулась и снова встала на колеса.

Максимов почувствовал сильную боль в правой ноге. Водитель лежал, навалившись на руль. Майор Родичев без сознания еле-еле, словно в замедленной киносъемке, сползал с сиденья на пол. Лишь солдаты рядом с комендантом в бронезилетах и касках отделались легким испугом.

— За мной! — закричал полковник.

— Выходи! — и перегнувшись, сам открыл дверцу машины.

Превозмогая боль, он выскочил на шоссе и вместе с солдатами метнулся к остановившемуся ЗИЛу. Увидев их, из кабины грузовика выпрыгнули двое и побежали в сторону поселка.

— Стой!

Максимов вырвал из рук солдата автомат и дал длинную очередь поверх голов убежавших. Те, как по команде, упали на землю, положив руки за голову. Хромая, Максимов подошел к ним.

— Начальник, нас заставили, — закричал один из лежащих, — они сказали, что если мы этого не сделаем, отомстят семьям.

— Заставили? — стволом автомата Максимов приподнял задравшийся край куртки на одном из лежащих. За поясом оказалась ребристая рукоятка пистолета. — Ты, сволочь... Если хоть кто из наших побился, я тебя сам... без суда...

— Начальник! Нас заставили...

На шоссе со стороны Шуши показались БТР и "Урал".

“Смена, на заставу в Киров”, — пронеслось в голове у Максимова.

Из подъехавшей машины выпрыгнули солдаты.

— Товарищ полковник, — подбежал к нему прапорщик, — вы ранены? Давайте скорее в машину и в Шушу.

— Нет, — помотал головой Максимов, — в Онверст.

...Лишь к вечеру после переговоров удалось добраться до врача. Максимов лежал на кушетке, ноги и шею неприятно холодила клеенка. Сильно болела голова, подташнивало.

Врач мыл руки в углу кабинета.

— Счастливо отделались, товарищ полковник, — неторопливо заключил он. — Сотрясение, но не сильное. Будем надеяться, что обойдется без последствий.

— Как Родичев? — спросил Максимов.

— С майором ничего страшного, только осколками стекла посеколо, пришлось швы наложить. А вам нужна хотя бы неделя строгого постельного режима. Качественное питание. Избегать нагрузок и волнений.

Врач обернулся к Максиму и осекся, увидев на его лице улыбку.

— Зря вы так, комендант, — рассердился он. — Сотрясение мозга не шутка! Еще неизвестно, чем это для вас закончится.

— Ничего, доктор. — Максимов осторожно сел на кушетке. — Переговоры идут, а это главное. Койка у меня и в комендатуре есть, так что теперь действительно можно денек и полежать.

— Ну знаете ли... — От возмущения врач стал машинально вытирать руки о висевший рядом с полотенцем халат.

30 декабря у входа в здание комендатуры поставили елочку. Пушистую красавицу наряжали как могли. Нехитрые украшения мастерили и солдаты, и офицеры. Иван Иванович, повздыхав, выделил из своих штабных запасов цветную бумагу на серпантин и конфетти. Полковник Максимов изменения в ее наряде заметил только вечером. Все последние дни своей командировки он объезжал участок,

представляя властям нового коменданта, молодого подполковника, прибывшего на замену.

Последним пунктом было село Киров — “гнездо боевиков”. Выйдя из сельсовета, Максимов с удивлением посмотрел на собравшуюся толпу.

Навстречу офицерам шагнул седой старик. Судя по всему, он был старейшим в селе.

— Уезжаешь, комендант?

— Уезжаю.

— Ты знаешь, полковник, у нас принято хорошим людям что-то дарить на память. Скажи, что бы ты хотел?

— Подарите мне свой хлеб, — сказал Максимов. — У вас удивительный хлеб.

Старик обернулся к сельчанам, от толпы тотчас отделилась одна из женщин и побежала к дому.

— Ты хороший человек. — Старик говорил медленно, собравшиеся люди напряженно вслушивались в каждое его слово. — Спасибо тебе за все. Настанет еще время, народ наш верит в это, и мы снова встретимся, но тогда уже не будет войны. Все войны кончаются миром. Дай я от всех нас обниму тебя.

Когда офицеры сели в “уазик”, на заднем сиденье уже лежали завернутые в чистую холстину лепешки.

Зима в Баку выглядит чужеродной. И снег на городских улицах долго не задерживается, тает, смешиваясь с грязью.

Трое офицеров с нехитрыми жилетками пристроились на скамейке в сквере у аэропорта. Большой щит, два месяца назад призывавший достойно встретить октябрьскую годовщину, теперь был занят непонятной надписью на азербайджанском языке, но все равно исправно прикрывал военных от холодного пронизывающего ветра.

— Как бы рейс не отменили, — с тревогой глянул на хмурое небо Иван Иванович. — Объявят, мол, метеоусловия не позволяют, и кукуй тут.

— Улетим, — не согласился Родичев. — Не будет прямого борта, на любой российский рейс сажусь.

— Хорошо тебе, Миша, — вздохнул Иван Иванович. — А ко мне, на Украину, только три рейса. Когда еще у себя в Харькове буду?

Они помолчали, наконец Родичев спросил Максимова:

— Где теперь встретимся?

— В Среднюю Азию мне предлагают ехать служить. Наверно, поеду, — пожал плечами Максимов.

— Ох, не лежит у меня после Карабаха душа к этим национальным окраинам, — заметил Иван Иванович. — Лучше уж поближе к дому.

— А что нам, военным, дом? — не согласился Максимов. — Приказали, и вперед. Поеду, обустроюсь, семью перевезу. А окраины... Мы же теперь, милые мои, как пожарная команда в стране. Должен же хоть кто-то этому бардаку положить конец.

— Да, — согласился Родичев, — куда сегодня ни кинь, везде национализм, и лишь мы еще как-то держимся...

Они еще долго разговаривали, коротая время до своих рейсов, — о доме, службе, о месяцах, прошедших в Нагорном Карабахе. Пытались заглядывать вперед и, конечно, не знали, что через два дня на том же месте, где Максимов попал в засаду, будут в упор расстреляны командир батальона подполковник Ларионов, начальник штаба комендатуры Лачина майор Иванов, их водитель сержант и девушка, корреспондент молодежной газеты из Баку, которые ехали в Степанакерт. Что кровавый счет потерь не ограничится Карабахом. Кровавый молох пройдет по окраинам Союза, дойдет и до глубинной России. Через несколько месяцев в Ростове-на-Дону, наемные убийцы совершат покушение на бывшего коменданта района чрезвычайного положения. По роковой случайности убит будет не он, а его заместитель, севший в машину генерала. Собыют над горами вертолет с согласительной комиссией, где среди погибших будет и первый секретарь Шушинского райкома партии...

Не подозревали офицеры и того, что через год не станет Советского Союза, за который они воевали, за который погибали их товарищи и

друзья. Да и сами они волею судьбы окажутся в разных государствах. Будет служить в России Михаил Родичев, на Украине — Иван Иванович, а сам Максимов с огромным трудом выберется из Средней Азии в Белоруссию.

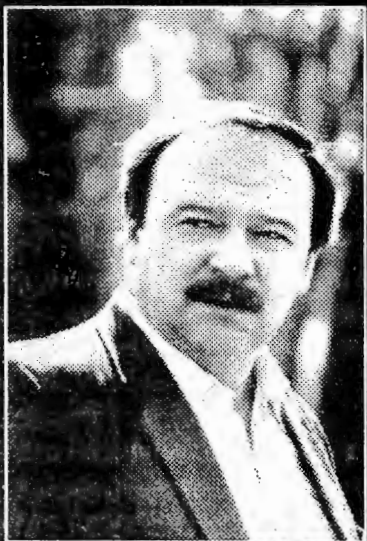
Так за кого и ради чего они воевали? Зачем нужно было все это?

Их война была последней войной Советского Союза, но и после его развала не наступило спокойствие. Абхазия, Приднестровье, Чечня... И не видно пока конца этим войнам, большим и малым. И сегодня, глядя на могилы погибших солдат, мы должны оценить живых: и тех, кто воевал, и тех, кто не держал в руках оружия, и особенно тех, кто развязал эти войны.

Шуша-Ташкент-Минск.

1991-1996

Геннадий КАСМЫНИН

О потерях всегда говорить тяжело и больно. Но когда из жизни уходит человек молодой и талантливый, уходит в расцвете творческих сил — говорить горько и больно вдвойне. Просто не верится, что Геннадия Григорьевича Касмынина нет с нами... Он родился в саратовском селе Казачка в 1948 году. Два года срочной служил во внутренних войсках. Затем окончил Литературный институт им. А.М. Горького и работал редактором в издательстве "Современник", заведовал отделом поэзии журнала "Наш современник". Не раз его стихи печатались и в нашем журнале. Нынешнюю подборку мы готовили к приближающемуся пятидесятилетию своего однополчанина...

Когда обрывается маятник сердца...

ЗИМА

В замечательно серые дни
Ни к чему мне улыбки привета,
Я чуюсь друзей и родни,
Не простят и осудят за это.
И угрюмо домой прихожу,
Отряхнусь от снега в прихожей,
Дом встречает меня, как ханжу,
Поцелуем хозяйки пригожей.
Я ложусь на скрипучий диван,
Ах, не трогай меня, голубица!
И жена моя думает: пьян,
И меня почему-то боится.
Что сказать ей и как объяснить,
Почему я морозными днями
Воробьев начинаю кормить
На дворе наравне с голубями.
И подолгу стою у ворот,
И гляжу на случайных прохожих,
Как метель их берет в оборот
После солнечных дней и погожих.

* * *

На что опереться —
на книжную полку,
На пламя свечи? Или ящик с едой?
Какую молитву творить втихомолку,
Когда пошатнешься еще молодой?
Еще не истрачены лучшие силы,
Еще человеки не сгнили внутри,
Но некая дрожь пошатнула могилы,
И люди живые упали — смотри!
Повсюду, от края земли и до края,
Роняет не пьяная немощь людей,
То глупостью глупых за глупость
карая,
То гибелью лучших, казалось, идей.
С чего началось потрясение мира,
И где этой тряске вселенской конец —
Ответить могла бы
под сердцем могила,
И книжная полка, и вечный Отец.

И если б мы знали,
 на что опереться,
 Могли бы на верный
 вскарабкаться путь,
 Когда обрывается маятник сердца
 От взлета к вершине —
 в какую-то жуть...

* * *

Домик жил и донник цвел,
 Мальвы шелком шелестели...
 Топором скоблили пол,
 Тыкву пареную ели.

Шли куда-то облака,
 Шли быки с такой же силой,
 И кисет для табака
 Вышит был рукою милой.

День прошел. Другой прошел.
 Век прошел... А птицы пели,
 Домик жил и донник цвел,
 Мальвы шелком шелестели.

Не менялась жизнь никак.
 Уходили в землю внуки.
 То же сено на быках.
 И кисет. И те же руки.

Как же нужно было так
 Не любить, не знать все это,
 Если нынче на болтах
 Еле держится планета.

Громыкает ржавый шар,
 Не цветет на свалке донник,
 Знать, кому-то помешал
 Белый-белый в мальвах домик...

14 ЛЕТ

На улице слякоть... Диван у окна,
 Из ситца в цветочек подушка,
 На ветке ворона. И тоже одна.
 Ни друг не летит, ни подружка.

Прохожие в тусклой резине сапог,
 В глащах прорезиненных — редки.
 Болел и глядел. И подняться не мог
 Нахохленной птицею с ветки.

Окрепли морозы: Упали снега.
 Окно заросло повителью.
 Два детских кирзовых моих сапога
 Никак не сойдутся с метелью.

Подсчитаны ныне бойцовские дни,
 Все было: здоровье и удаль,
 А сердце возьми иногда и кольни,
 И этот сигнал не оттуда ль —

Где серое небо над серым селом,
 Ворона на сломанной ветке,
 И жизнь не мечтает еще о былом
 В свободном полете по клетке?

* * *

Еще не скоро ветер севера
 Окостенит степные дни, —
 Не наступи на запахах клевера
 И птичью песню не сомни!

Она сама к тебе дотянется
 Издалека, из ивняка,
 Отогреваясь, будто странница,
 У сердца, как у камелька.

И эти легкие растения
 В кудрявом сомкнутом строю
 Почти бесплотны, как видения,
 Обступят молодость твою.

Отринет степь морщины опыта
 И наградит доверьем птиц,
 И на ладонь твою без ропота
 Слетят огни пустых зарниц!

УСЛОВНАЯ АТАКА

Меня убили наповал.
 Условно. При атаке.
 Я в луговой траве лежал,
 И колосились злаки.

Лежал, не думал ни о чем
 И остывал от пота.
 Земля дрожала под плечом —
 То шла вперед пехота.

И слышно было мне, когда
 Я был убит в атаке,
 Как в стеблях двигалась вода
 И созревали злаки.

Я сжал былинку в кулаке,
 И божия коровка
 Пятном родимым на щеке
 Пристроилась неловко...

СЛЕД ПО СЛЕДУ

Остались ноги у колосса,
 И голова цела, хотя
 С колес Россия на колеса
 Перемещается, кряхтя.

Из века в век одно и то же...
 Какие жуткие в ночи
 Из-за бугра к нам лезут рожи,
 И мы их бьем о кирпичи.

Бывало, встанем на колени
 И восхищаемся кнутом,
 И тут встает над нами Ленин,
 И что с того? И что потом?

Куда ни гляну, где ни еду,
 В какие дебри ни вхожу, —
 Пересекаю след по следу,
 По кругу заново кружу.

И не понять, какая сила
 И кем нам заново дана,

Чтоб устояла ты, Россия,
И ныне, в э т и времена.
Меняешь путь, меняешь рельсы,
Хоронишь мертвых и живых
И учишь нас: точнее целься
И бей врага под самый дых.
И не велишь себе перечить,
Когда грядущее темно.
Прощай, Россия! И до встречи!
Конечно, если суждено.

* * *

Вместе мы начали, так это было,
И разлетелись, разбились на стаи:
К нашему берегу — щепки прибило,
К вашему берегу — лодки пристали.
Самое главное — музыку слышно,
Праздник, огни, ликованье, веселье.
Так получилось, назначено, вышло:
Там, на другом берегу, новоселье.
Несправедливо смеяться
над грустью,
Над нищетой ухмыляться прибытку.
Нас одинаково вынесет к устью,
Бросит на дыбу, поставит на пытку.
Кажется, все бесполезно и глупо
И не имеет такого значенья,
Как равнодушное, грубо и тупо
Нас уносящее к устью течение...

ПОЛЕТ ИВАНА

Иван летел на страшной птице
В страну своих счастливых грез
И, чтоб в полете не разбиться,
Чтоб птице было чем кормиться,
С водой и мясом бочки вез.
Когда на нет сошли запасы
И стал слабеть крылатый свей,
Он дал ей собственного мяса
И кровью напоил своей.
Почти столетье подвиг длится,
Земля молчание хранит.
Ивана нет... И только птица
Куда-то все еще летит.

* * *

Сквозь улюлюканье и вой,
Под каждым злобным взглядом
Иди спокойно, я с тобой,
И не дрожи, я рядом.
Не усмирить ничем толпу,
Что впала в озверенье,
Но ставь уверенной стопу,
Читай стихотворенье.
Сегодня может только кровь
Очеловечить стадо...
И если так, не прекословь,
Мы избраны, так надо.

Еще мы здесь, еще чуть-чуть
Мы здесь с тобою будем,
А за толпой — начнется путь,
Уже не видный людям.

Но мы и дальше точно так
Пойдем, как тени-звуки,
Не отдаляясь ни на шаг,
Не размыкая руки.

* * *

Все глубже в землю ухожу
И становлюсь все меньше ростом.
Июльской липою дышу,
Что золотится над погостом.

Повсюду зной и тишина,
На липе цвет — как паутина.
И жизнь корней едва слышна,
И еле слышится вершина.

С упорством землю из-под ног
Лопатой острой выгребаю,
А сверху липа, как венчик,
Зелено-желтая по краю.

Подует ветер, и пчела,
Отяжелев, с ветвей сорвется,
Как сгусток меда со стола
Иль капля в глубину колодца.

Еще я выберусь на свет
Из тех теснин, где много света,
Пока к моей могиле нет
Ни направления, ни следа...

МОЛЕНИЕ НАПОСЛЕДОК

Гнездо в деревне разорю,
Швырну солому с крыши — выюгам,
Себя в стаканы разолью,
Раздам друзьям, плесну подругам.

И не откажется никто,
И выпьют все, и в суматохе,
Чужие похватав пальто,
Погибнут без вести в эпохе.

Метель, метель, стели постель,
Я упаду на пух сугроба,
И лапником укроет ель
Кумач безвременного гроба.

Так быть могло, и шло к тому:
Однажды я из дому вышел, —
И жив еще, и не пойму,
Как уцелел, поднялся, выжил.

А зренья нет, и слух не тот,
И холодно в соломе солнца,
Одна печальница и ждет
Меня из странствий у оконца.

Иду по небу, как по льну,
Через приветы и проклятья,
К тебе прильну, к земле прильну.
И не разжать уже — объятья...

Публикация С.КАСМИНИНОЙ.

Встреча для вас

Так рано ушедший от нас талантливый киноактер и режиссер Леонид Быков однажды сказал о своем прекрасном фильме "Аты-баты, шли солдаты..." примерно следующее: некоторые наивно полагают, что Сват, герой, сыгранный мной, — главный персонаж, центральная фигура картины. На самом же деле, лейтенант Суслин — ее стержень. Таких, как он, сражалось на фронте большинство, и во многом благодаря крепости их духа, их стойкости и мужеству была добыта Победа. Володя Конкин очень точно и глубоко осмысленно передал философию, сверхзадачу образа. Не будь этой удачи — фильм не получился бы...

Обычно сдержанный в оценках, а тем более похвалах, Леонид Быков, думается, очень верно подметил определяющую черту артиста Владимира Конкина.

С тех пор, как я познакомился с ним, не перестаю удивляться его трудолюбию, творческой самоотдаче, умению очень точно и емко вопло-

щать суть любого сыгранного им персонажа. Это тем более удивительно, что актер ведь никогда не прибегает к внешне броским приемам и средствам. Тем не менее герои его почти всегда становятся очень близкими и узнаваемыми. Ну например хотя бы тот же легендарный Павка Корчагин. Или не менее известный в народе Шарапов. Откуда у Конкина такое умение? Что питает его творческий потенциал? Попробуем вместе с актером разобраться в этих непростых вопросах.

— Володя, полагаю, что время вносит очень мощные, мировоззренческие коррективы и в жизнь нашу, и в наше восприятие ее. Однако считаю: если вести серьезный разговор о творчестве актера Конкина, то как можно обойти его Павку Корчагина?

— И правильно мыслишь. Я демократ по естеству, по сути своей, хотя не из тех, что по ящику визжат. Некоторые перемены, которые произошли в нашей жизни, нужны были мне как воздух. Я поэтому и на баррикадах

был. Но при всем том отрещиваться от роли Павки Корчагина никогда не стану.

Я прожил эту роль (заметь: не сыграл — прожил) в таком возрасте и в такое время, что даже представить что-то иное, чем то, что получилось, невозможно было. Так что я был тогда очень, предельно искренен, выложился на фортиссимо своих творческих сил и способностей.

Поверишь, я на время съемок — а работали мы больше года — как бы растворился в этой великой и фанатичной личности. Не побоюсь признаться: он меня внутренне взбудоражил, перестроил всего. Учти, я же тогда впервые в жизни познакомился с подлинным Островским, который для школьных учебников был “кастрирован” на треть. Плюс прочитал подлинные дневники, письма. Так вот, что бы мы сегодня ни говорили, ни писали, но это характер, каких во все времена — раз, два и обчелся.

Разумеется, сыграть Павку посредственно или даже хорошо в то время — да об этом нельзя было и думать. И дело тут не только в том, что нашу работу курировал идеологический отдел ЦК КПСС, не в возможной актерской неудаче, от которой никто, кстати, не застрахован. Для меня лично все дело было в тех тысячах, а может быть, и миллионах мальчишек и девчонок, которым предстояло смотреть фильм. Поверят ли они в моего Павку — вот что терзало мою душу.

Положим, это я теперь, с высоты жизненного опыта понимаю, что преувеличивал и значение возможной неудачи, и потенциал, как бы сказали ученые люди, воспитательной функции фильма. Но почти двадцать лет назад я именно так и думал.

Словом, мне предстояло как бы заново всплахать характер Павки Корчагина, снять с его личности пелену поверхностного представления, бронзоватость и сыграть его живым, неординарным человеком. Наверное,

лишь мой собственный тогдашний максимализм, молодецкая вера в личные способности помогли мне справиться со столь трудной задачей.

— А не задают тебе такой вопрос: зачем понадобилась новая экранизация? У нас ведь был художественный фильм с таким же названием.

— Который, кстати, я смотрю и поныне с интересом. И молодой Василий Семенович Лановой мне в нем нравится. Но тут вот в чем дело. Такого героя, как Корчагин, сыграть раз и навсегда нельзя. Как нельзя этого сделать ни с Гамлетом, ни с Ричардом, ни с братьями Карамазовыми. Даже сейчас, в период всеобщего нигилизма, можно обращаться к Корчагину. Не исключаю, что через некоторое время вновь появится этот молодой, фанатичный коммунист и будет по-своему отвечать на самые сложные и жгучие вопросы жизни. Мы же тогда, в начале восьмидесятых, старались показать в Павке необыкновенную, запредельную силу, бескомпромиссность, при огромной, испепеляющей, фанатичной преданности идее.

По представлениям того времени, мы со своей задачей справились весьма и весьма неплохо. А как считали очень многие критики, так и вовсе великолепно. Правда, сейчас не все пишущие вспоминают о своих восторгах с удовольствием. Но я их не осуждаю. Если они искренне пришли к новым убеждениям, то слава Богу. Во мне самом ведь произошла огромная перемена. Я сейчас совсем по-иному играл бы Корчагина. Если вообще играл бы...

— Всегда ли новые убеждения — лучшие?

— Разумеется, не всегда, но чаще. Прежде всего по своей жизни сужу об этом. Сам я рос маленьким сыном, таким пай-мальчиком, почти что вундеркиндом. В доме была огромная библиотека. Я поглощал книги с ятем, занимался в исторической школе при университете. А

на улице, естественно, общался с пацанами, полубеспризорными сверстниками. Их родители или на войне погибли, или были репрессированы, или просто попадали в тюрьму, или спивались. Некоторые из ребят поэтому сидели в каждом классе по несколько лет. Я перенимал у них опыт курения, мат и все такое прочее.

Но в итоге, как видишь, и я бандитом не стал, и многие мои сверстники в люди выбились.

— Актерский твой стаж — уже под три десятилетия. За это время сыграно множество самых разнообразных ролей в кино, в театре, на телевидении — от лирико-комедийных до трагических. Но, если так можно выразиться, особый раздел твоего творчества — люди служивые: солдаты, офицеры, милиционеры. Чем было обусловлено твое частое обращение к так не модной нынче военно-патриотической теме?

— Причин тут несколько, как объективного, так и субъективного плана. К числу первых относится активная востребованность военно-патриотической проблематики в прошлые, так называемые застойные времена. Что касается субъективного фактора, то не могу здесь не вспомнить, как выступал однажды перед курсантами военного училища. Кто-то из будущих офицеров спросил: в каких войсках вы служили, Владимир Алексеевич? Нигде не служил, отвечаю и вижу легкое разочарование на лицах курсантов.

Так вот, не довелось мне служить — болезнь помешала. Но не будь ее, кто знает, как бы сложилась моя судьба. Очень даже возможно, что стал бы военным инженером. В детстве с увлечением мастерил всякие военные игрушки. К сыновьям-близнецам Ярославу и Святославу перешла эта увлеченность техникой.

Вообще к людям служивым любовью мне привита с детских лет. Отец, капитан в отставке, всю войну служил в

учебном подразделении, готовил младших авиаспециалистов для фронта. Считал званием сержанта, старшины основополагающими в армии. На них, родимых, любил повторять, вся служба держится. Оно и в самом деле так. Папа всегда с такой любовью и восторженно-светлой грустью вспоминал о своей службе, что я ему откровенно завидовал.

Жизнь свела меня еще с одним замечательным солдатом-фронтовиком. Это отец моей жены Аллы Лев Николаевич Выборнов. Юношей ушел на войну. Был командиром тридцатьчетверки. Воевал на многих фронтах. Дважды горел в танке. Домой вернулся без кисти левой руки. Уже много лет, как Льва Николаевича нет с нами, а память о нем живет в моем сердце.

Вспомнилось об этом не случайно. Так ли, иначе, но в каждой моей роли военного человека, будь то лейтенант Суслин из "Аты-баты...", Оленин из фильма "Кавказская повесть", старший лейтенант Шарапов из телефильма "Место встречи изменить нельзя", лейтенант Ерошин из спектакля "Батальоны просят огня", — в каждой буквально есть ведь что-то и от отцовской влюбленности в армейскую жизнь, и от душевных рассказов необычайно скромного Льва Николаевича, и от моих многочисленных встреч, бесед с воинами, милиционерами, моряками, пограничниками.

Хочу я того или не хочу, но душа накапливает, аккумулирует знания, впечатления от жизни и службы этих государственных людей, и в нужный момент на сцене или на съемочной площадке именно такие приобретения помогают мне быть искренним, правдивым, понятным зрителю.

Пойми, я не рисуюсь, и славы подобное признание мне уже не прибавит — в аполитичные времена живем. Но факт есть факт. Что-то такое сильное, зажигательное, бывает, щелкнет в твоей душе, и роль пошла. В "Аты-баты...", если помнишь, есть эпизод,

в котором Суслину нужно было выиграть дуэль со “стариком” Сватом, доказать подчиненным, что учебные занятия в тылу не детская забава, они нужны как воздух для того, чтобы в настоящем бою победить сильного и коварного врага. Сейчас даже трудно объяснить, почему вдруг перед произнесением монолога Суслина мне вспомнился отцовский рассказ. Он одиннадцать раз писал рапорт с просьбой, отправить на фронт. Однажды его вызвал начальник школы и сказал: “Ну подпишу я твой рапорт. Попадешь на передовую. Ну убьешь пяток фрицев. Тоже польза, конечно. А теперь прикинь: если каждый из твоих воспитанников хотя бы по паре фашистов уничтожит — это же армии какая подмога! Обидно, когда ты этой разницы не понимаешь”.

Вот и я постарался прежде всего осмыслить великую, если хочешь, государственную правоту лейтенанта Суслина. И когда понял, до конца принял его высшую командирскую правоту сам, тогда и начал свой монолог. И, скажу честно, мне за этот фильм сегодня не стыдно. Впрочем, и за остальные роли краснеть не приходится. Я не лукавил перед зрителем, не держал фиги в кармане, даже когда приходилось взбираться на патетические, по нынешним понятиям, высоты.

— Ну, что касается Шарапова, о котором хотелось бы поговорить особенно, то здесь, по-моему, нет ни грана патетики — голая жизненная правда, причем очень энергоемкая, как бы вневременная и потому актуальная особенно сегодня. Или я что-то не так понимаю?

— Я бы целиком отнес эту характеристику на счет Володи Высоцкого, друга и партнера. Мой же герой, если быть до конца объективным, не лишен некоторого романтического налета. Что, впрочем, вреда образу не принесло. Наоборот, только в таком ключе можно было философски победить Жеглова. Потому что если

бы я играл по канве сугубо линейной житейской логики, то позиция Жеглова, оплодотворенная талантом Высоцкого, осталась бы неприступной.

— Иногда мне кажется, что даже если бы ты сыграл в своей жизни только Шарапова, то и в таком случае твое имя было бы известно отечественному зрителю.

— Спасибо на добром слове. Только ты не думай, что с Шараповым, вообще с фильмом все было так радужно и гладко. После первой демонстрации ленты на Центральном телевидении в одной очень влиятельной по тем временам газете (она, к слову, и сегодня влиятельная, несмотря на то, что “Комсомольская правда”) появилась разгромная рецензия за подписью генерал-лейтенанта и двух полковников милиции. Чтобы не быть голословным, я сейчас ее найду и процитирую некоторые выдержки: “Перед зрителями же выступили довольно неорганизованные, не очень культурные, и к тому же неважно обученные люди, не брезговавшие для достижения успеха грубыми нарушениями социалистической законности...Деятельность МУРа всегда отличалась партийностью. В фильме это не нашло достаточного отображения. Характерными особенностями сотрудников МУРа всегда были точный расчет, высокое профессиональное мастерство, идейная закаленность, их отличала строгая дисциплина. На экране эти качества стусhevаны...Неправдоподобен эпизод, когда Шарапов случайно оказался в логове банды...В фильме же ее (милиции) работники действуют довольно изолированно... Вряд ли мы должны быть снисходительны к детективу, даже поставленному профессионально, если он искажает историю”.

И это только маленькая кошелка тех шишек, которые посыпались на головы создателей фильма. Слава Богу, не за такими критиками осталось последнее слово. У телефильма “Место встречи...” большая судьба. Я

всегда испытываю даже не творческое, а человеческое удовлетворение от того, что посчастливилось работать с такими людьми и с таким материалом. Полагаю символичным и то, что тружусь сейчас в Театре на Таганке, где, как известно, всю жизнь проработал Владимир Семенович Высоцкий. И тот факт, что до сих пор родная милиция видит во мне Шарапова — а таких примеров я тебе мог бы привести десятки, — тоже, наверное, что-то для артиста значит. Так что все путем, старик. Работать надо, вкалывать.

— Как ты организуешь свою непростую актерскую работу, чем в ней руководствуешься, что тебе помогает, что мешает?

— Попыткой конкретизировать вопрос ты его расширил до невероятных пределов. И если на него полно ответить, пришлось бы целый трактат написать.

Что могу сказать в самом приближенном плане? В искусстве все не так просто. Впечатления актера, его жизненные наблюдения, все то, что называется накоплением материала, воплощается в ролях весьма и весьма опосредованно. Но закономерность при этом очень четкая: глупый, недалекий, приземленно, если не примитивно мыслящий актер никогда ничего путного не сыграет. Отсюда простой, но очень важный вывод: нашему брату артисту надо всю жизнь учиться, хотя бы потому, что из ненаполненного сосуда нечему выливаться.

Мои учителя — старшие братья по цеху. И здесь мне очень повезло, со многими известными артистами работал, снимался. А еще — книги. Както я играл в советско-болгарском пятисерийном телефильме "Путь к Софии" русского офицера Киреева. Пришлось усиленно проштудировать специальную литературу. В итоге я стал таким докой, что ассистенты болгарского режиссера обращались ко мне за консультациями.

Говорю это не ради бахвальства.

Просто хочу лишний раз доказать: для того чтобы проникнуть в естество, в сущность героя, раствориться в нем, мало одного лицедейства, игры. Нужны твердые, а не умозрительные знания о конкретном герое, об эпохе.

— Так есть ведь режиссер, консультанты, которые обязаны подсказывать актеру, наставлять его на путь истинный.

— Есть еще их ассистенты, художники, композиторы и т.д. и т.п. Только ведь в итоге я один несу ответственность перед зрителями за качество своей работы, грамотная ли она, серьезная или это дилетантские потуги. Поэтому о своих персонажах я должен знать все или почти все, что может знать тот же режиссер, если не больше его.

А мешает мне все то же, что мешает и остальным гражданам России — нестабильность нашей жизни с ее экономическими, финансовыми и политическими несуразностями. Спасает врожденный оптимизм, вера в то, что переболеем, перенесем все трудности. Еще мне помогает крепкий тыл — жена, дочь, сыновья.

— О чем мечтает актер и человек Владимир Конкин?

— Говорю же: о лучшей жизни для своего многострадального народа, для своих близких, для себя. Надеюсь и на то, что еще сыграю в кино или в театре масштабную, значимую роль, хотя бы такого уровня, как Шарапов.

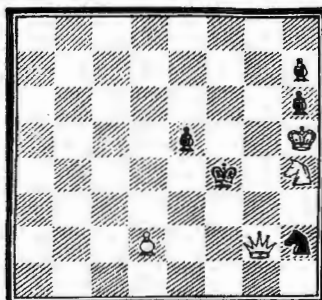
**Беседу вел
полковник М. ЗАХАРЧУК.**

Под редакцией
мастера спорта
А.КАЛИНИНА

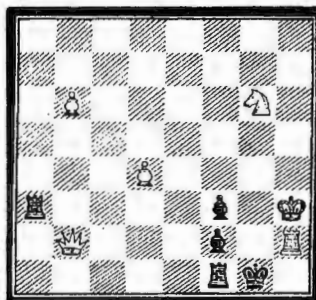
Решите наши задачи

№ 46

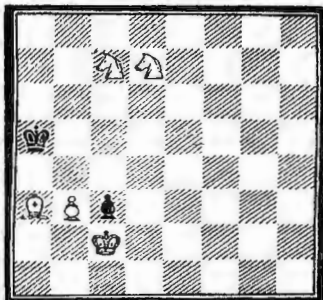
Мат в 2 хода

№ 47

Мат в 3 хода

№ 48

Мат в 4 хода

Мы не раз писали, что решение шахматных задач и этюдов есть превосходная гимнастика для головного мозга, это и отдых, и работа, и общение — самая важная жизненная потребность человека. Публикуемые задачи не требуют утомительного анализа, они эмоциональны, раскрытие их секрета приносит удовлетворение.

Любителям гетеродоксов предлагаем решить.

№ 49. Кра8, Лh8, п. h6 (3) — Кра3, Лb4, Лg3, Са1 (4), кооперативный мат в 3 хода.

№ 50. Крh1, Фg8, Лf4, Се1, Cf3, Кh6 (6) — Крh3, Са4, пп. b5, h2 (4), обратный мат в 4 хода. В начальной позиции есть готовые маты: 1...Cd1 2. Сg4+ С:g4 3. Лf3+ С:f3+ 4. Фg2+ С:g2X!; 1...Cb3 2. Фе6+ С:e6 3. Сg4+ С:g4 4. Лf3+ С:f3 X! Однако нет матов на другие ходы черных. Как же вынудить черных заматовать белого короля?

ВПЕРЕДИ ЧЕМПИОНАТ МИРА

В прошлом номере мы сообщили нашим читателям, что Г. Каспаров отказался участвовать в очередном чемпионате мира, запланированном ФИДЕ на декабрь-январь. Свой отказ он мотивировал нарушением сложившихся традиций выявления сильнейшего шахматиста.

Повлиял ли его отказ на порядок предстоящего чемпионата мира? На этот вопрос дал ответ прошедший недавно в Кишиневе конгресс ФИДЕ. На нем было решено оставить ранее принятый порядок чемпионата мира без изменений.

Как известно, в чемпионате мира запланировано участие 99 сильнейших игроков, их имена уже известны. В чемпионате будет 8 раундов, в них играют: в 1-м — 68 игроков, во 2-м — 62, в 3-м — 32, в 4-м — 16, в 5-м — 8, в 6-м — 4, в 7-м 4, в 8-м (финальном) — 2 игрока. А. Карпов дал согласие участвовать в чемпионате, его участие

начнется с 7-го раунда. Каждый матч в первых семи раундах будет состоять из двух партий, а 8-й (финальный) — из шести. При ничейном исходе в раундах предусмотрена дополнительная игра с 25-минутным контролем времени.

Итак, возврата к старому порядку, к чему призывает Г. Каспаров, не будет. Победителя финального матча провозгласят чемпионом мира, и он сохранит этот титул до следующего чемпионата мира. Никто, кроме ФИДЕ, не имеет права организовывать чемпионаты мира, период двух чемпионов (среди профессионалов и ФИДЕ) кончится.

Решен и финансовый вопрос, в кассу ФИДЕ уже сейчас поступило от спонсоров 50 млн. долларов на будущие чемпионаты мира, а призовой фонд этого чемпионата мира равен 5,5 млн. долларов.

Первые семь раундов чемпионата пройдут в Гронингене (Голландия), а 8-й (финальный) — в Лозанне (Швейцария).

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

(На боевом посту, 1997, № 10)

№ 41. Крd8, Cd2, Се6, Кd7, п. h4 (5) — Крg7 (1), мат в 2 хода. 1. Кf8! Кр:f8, Крf6, Крh8 2. Ch6, Сс3 X!

№ 42. Кре1, Лс8, Сb2, Сg2, пп. e5, f2 (6) — Крd3, п. e7 (2), мат в 3 хода. 1. Лс5! e6 2. Лb5! Крe4 3. Cf1 X!; 2...Крc2 3. Се4 X!

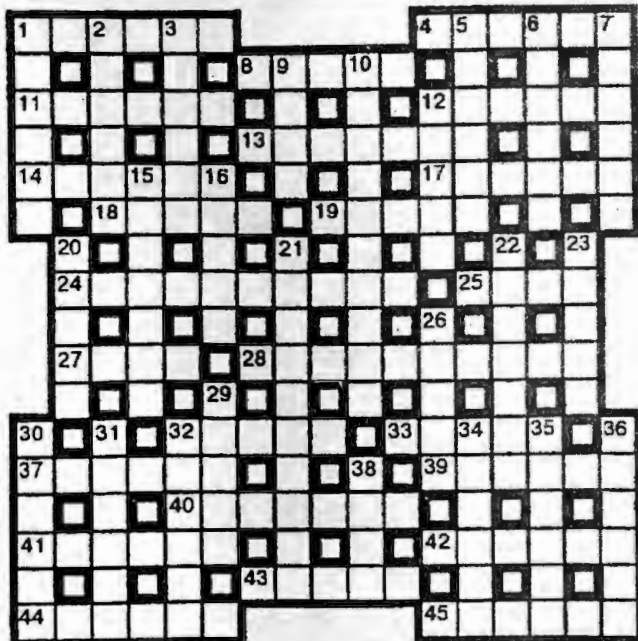
№ 44. Крb1, Фf3, Сg5 (3) — Крd4, пп. e5, e6 (3), кооперативный мат в 2 хода, 3 решения. 1. Крc5 Фb7 2. Крd6 Се7 X!; 1. Крc4 Фd5+ 2. Крc3 Cd2 X!; 1. e4 Фb3 2. e5 Се3 X! Три эхомата!

№ 45. Крg8, Лd2, Ch7 (3) — Крc5, Сс3, п. c4 (3), кооперативный мат в 3 хода, 2 решения. 1. Сb4! Сb1! 2. c3 Лd5+ 3. Крc4 Са2X!; 1. Крb4! Cd3 2. Крa3 С:c4 3. Сb4 Ла2 X!

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Место ночлега в курятнике. 4. Посредник при заключении сделок. 8. Небольшой якорь с тремя и более лапами. 11. Название гор и горных хребтов в Южной и Центральной Америке. 12. Марка автобусов. 13. "Однажды Лебедь, Рак да Щука везли с... воз взялись..." (И. А. Крылов). 14. Помещение для ума. 17. Оборот речи, выражение, свойственное какому-нибудь языку и непереводаемое дословно на другой язык. 18. Стадо овец. 19. Девушка (книжн. устар.). 24. Мать учения. 25. Вторая профессия швеца и на дуде игрока. 27. Верхнее облачение священника, надеваемое во время богослужения. 28. Эффектный номер в цирковых или эстрадных представлениях. 32. Ампула актера. 33. Его рекомендуется держать сухим. 37. Установленный порядок обрядовых действий. 39. Она укладывается в цифру 7. 40. Мешанина из популярных песен. 41. Мифологическая птица, возрождающаяся из пепла. 42. Детективщица с мировым именем. 43. Бальный танец. 44. Город в Ферганской долине. 45. Ее можно обнаружить в фотоаппарате.

По вертикали:

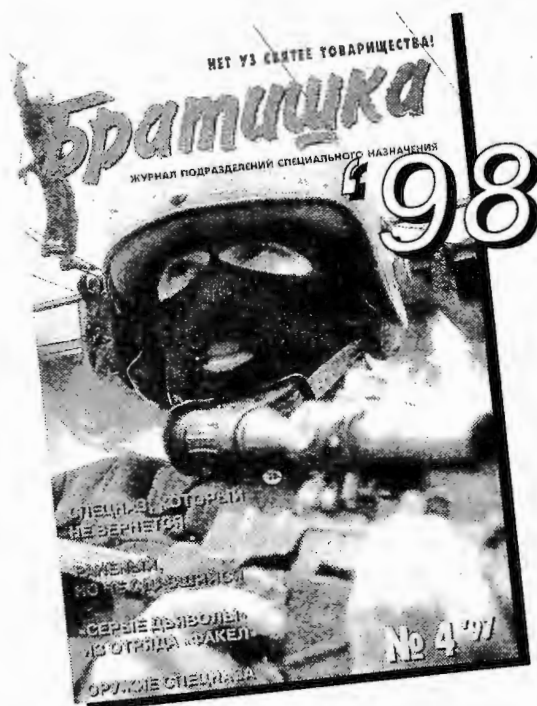
1. Искусственное земляное возвышение. 2. "Чудится, будто весь вылит он (Днепр) из..." (Н. В. Гоголь). 3. Дом без хозяйина. 5. Дорога, идущая параллельно линии фронта. 6. Заградительный отряд. 7. Прерывистый и длительный гул. 9. Группа подвод, повозок, перевозящих кладь. 10. Цифра, указывающая

порядковый номер страницы книги, журнала. 12. Что можно прописать с помощью одной из букв церковно-славянской азбуки? 15. Появление у потомка какого-нибудь признака, существовавшего у его отдаленных предков. 16. Инертный газ. 20. Часть сооружения, несущая на себе тяжесть других частей. 21. Карусель для космонавтов. 22. Человек противоположных взглядов. 23. Она бывает не только в театре, но и в быту. 26. Покатость, плоскость, расположенная наклонно. 29. Соцветие большинства злаков. 30. Диаграмма, чертеж. 31. Машина для обработки металла, дерева, других материалов. 32. Звероловный снаряд. 34. "Как ... на часах" (песен.). 35. Представитель одной из народностей в Грузии. 36. На чем не провести воробья?

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 9

По горизонтали: 1. Хамовники. 4. Пречистенка. 7. Живопись. 9. Якиманка. 12. Истра. 13. Лефортово. 14. Арбат. 17. "Ашхабад". 21. Ловейко. 23. "Эрмитаж". 24. Померанцев. 25. Петровская. 28. Валовая. 30. Светлый. 31. Фадеева. 35. Иофан. 36. "Энтузиаст". 37. "Салют". 38. Тропинин. 39. Ипподром. 40. "Современник". 41. Третьяков.

По вертикали: 2. Алексеев. 3. Коньково. 5. Квартал. 6. Андреев. 8. Курский. 10. "Рига". 11. Утро. 15. Басманный. 16. "Волгоград". 18. Шолохов. 19. Арсенал. 20. Шаферан. 22. Казаков. 26. "Колизей". 27. Атласов. 29. Декабрь. 30. Спич. 32. Асти. 33. "Антиквар". 34. Осипенко.

НЕ УПУСТИТЕ СВОЙ ШАНС!

В 1998 году журнал будет выходить каждые два месяца, а потому спешите оформить подписку, чтобы не пропустить ни одного номера!

На первое полугодие 1998 года подписку на "Братишку" можно оформить только через редакцию. Со второго полугодия — через почтовый каталог.

Среди тех, кто оформит подписку на весь 1998 год, будет проведена лотерея (среди призов — наборы камуфлированной формы одежды от санкт-петербургской фирмы "АНА"), а первая 1000 подписчиков получит специальные призы от редакции.

Если вы решили выписать 10 и более экземпляров журнала, вам предоставляется скидка в размере 10%.

Если вы сможете сами забирать журнал в редакции — каждый экземпляр обойдется вам на 30% дешевле.

Семьям военнослужащих внутренних войск, погибших при выполнении служебных обязанностей, при оформлении подписки предоставляется скидка в размере 50%.

Чтобы подписаться на "Братишку", нужно перечислить на наш расчетный счет через банк или почтовым переводом необходимую сумму, затем копию платежного поручения или квитанцию об оплате, а также подписной купон выслать в редакцию по адресу: 107120, г. Москва, Сыромятнинский пр., 8. Редакция журнала "Братишка".

НАШИ БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ:
ИНН 7722312647 р/счет 150467082
в АКБ "СБС-Агро", г. Москва
кор/счет 506161200, БИК 044541506

Подписная цена (с учетом доставки):
3 номера (I полугодие) — 30 тыс. рублей,
6 номеров (годовая подписка) — 60 тыс. рублей.

Для подписчиков стран СНГ:
3 номера — 39 тыс. рублей, 6 номеров — 78 тыс. рублей.

ПОДПИСНОЙ КУПОН

(подписка через редакцию)

Прошу оформить подписку на журнал "Братишка"

На I полугодие 1998 г. На 1998 год Количество экземпляров

Ф. И. О. _____

Индекс _____ Адрес _____

Деньги в сумме _____ рублей перечислены.
Копия платежного поручения (квитанция) прилагается.

**За любой дополнительной информацией о подписке
обращаться по тел.: 917-15-89, тел./факс: 916-14-64**

ЗАО Научно-производственная фирма "ВОСТОК-ДИЗАЙН" предлагает:

СДЕЛАТЬ ЗАКАЗ
В НАШЕЙ ФИРМЕ ВЫГОДНО,

ДЁШЕВО И

НАДЁЖНО!

Мы изготовим часы по вашему заказу к профессиональному празднику, юбилейным датам с новой российской символикой, с символикой округов, соединений и частей внутренних войск, с индивидуальным дизайном, с изображением родных, близких и друзей.

ЗАКАЗНЫЕ ЧАСЫ

Наш адрес: 125299, а/я 977, Москва,
ул. Клары Цеткин, 4/6
Тел./факс: (095)159-5859
Тел.: 459-9127, 459-0606, 459-0604

ЦИФЕРЬЛАТЫ НА ГОЛОГРАФИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

Медаль Ушакова

Положение о медали Ушакова

Медалью Ушакова награждаются военнослужащие Военно-Морского Флота и морских частей Пограничных войск Российской Федерации за личное мужество и отвагу, проявленные при защите Отечества и государственных интересов Российской Федерации на морских театрах военных действий, при защите государственной морской границы, при выполнении боевых задач кораблями и частями Военно-Морского Флота и Пограничных войск Российской Федерации, при несении боевой службы и боевого дежурства, на учениях и маневрах, при исполнении воинского долга в условиях, сопряженных с риском для жизни, за отличные показатели в боевой подготовке и морской выучке.

Медаль Ушакова носится на левой стороне груди и при наличии других медалей Российской Федерации располагается после медали Суворова.

Описание медали Ушакова

Медаль Ушакова из серебра, имеет форму круга диаметром 36 мм с выпуклым бортиком, в середине которого помещено рельефное погрудное изображение Ф. Ф. Ушакова, обрамленное по окружности выпуклыми точками. Вверху по окружности — выпуклыми буквами надпись "Адмирал Ушаков". Внизу под рельефным изображением Ушакова — две лавровые ветви, соединенные перекрещивающейся лентой. Круг медали наложен на якорь. На оборотной стороне — номер медали.

Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодкой, обтянутой шелковой муаровой лентой голубого цвета с белыми и синими полосками вдоль краев. Ширина ленты 24 мм, ширина белой полоски 2 мм, синей полоски — 1,5 мм поверх ленты от верхних углов колодки к ушку медали крепится якорцель.